Транзит

литературно-художественный и общественно-политический журнал фантастики

05-2012

В номере:

vechap
Неожиданные повороты и концовки сюжета

Кир Луковкин
Субботний разговор

Эдвард Ли
Солевой ворожей

Доктор Спрут
Как ограбить банк?

Интервью номера:
нечто реалистичное, но с ароматом фэнтези...

Мишель Жери
Желтая пыль времени

Грег Иган
Демон подземелья

Содержание

zangar. Для чего порой бывают нужны бульварные газетёнки. 3

vachap. Неожиданные повороты и концовки сюжета 5

Доска сообщений наших прибалтийских корреспондентов:

Парамон Эзопов. Эстонские басни на новый лад 9

Вл. Песняр. Беларусь в опасности! 10

Фанатка группы «Битлз» *(Литва).* Проблема лишнего веса 12

Дм. Карп *(Рига, 1998).* Манипуляция с мозгами 13

Наши авторы:

Кир Луковкин ака Зведочет. Субботний разговор 16

Даркпанк

Эдвард Ли (перевод ART). Солевой ворожей 25

Юмор номера

Татьяна Адаменко. Чудеса 46

Доктор Спрут. Как ограбить банк 49

Интервью номера

Интервью с художником: Клэй Хэджбаш «на узкой дороге постеров» 51

defect. Вальпургиева ночь 55

Гвоздь номера

Мишель Жери *(перевод И. Найденкова)* Желтая пыль времени. 57

Грег Иган *(перевод И. Найденкова).* Демон подземелья 72

Редакционная коллегия:

Вач — от которого зависит всё

zangar — от которого не зависит ничего

Nina — от чьего молчаливого одобрения зависит многое

Varak — от скупой рекомендации которого зависит то или иное

Для обложки использована картина Клея Хэджбаша «Sherlough»
С любезного разрешения автора
Интервью с Клеем Хэджбашем читайте на стр. 50

zangar

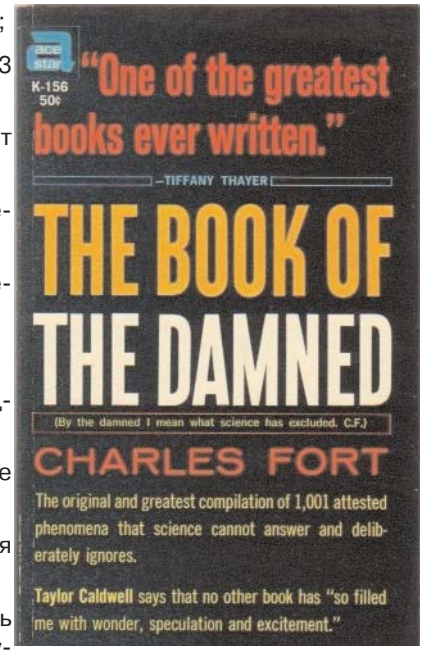
Для чего порой бывают нужны бульварные газетёнки

Кем написан был сценарий? Что за странный фантазер,
Этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!..
...И над собственною ролью плачу я и хохочу,
по возможности, достойно доиграть свое хочу

Юрий Левитанский

Жизнь имеет много схожего с литературой и в особенности с кино. Особенно чужая жизнь, которую мы имеем возможность наблюдать со стороны. Нашу нам чаще всего хотелось бы прожить спокойно и ровно, без особенных треволнений и чаще всего без приключений. Но приключения — они на то и приключения, чтобы приключаться как раз в тот момент, когда их вроде бы совсем не ждёшь, и когда с твоей жизнью начинает происходить что-то не вполне нормальное (допустим, что-то сваливается на голову, кто-то начинает преследовать, откуда-то ты вдруг что-то такое узнаешь) поневоле призадумаешься — а не досталось ли тебе какой-то лихой роли в чьей-то дурацкой пьесе? Многие их читающих эти строки видели фильм Дж. Шумахера «Роковое число 23» про то как одно лишь число оказалось определяющим и роковым в жизни и судьбе несчастного обывателя. А ведь каждый из нас замечал что некоторые числа играют ведущую роль в нашей жизни? Довольно часто роковые события сопровождаются магическим числом 23.Причем, под словом «роковые» подразумевается не самое плохое событие, скорее его можно назвать знаковым... Взглянем на анатомию человека изнутри, и вы убедимся, что число 23 для каждого из нас является определяющим. Например, известно ли вам, что...

— В организме человека содержатся 23 межпозвоночных хряща;



— биоритмический цикл человека составляют 23 дня;

— полный оборот крови в организме человека — 23 секунды;

— В организме человека имеются 23 хромосомы от отца и 23 от матери (всего 46 хромосом);

— В человеческой руке содержится 23 сустава, а в теле 230 (!)

Роковое число 23 довлеет над множеством исторических событий:

— Юлий Цезарь погиб от 23 ножевых ран

— 6 августа 1945 года (6+8+4+5 = 23) была подвергнута бомбардировке Херосима.

— 23 декабря 1888 года Винсент Ван Гог отрезал себе ухо;

— 23 атомные бомбы взорвали американцы во время ядерных испытаний на атолле Бикини.

В истории известны случаи, когда люди становились одержимы этим числом и вскоре сходили с ума,что и слу-

чилось с двумя хакерами в Германии. Одержимые этим числом видит 23 буквально во всем,и это доходит до абсурда: многочисленные уравнения сводятся к этому числу. Одержимый свято верит, что это число его преследует.

А ведь даже не зная каббалы чисел, ей подвержены подвержены даже многие великие люди. Интересные совпадения также связаны с числом 14. Оно, естественно, сыграло удивительную роль в жизни Людовика XIV, который, будучи 14-м в роду, кто носил это имя, достиг величия в возрасте 14 лет, сел на трон 14 мая, видел, как его предшественник Людовик XIII умер в 1643 году (1+6+4+3 = 14), его жизнь была спасена Тюренном в Блиндо в 1652 году (1+6+5+2=14), он начал свое царствование в 1661 г. (1+6+6+1=14), подписал Дуврский договор с Англией в 1670 г. (1+6+7=14) и умер в 1715 г. (1+7+1+5=14) в возрасте 77 лет (7+7=14).

Чарльз Форт, человек, разоблачивший науку

Американец Чарлз Форт (1874—1932) провел всю свою жизнь, собирая различные случайные совпадения и записывая их, в том числе странные дожди (в которых выпадало что угодно, от рыб до человеческой плоти) и удивительные находки (кувшины и гвозди в третичных отложениях), и пришел к выводу, что человеческая раса — не одинока во вселенной. Рядом с нею сосуществуют другие миры. По большуму счету всё человечество — это собственность некоего весьма ребячливого и жестокого небесного шутника, который любит играть нашими судьбами. Действительно некоторые люди (например семья Кеннеди) кажутся подверженными несчастным случаям в такой мере, что это никак нельзя объяснить нормальной вероятностью.

Самое странное, что всю массу удивительных случаев, на которых Чарльз Форт выстроил свою теорию, он заимствовал из бульварных газетёнок, которые он всю свою жизнь с младых ногтей читал, вырезал оттуда статейки о снежных людях, морских змеях, кровавых дождях и прочей подобной же чертовщине, внимания на которую солидные научные журналы даже не обращают. На память приходит фильм «Люди в черном», где суперагенты также все фактические данные о визитах инопланетян также берут из бульварной жёлтой прессы. В крайнем случае выпавший дождь из рыбы (а они порой падают многотонными косяками) серьезные ученые объясняют злокозненными действиями торнадо. Но если вы возьмете в руки книгу Чарльза Форта, и дадите труд дочитать ее до конца, то вы (несмотря на то, что автор ни в коей мере не пытается навязать вам свое учение) обязательно почувствуете либо фортианцем либо анти-фортианцем. Третьего быть не может, поскольку равнодушным эта книга никого оставить не может. Обычный обыватель, не имея никакой научной базы и вооруженный всего лишь своим умением рассуждать и делать выводы из вроде бы очевидных фактов, пришел сам и подвел нас, читателей, к выводу о множественности окружающих нас миров.

Полностью в электронном виде в формате .pdf «Книга проклятых» Чарльза Форта, снабженная множеством уже современных иллюстраций и богатым справочным аппаратом вышла в свет и имеется на прилавке нашего книжного магазина **http://tranzit.people-publishing.com/**

vachap

Неожиданные повороты и концовки сюжета

Надеюсь, вам и самому нравятся неожиданные повороты сюжета и удивительные ошеломляющие концовки? Лично я большой фанат таких приемов. Представьте, что вы знакомитесь с какой-нибудь историей, приближаетесь к концовке, которую могли бы предсказать еще на середине сюжета (там все прекрасно, никаких «свободных концов»), и вдруг БАЦ! Вы узнаете конец истории и не можете поверить этому. «Декард репликант?!!» (из «Бегущего по лезвию»). «Брюс Уиллис все время был мертв?!!» (из «Шестого чувства» — (The Sixth Sense). Вам кажется, что вы слышите смех автора или режиссера. «Еще один попался!» Они действительно смеются над вами. А ведь вы до самого последнего момента оставались в полном неведении. Какие хитрые штуки эти мастера кино и прозы проделывают с невинными зрителями и читателями!

Неожиданные концовки обладают особой красотой. Я привел примеры из фильмов, но известно множество литературных случаев. Как насчет «Подарка Мэгги» О'Генри или «Острова проклятых» Дэнниса Лихэйна? И какая концовка получилась у Майкла Суэнвика в «Скерцо с тираннозавром»! Она имеет сходство с классической историей Роберта Хайнлайна «Все вы зомби». И, конечно, эти вещи являются отличными примерами неожиданных поворотов сюжета.

Если вы писатель, вам известно нечто лучшее, чем чтение хорошего и неожиданного окончания книги. Речь идет о создании плана литературного произведения. И вы уже знаете, какая это трудная работа. Сколько прекрасных историй было загублено авторами из-за желания «особенной концовки», которая запомнилась бы читателям своей исключительной силой. Писателю кажется, что он придумал блокбастерное окончание сюжета, а оно оказываются никому не нужным «пшиком». Как избежать такой печальной участи?

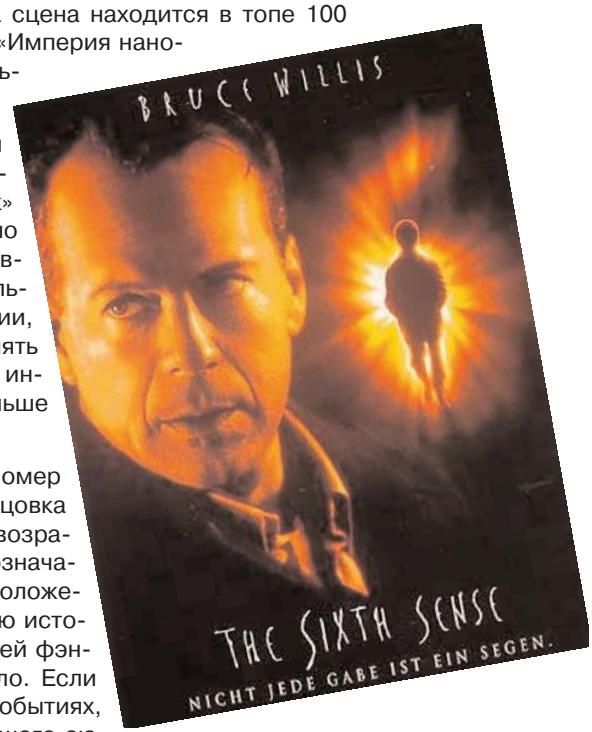
В этой статье я хотел бы рассмотреть искусство хитрых литературных уловок, которые вызывают восторг у читателей. И здесь существует правило номер один. Неожиданные повороты и ошеломляющие концовки сюжета не спасают плохую историю. Допустим, вы спешите. Издательство или журнал заказали вам историю к определенному сроку. Вы написали все, что смогли, припрятали «свободные концы» и аккуратно завершили план истории. В этом случае мы, скорее всего, увидим «подрезанную» концовку. Из «неожиданного» в ней будет только то, что она поспешно обрывает незрелую историю. Ваши читатели прочувствуют себя обманутыми.

Давайте теперь вновь обратимся к фильму «Шестое чувство». Там сюжет был хорош еще до неожиданного поворота истории. Режиссер Найт Шьямалан представил зрителям прекрасный фильм с реальными характерами. Он мог закончить его и так, и эдак - имелась сотня

вариантов. Но его концовка сделала хороший фильм великим! Вот, в чем заключается искусство хитрых литературных и кинематографических уловок.

Можно сказать, что неожиданная концовка сюжета не является обязательным элементом прозы. Да, она может быть лучшим (а иногда и единственным) способом правильного завершения истории. Но при написании книги вы не можете игнорировать другие важные аспекты творчества: реалистичные характеры, интересный сюжет, интригу, диалоги, эффектные описания. Вот, почему ваша хитрая и ошеломительная концовка не спасет плохую историю. Многие читатели даже не дойдут до нее, потому что они бросят книгу еще на середине.

В искусстве хитрых уловок существует правило номер два. Многие неожиданные повороты сюжета основаны на смене перспективы. Сначала читатель рассматривает вашу историю с одной точки зрения, а затем вы даете ему другой взгляд на происходящие события. Известным примером этого трюка могут служить финальные мгновения фильма «Империя наносит ответный удар», когда Люк Скайуокер узнает, что Дарт Ведер приходится ему отцом. А теперь представьте, что получилось бы, если Джордж Лукас выпускал эпизоды I-VI по порядку. После первого фильма мы узнали бы всю историю Анакина Скайуокера, и известие об отце Люка не было бы для нас большой неожиданностью. А с перспективы 5 эпизода шок от этой новости был очень эффективным. Фактически, эта сцена находится в топе 100 лучших концовок фильмов всех времен, и «Империя наносит ответный удар» считается лучшим фильмом в серии Звездных войн.

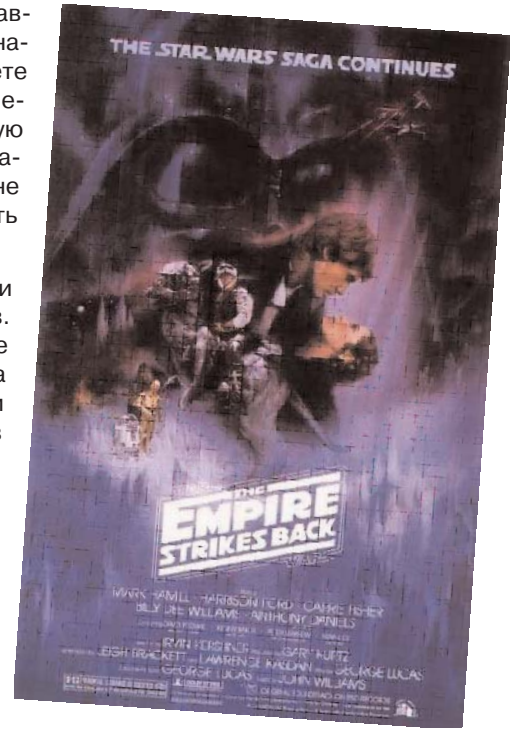


Очевидно, Лукас с самого начала имел план всех шести эпизодов серии. Это позволило ему расставить несколько «ловушек» для зрителей - не только в пятом эпизоде, но и в шестом, где мы узнаем, что Люк и Лея являются близнецами. Трюк, который гениальный Лукас использовал в построении серии, дает нам наглядный урок. Мы можем менять перспективу читателя. Мы можем находить интересную драму в тех моментах, где ее раньше не было.

Теперь давайте поговорим о правиле номер три. Ваша неожиданная и хитроумная концовка должна быть правдоподобной. Вы можете возразить мне, что, например, слово «фэнтези» означает «нереалистичное и невероятное предположение». То есть, мой призыв к правдоподобию истории звучит несколько странно для писателей фэнтезийного жанра. Но правило есть правило. Если читатели не увидят логику в описанных событиях, они не будут убеждены в правильности вашего сюжетного решения. В этом случае они почувствуют обман и забудут о моментах, которым радовались, читая книгу. Идеальным случаем является концовка, которая ошеломляет читателя альтернативным логическим завершением. Вы разбросали в тексте намеки, читатель «повелся» на них, а все оказалось не так. И вот теперь он потрясен! Он наслаждается зарей другого понимания сюжета. Если это происходит, вы действительно написали нечто гениальное.

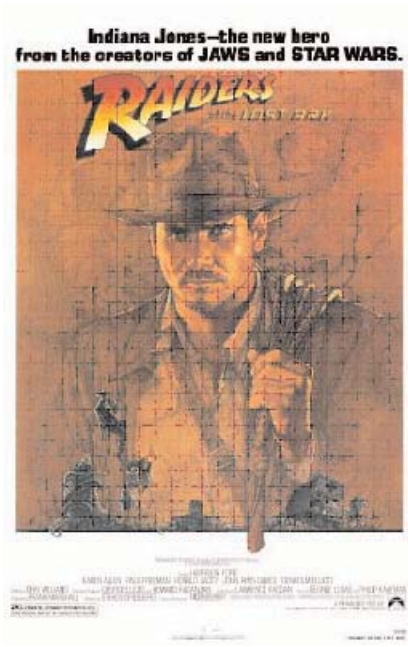
Третье правило бросает нам несколько вызовов. Первый вызов - это логика сюжета. Вы должны быть уверены, что ваша история целостна; что ни одна деталь не противоречит другой; что ни одно решение не кажется «притянутым за уши». Во многих случаях вы можете добиться этого простым приемом. Составляйте план книги задом наперед. Как только вы знае-

те, каким будет ваш неожиданный поворот сюжета (и где именно вам хотелось бы вставить его), составляйте план от этой точки - задом наперед. Тогда, настраивая частные моменты истории, вы сможете придать ей большую логичность. То есть, вы удаляете некоторые описания, корректируете временную линию, меняете поведение тех или других персонажей и, тем самым, убеждаетесь, что читатель не поймает вас на ошибке, которая может испортить впечатление о книге.



В то же время вы можете вернуться назад и «набросать» по ходу сюжета несколько намеков. Пусть читатель сам предугадает концовку (даже если вы тайно не хотите этого). Но здесь нужна особая внимательность. Не прикручивайте намеки болтами. Они должны быть мягко интегрированы в существующий план. Никогда не маскируйте намеки. Вы можете завести читателя в тупик - это хороший ход при составлении сюжета. Но никогда не скрывайте намеки. И не расставляйте их для обмана и смущения читателя - для создания неправильного представления о том, что происходит. Это нечестно. Читатель не простит вам такой обман.

Следующим вызовом будет правдоподобие. Ваш читатель должен верить, что описанная концовка не только возможна, но и вполне вероятна. Другими словами, не позволяйте читателю предсказывать окончание истории, пока он находится на середине сюжета. Но как только история закончится, он должен согласиться, что результат был неизбежным. В противном случае ваш читатель не поверит в очевидность повествования. Он останется недовольным вашим решением, и вы, как автор, будете потеряны для него.



Иногда нам кажется, что хитрые повороты сюжета улучшают историю. Однако истина заключается в том, что они не делают этого. Фактически, самые лучшие повороты сюжета вообще не распутывают историю. Они, скорее, создают другую перспективу, из которой читатель начинает оценивать ваш сюжет. Начинающие авторы могут поупражняться в следующем приеме: возьмите историю, которую вы уже закончили (с уже выверенным сюжетом), и попытайтесь создать альтернативную концовку. Решение должно быть логичным и приемлемым для уже описанных персонажей и событий. Придумайте несколько концовок и выберите лучшую из них. Чаще всего (из-за лени) это окажется первоначальное окончание. Но иногда вы удивитесь тому, куда заведет вас процесс размышления. Лично я убежден, что лучшие ходы в окончаниях создаются тогда, когда автор проводит изменения «в последнюю минуту».

Давайте вернемся к творчеству О'Генри. Почему его истории кажутся нам такими прекрасными? Дело в том, что он заставляет читателей симпатизировать це-

лям главного героя. Эта симпатия ослепляет наши глаза. Все намеки даны, но читатели верят в мечты персонажей. И, увидев логичную концовку, мы удивляемся ошибочности наших догадок. Мы так верили в другой результат, что пропустили самое логичное и вероятное объяснение. Однако такое удивление вызывает приятное чувство. Да, наши эмоции скрыли истину. Но подсознательный ум знал о ней все время. Поэтому мы не находим в сюжете обман. Мы просто наслаждаемся концовкой истории.

Какими бы ни были неожиданные повороты сюжета, они не сделают историю эффектной. Не вбивайте их клиньями, потому что они могут разрушить сюжет. Но иногда они блестят, как бриллианты. Помните сцену из фильма «В поисках утраченного ковчега», где Индиана Джонс носится по каирскому рынку и ищет Мэрион? А затем он сталкивается с огромным парнем, вращающим мечи. Напряженность момента заставляет зрителей предполагать любые возможные последствия, но почти никто из них не ожидает «поворота сюжета», когда Инди достает револьвер и стреляет в парня. Это идеальное логическое решение! Но никто не ожидает подобного действия. Присмотритесь к такой сюжетной уловке.

Другой класс «неожиданных поворотов сюжета» широко использовался старыми мастерами научной фантастики. Он назывался «временным парадоксом». Мы видим его применение и в «Скерцо для тираннозавра», и в романе «Все вы зомби». В сюжет таких произведений вводился персонаж, который путешествовал во времени. Этот фактор влиял на события самым неожиданным образом. Например, человек в далеком будущем посылал кого-нибудь в прошлое, а сам он оказывался сыном того ребенка, к которому он отправил посланника (см. историю о Терминаторе). Это временной парадокс. И это еще одна уловка для неожиданных поворотов сюжета.

Подводя итог, мы можем сказать следующее: хороший план может привести к созданию отличной книги без всяких хитрых уловок и приемов. Главное, чтобы повествование включало в себя правдоподобные и вероятные события, развивалось логичным образом и оканчивалось естественной последовательностью взаимодействий описанных персонажей. Вроде бы все просто, не так ли? Тогда успехов вам с великими концовками!

Доска сообщений наших прибалтийских корреспондентов

Парамон Эзопов

Эстонские басни на новый лад

Как-то колобки по болоту гуляли. Поймали они гадкого утенка и начали его пытать: «Почему со своими не улетел? Зачем, мигрантская твоя душа, у нас остался?» Утенок заплакал. Объясняет им: «Кря» да «кря». «Ах, так ты еще и кря!» — возмутились колобки. И давай его дубинами рихтовать.

А зря. Из этой породы прежде вырастали прекрасные птицы.

* * *

Как-то собрались колобки и начали гадать, почему у них телевидение такое скучное. Тут один из них и предложил: «А давайте используем опыт других телеканалов. Вот я недавно российское НТВ смотрел. И очень мне понравилась там черненькая дамочка, которая «Про это» рассказывала.» «Где же мы тебе черненькую дамочку найдем?» — возразили остальные колобки. «А хотя бы в лагере политических беженцев!» — ответил первый.

Так они и поступили. И название хорошее придумали — «Про гетто».

* * *

Как-то в школе, во времена русской оккупации, вызвали колобка к доске, и начал он декламировать монолог Чацкого из пьесы «Горе от ума». Говорил, говорил, да вдруг забыл, как одно слово произносится: «Сюда я больше не ездюк… Не ездун… Не ездец…» Короче, посмеялись над ним и двойку ему поставили. Вырос колобок, а случая этого не забыл. И когда стал он министром образования в независимой стране, запретил по школам уроки русского языка и изящной словесности.

Вы спросите: «Кто же тут виноват? Может быть, Пушкин?» Нет, виноват Грибоедов.

* * *

Как-то решили колобки пригласить на новогоднюю елку зарубежных гостей. И Маугли позвали, и Багиру, и даже обезьянок из заброшенного храма. Только удава Каа не пригласили. Потому что у него язык другой.

А у колобков с этим делом строго.

* * *

Как-то сбежал один колобок от бабушки и дедушки и покатился в лес — Европейский союз искать. Нашел. А на нем лиса сидит. Сидит и вопросы задает: «Почему вы, колобки, когда просите чего-нибудь, кажетесь такими сладкими, да мягкими, а как дадут вам это, сразу вид свой аппетитный теряете?» Колобок подумал-подумал и ответил: «Потому что мы черствеем быстро.»

Вл. Песняр

Беларусь в опасности

Как говорится, письмо позвало в дорогу. Наш читатель, Василий Бармот, защитник природы и член хельсинского отделения «Гринпис», прислал нам тревожные вести с восточной границы. «Приезжайте немедленно, — потребовал он. — Страна в опасности!» Тут же последовало властное напутствие редактора, четыре часа езды под палящим солнцем, и вот я уже в Сураже — вернее, на одном из хуторов близ российской границы.

— В чем дело, Василий Иванович? Какая опасность грозит Беларуси?

— За мной, — сурово ответил Бармот. — Расскажу по дороге.

Повесив на плечо увесистый баул с особым гринписовским снаряжением, он повел меня в темный лес в направлении границы.

— На наши земли надвигается беда. Скоро сами все увидите. А пока послушайте предысторию.

И я узнал, что несколько десятков лет назад ученые из разных стран натолкнулись на необычный феномен. Стали они замечать, что если взять увесистый гироскоп (круглый маховик, который можно раскрутить до очень больших скоростей) и запустить его в действие, то вокруг него начинают возникать аномальные явления. К примеру, при достижении некоторой скорости вращения (около десяти тысяч оборотов в секунду) маховики раскручивались дальше самостоятельно. Некоторые из них теряли массу, другие взлетали вверх и бесшумно парили, как «летающие тарелки». А бывало и так, что два раскрученных маховика начинали взаимодействовать между собой с помощью полей, ранее неизвестных науке.

Эти поля распространялись быстрее света и могли переносить информацию. Ученые назвали их спин-торсионными. В 1988-89 годах во многих технических журналах публиковались схемы таких конструкций, но собрать их никто из любителей не мог, потому что без точной центровки массивный маховик превращался в летающую циркулярную пилу, которая, к тому же, могла еще и взорваться за счет чудовищных центробежных сил.

Однако промышленное использование таких устройств сулило огромные выгоды. И российские ученые, питая стойкую неприязнь к Чубайсу, «крышевавшему» тогда энергетический сектор экономики, решили создать почти дармовую электростанцию, которая работала бы на торсионных полях.

— В 1997 году, — продолжил Василий Иванович, — в секретной лаборатории близ города Демидова был построен уникальный генератор торсионного поля. Во время экспериментов он взорвался, оставив от здания огромную воронку. И все было бы ничего, да только через два дня эта воронка исчезла...

Под моими ногами зачавкала вода. Мы шли по краю болота.

— Ничего, — подбодрил меня Бармот. — Танки грязи не боятся.

Мои лакированные туфли не были танками. Я остановился в нерешительности, и тогда мой гид произнес фразу, от которой мне стало стыдно:

— Участники Гринпис, мой друг, это не парни, перепившие «Тархун» с белорусской водкой! Это люди, посвятившие себя служению Природе!

Я обречено кивнул и пошел к широкой просеке. Как позже оказалось, это была граница. Мы перешли ее и углубились на территорию сопредельного государства.

— Не бойтесь! — подбодрил меня Василий Иванович. — Я этой дорогой уже второй год за бензином хожу и ни разу еще не попался. Так вот насчет той воронки...

Воронка исчезла, а вместе с ней и довольно большой участок маркированного пространства. Было там болотце, роща, дорога — и всего этого не стало. Вроде как вырезали в мировой материи дыру, а потом стянули края и заштопали.

Всполошились ученые, стали территорию измерять, и выяснилось, что исчезают куски той местности — вчера, скажем, был лесок, дорога и пару домов, а завтра, глядь, лесок уже возле дома, и дороги словно в помине не было. Назвали этот феномен «черной дырой». Она росла медленно, затем как бы замерла, но в 2000 году активизировалась вновь, и от нее поползло щупальце. По мнению, российских ученых, около 100-150 метров шириной. В начале этого года оно свернуло к белорусской границе.

— То есть, вы хотите сказать, — поинтересовался я, — что это был какой-то вид торсионного поля?

— А почему был? Вы его сейчас сами увидите, — ответил гринписовец, устанавливая на холме треножник, который он вытащил из баула. — Я за ним уже третий день слежу. К нам оно полезет!

— Василий Иванович, а откуда у вас все эти сведения?

— У нас, охранников природы, братство! Мы предупреждаем друг друга об опасностях. Неделю назад навещал своих коллег-россиян, и пока я отоваривался у них в магазине, получил подробную и достоверную информацию.

Мой провожатый установил на треноге подзорную трубу и быстро сориентировался на местности.

— Как раз успели. Оно в это время дня просыпается и начинает движение. Я думаю, тут виновата солнечная активность. Вот! Смотрите на тот столб. Правее! У той березки!

Едва я заметил указанный столб, как он исчез. Был и пропал! Я даже глазам своим не поверил!

— Теперь на березу смотрите! На березу! — кричал Василий Иванович, не отрывая глаз от бинокля.

Прошла минута, и березы тоже не стало. У меня закружилась голова. Одно дело, когда слушаешь чей-то треп, и другое — когда видишь такое своими глазами.

— Эта гадость движется в нашу сторону! — печально произнес Бармот. — — И никто не знает, чем все закончится. Непознанный феномен! Тут всего можно ожидать!

— Но если это поле пересечет границу...

— Для него нет границ, — ответил гринписовец. — И никто его не остановит. А куда это поле пойдет, только Богу известно! Мой Сураж проглотит, так никто и не заметит. А если оно до Витебска дойдет? Или до Минска?

Я еще раз посмотрел в подзорную трубу на то место, где несколько минут назад стояла березка. И мне, как в наваждении, представился Минск, театр оперы и балета, дом правительства на площади Независимости. И вдруг, бац! Как березка... Как столб... Да это же Стивен Кинг какой-то!

Дрожащей рукой я вытащил мобильник, набрал номер редакции и, услышав голос шефа, закричал:

— Приезжайте немедленно! Беларусь в опасности!

ПРОБЛЕМА ЛИШНЕГО ВЕСА

(Вольный пересказ рассказа «Никаких мух на Френке», опубликованного в 1964 году Джоном Ленноном)

Почистив зубы, Карлис взглянул на себя в зеркало, выдернул волосок, торчавший из носа, и встал на весы. О, черт! За эту неделю он набрал пять килограммов. Кровь, прилившая к голове, раскрасила щеки алым румянцем.

— Если я буду так быстро толстеть, она разлюбит меня. Зачем моей Хельме разжиревший боров? Она и без того уже заглядывается на Эрика. Подумать только — пять килограммов в неделю!

Он вышел из ванной комнаты и, пройдя в гостиную, налил себе рюмку водки.

— Что с тобой, милый? — спросила его жена. — У тебя такой удрученный вид.

— За эту неделю я потолстел на пять килограммов! Есть ли на свете мужчина, несчастнее меня?

— Слава богу. А то я подумала, что ты опять нашел Эрика под моей кроватью.

— Зачем мне искать беднягу Эрика? Он лежит там с тех пор, как выпил отравленный сок. Но, честно говоря, мне не нравится, как ты на него смотришь.

Карлис медленно подошел к жене и нежно положил ей на плечи свои большие красноватые ладони. Пальцы сжались вокруг тонкой изящной шеи, и последний хриплый вздох сорвался с побелевших губ.

— Нет, дорогая, ты больше не увидишь меня таким безобразным и толстым. Пусть я останусь в твоей памяти красивым и стройным мужчиной.

Позавтракав, Карлис отправился на дежурство. Служебные дела задержали его на три дня в глухом провинциальном городке, и когда он вернулся домой, на Хельме было очень много мух.

— Мне не следовало оставлять тебя на полу, — прошептал он, вытирая слезы. — Не обижайся, дорогая. Ты же знаешь, как трудна моя служба. Сейчас я отвезу тебя к папе и маме. Конечно, родная мать позаботится о дочери лучше, чем глупый муж.

Уложив ее в небольшой чемодан, он сел в служебный джип и поехал к дому тещи. Когда та открыла дверь, Карлис вытащил Хельму из чемодана и аккуратно усадил ее на крыльце.

— Я привез вашу дочь, госпожа.

Он никогда не называл эту сварливую женщину мамой.

— Забирай ее прочь! — прокричала теща и захлопнула дверь. — Мне не нужны мухи в доме!

— Старая ведьма! — выругался Карлис, засовывая в чемодан посиневшую супругу. — Хоть бы чашку чая предложила…

(Литва)

Дмитрий Карп

Манипуляция с мозгами

Виталий Ф. — кандидат технических наук, обладатель 18 патентов на изобретения в области телеметрии. Возраст: 44 года. Работает слесарем в автосервисе. В свободное время исследует излучения, влияющие на психику человека. Основное кредо: люди имеют право на правду. Заветная мечта: хотел бы заглянуть под кожух прибора, установленного на крыше высотного здания по адресу: Рига, Республикас, 2.

— Виталий, ты увлечен изучением так называемых пси-лучей. Скажи, почему они тебя заинтересовали?

— Все началось со странной болезни моего брата. Он был культуристом — крепким здоровым мужчиной. И вдруг за месяц зачах. Мы водили его по врачам и целителям. А там, знаешь, одна и та же песня: депрессия, фрустрация, кто-то сглазил, шерше ля фам. Я часто беседовал с братом, старался помочь ему и поддержать его в трудные минуты жизни. И он подробно рассказывал мне о своих ощущениях. Он считал, что стал жертвой каких-то опытов, проводимых над людьми. Но, теперь я точно знаю, что в этом была своя правда.

Министерство сельского хозяйства

— Ты хочешь сказать, что в Латвии проводятся опыты над людьми?

— Опыты давно закончились. Сейчас использование пси-излучений поставлено на поток, и применение этих новейших разработок приносит кому-то огромные деньги. Но давай обо всем по порядку.

После смерти брата я встретил еще трех человек с похожими случаями внезапного недомогания. Их рассказы совпадали по следующим позициям: все они занимались спортом, были здоровыми людьми и в какой-то момент почувствовали совершенно необъяснимое ухудшение своего психического и физического состояния. В их описаниях даже встречались общие слова — «энергетический колпак», «донор» и «отток жизненных сил», который почти осязаемо менял свою интенсивность.

— Значит, ты полагаешь, что это было астральное воздействие?

— У меня технический склад ума, и я не верю во всякие там астральные штучки. Мне захотелось найти какой-нибудь научное объяснение этому явлению. Я уже не первый раз слышал о пси-излучателях, но мое доверие к ним всегда исчерпывалось вопросом: как можно воздействовать только на одного конкретно взятого человека? Ну, заболели бы люди во всем доме. Или, допустим, в определенном районе начал бы расти процент самоубийств. Это я мог бы еще понять. А тут точечная цель. Каков же принцип облучения?

Разобраться в этом мне помог мой старый товарищ. Когда я работал инженером на «Альфе» (как ты знаешь, был такой завод), мне довелось участвовать в создании различных космических приборов. На одной из выездных конференций я познакомился с незаурядным человеком — знатоком теории электромагнитных полей. Эта область науки до сих пор считается малоизученной и странной, и говорят, что разобраться в ней могут только очень умные люди.

Рижская телебашня

Мой приятель работал в техническом отделе КГБ ЛССР. Затем он ушел на пенсию. В начале 90-х сменил фамилию и адрес, но со мной охотно встречался. И на одной из таких встреч я поделился с ним своими наблюдениями. Как оказалось, он принимал участие в создании лептонного оружия — вернее, обосновывал его теоретическую возможность. Этот новый тип вооружения первоначально задумывался как модернизация систем «Краб» и «Воздушный змей» — систем, которые использовали пси-излучатели.

— Значит, пси-излучатели действительно существуют?

— Да, и старый чекист рассказал мне о «Воздушном змее», внедренном в Риге в 80-х годах. Принцип воздействия таков: населенный пункт охватывается неким когерентным полем, в котором люди обладают определенным общим качеством — то есть каждый из них здесь как бы «свой». Система срезает все аномалии. Иными словами, она уравнивает жителей по уровню интеллекта, физического тонуса и эмоционального настроя. Те, кто выходит за установленные планки, ощущают дискомфорт, враждебность окружающих людей и, в конце концов, опускаются в среднее состояние.

При такой системе невозможны бунты и народные волнения. Система «Змей» регулировала уровень преступности и, по идее создателей, должна была способствовать безмятежному счастью и сплочению трудящихся людей. Ее эффективность оказалась настолько высокой, что она стала экспортным товаром, уходящим в страны СЭВ и Дальнего Востока.

В Риге для установки «Воздушного змея» понадобилось построить несколько высотных зданий. Требования к их пространственной ориентации и местоположению были настолько высоки, что гостиницу «Латвия», несмотря на огромные финансовые и материальные затраты, возводили прямо на плывуне. Основной излучатель находился на крыше «Агропрома». Пульт управления и модуляторы располагались в здании телецентра на острове Закюсала. А четвертой высоткой стал «Дом печати». (Если читатель возьмет карту и соеди-

Здание гостиницы Латвия

Рижский Дом печати

нит прямыми линиями четыре указанных здания, он поймет, откуда взялось название этой системы.)

— А чем «Краб» отличается от «Воздушного змея»?

— Это более современная сеть пси-излучателей. Она позволяет манипулировать сознанием людей и подталкивает их на совершение различных запрограммированных поступков. Система «Краб» была внедрена в Москве, Ленинграде, Алма-Ате и Душанбе. Причем в Душанбе в феврале 1990 года система дала сбой, и население города два дня находилось в полубезумном состоянии. Были разграблены все магазины и учреждения. В массовых беспорядках принимали участие милиция и внутренние войска. Можно сказать, что Риге повезло с ее «Воздушным змеем».

— Да, можно только лишний раз порадоваться, что эпоха КГБ и подобных ужасных проектов закончилась навсегда.

— Как бы ни так! «Змей» по-прежнему действует. Чтобы убедиться в этом, достаточно войти под своды бывшего «Агропрома» и постоять у дверей главного входа. Там «мертвая зона» основного излучателя. Там у каждого человека возникает ощущение глухоты — отсутствия ставшего привычным для нас внутреннего «гула». На какой-то миг мы перестаем быть «своими» для города. У нас возникает тревога и непонятная угнетенность. Но потом мы снова ныряем в электромагнитное поле «Змея» и забываем о своих неприятных ощущениях.

Кстати, я и мои друзья однажды попытались проникнуть в помещение, где, по нашим расчетам, располагалась аппаратура пси-излучателей. Мы поднялись на верхний этаж высотки по адресу пл. Республикас, 2 и наткнулись на сотрудников национальной безопасности. Через десять дней в здании ввели пропускную систему.

— То есть, чекистам нашлась достойная замена?

— Похоже, что так. В Москве эта массированная манипуляция человеческим сознанием достала всех настолько, что при мэрии была организована комиссия по выявлению патогенных излучений. Сотни людей были официально признаны жертвами психотронного оружия. Эта тема регулярно накатывается на страницы российских газет, и даже такая писательница, как Маринина, два раза использовала ее в своих романах. Я читал, что сейчас уже есть приборы, которые позволяют воздействовать на человека по его фотографии. Если это правда, то мой брат действительно стал чьим-то донором. Какая нелепая смерть!

— Скажи, Виталий, а как же быть тем, кто, подобно твоему брату, вдруг почувствовал себя в «энергетическом колпаке»? Ты говоришь, что жертвами выбираются спортсмены и крепкие люди. Может быть, им стоит начать пить, курить и вести нездоровый образ жизни?

— Это вряд ли поможет. Если твое фото вставили в рамку перед объективом пси-установки, ты превращаешься в грелку, в кислородный баллон, в ходячий аппарат «искусственная почка». И это конец, потому что выбор уже сделан. Но вот если я доберусь до пси-излучателей и пойму, как они действуют...

— Прекрасно! Давай и закончим нашу встречу на этой оптимистической ноте. А тех читателей «Транзита», которые могут что-то добавить к рассказу Виталия, я прошу написать на наш сайт, и тогда мы, возможно, продолжим тему загадочных излучений, которые влияют на человеческий разум.

(Рига, 1998)

СУББОТНИЙ РАЗГОВОР

В дверь позвонили. Волков крикнул жене, что уже идет и открыл сам. Над порогом звякнул колокольчик. Солнечный свет ударил в зрачки, и только сейчас стало ясно, какой погожий сегодня выдался день.

— Здравствуй, Эдик.

— Здравствуй, Артурчик. Здравствуй, Инночка. Проходите, не стойте.

Из-за спины первого посетителя показались остальные.

— Здорово, хозяин!

— Приветствую!

— Доброе утро!

Эдуард внимательно осмотрел гостей и улыбнулся. Прибыли все — трое с женами и подругами, еще один в одиночестве.

— Как добрались? — он поочередно протягивал ладонь для рукопожатия.

— С ветерком и без проблем.

— Отлично! Наконец-то вместе. Сколько лет, сколько зим! Проходите, ребята. Как же я рад вас видеть.

Дом мгновенно преобразился, загудел ульем. В прихожей образовалась небольшая толкотня. Тут же подоспела жена, торопливо поздоровалась и принялась смущенно ворчать:

— Эдя, ты бы хоть в магазин сбегал что ли, у меня конфет почти не осталось. Мог бы и пыль протереть! Извините, у нас беспорядок. Сейчас я чай заварю. Что ты стоишь, дай людям тапочки. Вешайте куртки, проходите.

— Да все хорошо, не беспокойтесь, — отшучивались гости. Женщины перезнакомились, возбужденно загомонили, делясь впечатлениями, и организованно последовали за Катей. Мужская часть столпилась в другом конце коридора.

— Так, — перед закрытой гостиной Эдуард выставил указательный палец вверх. — Для начала хочу попросить вас об одном одолжении. Заходите, но по одному и тогда, когда я скажу.

Мужчины переглянулись.

— Что ты задумал? — спросил Иван Нестеров, самый старший и самый солидный.

— Потом объясню, — подмигнул хозяин. — Просто сделайте, как я прошу. Это быстро.

— Ну ладно.

Эдуард пригласил первым Томаша. Они прошли в гостиную, уселись: хозяин — в кресло, Томаш — на широкий старинный диван, что замер у стены через журнальный столик. Еще одно кресло пустовало в стороне. Томаш огляделся и одобрительно похлопал ладонями по стеганой обивке дивана. В коридоре приглушенно бубнили.

— Как дела?

— Спасибо, нормально, — ответил Эдуард с полуулыбкой.

Помолчали. Эдуард спокойно выжидал. Томаш вопросительно смотрел на него и моргал. Пустоту требовалось чем-то заполнить.

— Как супруга, сынишка?

— Замечательно. Катя по-прежнему работает, Вовка в школе. В пятом классе уже.

— Пятерки поди таскает?

— Иногда четверками разбавляет, и даже трояками.

— Угу. Как здоровье?

— Да нормально… Стараюсь не думать об этом.

— А на работе?

— Тоже ничего. Сезонное обострение. Бывает и такое.

Томаш заглох. Его терпения хватило на минуту с небольшим. Потом не выдержал:

— Слушай, Эд, это какая-то шутка?

— Нет, друг мой, это придумано специально, в качестве показательного примера. Я все объясню. Ничего такого, поверь. С тобой я уже завершил. Если не затруднит, пожалуйста прогуляйся по моему саду, пока я закончу с остальными. Там есть скамеечка, а пруд я расширил и почистил. Оцени. Мне интересно твое мнение.

Томаш хмыкнул, но выполнил просьбу. Эдуард проследил за тем, чтобы друг удалился на достаточное расстояние и впустил следующего: им оказался Нестеров. Сцена повторилась. На очереди был Виктор. Завершал цепочку Артур. Наконец, когда все было закончено, Эдуард последовал за друзьями в сад — тихое, затененное раскидистыми дубами место, прекрасный сюжет для салонной картины. Овальное зеркало воды, чуть волнуясь, отражало небесную синеву. Дорожки, выложенные каменными плитками, вились гирляндами от дома. Легкий ветерок гулял по ровно подстриженной траве и кустикам. Кое-где пестрели разноцветными пятнами заботливо ухоженные цветники. В свое время ему крупно повезло с участком и домом, которые оказались чуть больше, чем соседские.

— Отличный пруд! — сообщил Томаш.

— Да, красиво здесь, — вторили друзья.

— Мы стараемся следить за этим. Прошу прощения за ту интерлюдию, — сказал Эдуард. — Давайте на время забудем о ней. Обед почти готов. Катерина собирается попотчевать вас одним сногсшибательным блюдом.

— Звучит заманчиво, — друзья сразу оживились в предвкушении.

— Мальчики, помогите накрыть стол! — это была Катя. Над садом уже вовсю витали ароматные запахи, из кухни доносился женский смех.

Степенно, расслабленно мужчины прошествовали на веранду.

Женщины стали выносить столовые приборы, салфетки, стаканы и тарелки. Все вспомнили, что давно пора обедать и разговор переключился на кулинарию. Стол быстро заставили и внесли большое блюдо. Под крышкой оказалось дымящееся жаркое из баранины с травами и запеченными фруктами. Жир еще булькал, соки стекали с ломтей.

— Готовила по особому средневековому рецепту, — гордо заявила Катя.

— Обалдеть! Выглядит потрясающе.

— Налетаем, а то остынет!

Очень быстро блюдо опустело. Свежий воздух и спиртное еще больше раззадорили ап-

петит. Мясо таяло на языке. Гарнир пролетал в желудки пулей. Закуски так и норовили прыгнуть в рот. Красное и белое вино, предусмотрительно охлажденное, идеально гармонировало со столом. Жажду можно было утолить из запотевшего кувшина с освежающим вишневым морсом.

Всю вторую половину дня они дурачились и балагурили, а блюда сменяли друг друга, и они ели еще, пока не заныли бока, делились жизненными историями, обсуждали последние события, потом решили прерваться, Томаш вспомнил старые проказы, они загорланили гимн факультета, потом Эдуард достал гитару и они пели песни своей юности, самые известные, а потом все, что вспомнилось, и Виктор выдал серию фирменных одесских анекдотов из своей коллекции, и Лена, подруга Артура предложила устроить турнир по настольному теннису, потом в большом кругу они играли в «Знаменитость» и «Мафию», и пили чай с бергамотом и пирожными. Постепенно разговор затух, рассыпался, погруженный в блаженную расслабленность после застолья. Женщины завели свою беседу, а Эдуард и друзья решили размять ноги. Хозяин провел их вокруг дома и показал особняк, от подвала до чердака, увлеченно рассказывая, какое убожество им досталось при въезде и как оно праведным трудом превратилось в сие скромное жилище. Эдуард не скрывал гордости. Дом был его детищем. Вдоволь насмотревшись, они снова высыпали в сад.

— Не уик-энд, а настоящий праздник, честное слово! — радовался Томаш, — Молодец ты, Эдик, что позвал нас. Умница.

— Да ладно вам. Соберемся сегодня или нет, зависело от вас. Кто-то ведь мог не приехать. Кстати, в углу есть беседка, пойдем? — предложил хозяин. Друзья согласились.

Эдуард раскупорил прихваченную из дома бутылку виски, разлил по стаканам и раздал присутствующим:

— Итак, за встречу! Давненько мы не собирались полным составом. Такое дело обязательно надо отметить.

— Вот уж точно! За встречу!

Выпили.

— Вы почти не изменились, — сказал Эдуард.

— Ты тоже. Каким был романтичным пацаном, таким и остался.

— Наверно, это главное — оставаться собой, — Эдуард потягивал виски маленькими глотками. В стакане потрескивали кубики льда. Стекло приятно холодило ладонь. От стенок беседки душисто пахло древесиной, плетеные дощатые стенки отбрасывали квадратики света внутрь. Листочки плюща робко тянулись из ромбовидных отверстий.

Напряженность, образовавшаяся с начала встречи, сейчас бесследно испарилась. Старые друзья свободно чесали языками на любые темы: о спорте и политике, о женщинах и бытовых проблемах, о нравах и модах, о тенденциях и настроениях в современном искусстве, о машинах и технике, об отдыхе на природе, о туризме, и вообще о насущном. Пришли к заключению, что во властных структурах царит разброд и шатание, а экономика висит на волоске, да и в целом ситуация напряженная и вот-вот наступит коллапс. Вера в демократию подорвана, по информационным каналам передают заретушированную под правду ложь, а среди народа растет недовольство. Олимпиада могла бы быть и получше: в организации мероприятия имелись серьезные недочеты. Даже Артуру, аккредитованному журналисту, попасть на соревнования было трудно. Рынок все больше захватывают машины на водородном топливе, на смену металлам приходят сверхпрочные полимеры. Информатизация достигла пика, но в деревнях по сей день читали газеты, смотрели черно-белые телевизоры и как доили коров в сарае, так и продолжают доить. А заодно и в огороде ковыряться с помидорами. Виктор очень подробно рассказал о технологической доктрине на ближайшие полвека. Все согласились с тем, что поразительные нововведения соседствуют с гигантскими свалками мусора, благополучие

развитых стран с нищетой бедных, прогресс с жестокостью. И этот странный, причудливый калейдоскоп цивилизации стремительно несется куда-то в пустоте.

— Время летит, как стрела, — изрек Томаш, закуривая сигару. — Не успеешь оглянуться и уже пролетел год. А за ним еще один, и еще. Как в ускоренной перемотке. Раньше мы смеялись над старыми пердунами и тридцатилетние казались нам дремучими старцами, а сейчас начинаем подозревать неладное. Не хотел бы я протянуть так долго. Пусть узаконивают эвтаназию, ну ее к лешему, эту пенсию.

— Иногда мне кажется, что мир сошел с ума, — Иван разглядывал свой стакан на просвет. — Дети ведут себя, как взрослые. Зрелые тетки и дядьки превращаются в полоумных юнцов. Старики прыгают с парашютом. Геи маршируют по проспектам, устраивают парады, словно готовятся к войне. Карлики баллотируются в губернаторы и выигрывают. Иногда я иду по улице и не могу сообразить, какого пола гарцующее мне навстречу создание. Все это похоже на цирк, выпущенный из шатра под открытое небо. А время растворилось, распалось и впиталось во все это. Как лед. И самое забавное, я почти уверен — этот маскарад кажется усталым и скучным даже самим участникам.

— Конец времен? — Артур достал свою трубочку, набил ее и, теперь похожий на английского сквайра, вкусно задымил вместе с Томашем. — Смею доложить, что люди и сто, и двести, и даже пару тысяч лет назад думали точно так же.

— А, философ! — фыркнул раскрасневшийся Иван.

— Критик, — поправил с усмешкой Артур.

— Без разницы. Хочешь сказать, это нормально?

— Вопрос в том, что считать нормой в системе ценностей. От чего отталкиваться. Нужна точка отсчета, система координат. Люди мучились, мучаются и будут мучиться подобными дилеммами. В чем-то человечество постоянно.

— Понимаете, я наблюдаю за детьми в академии. Хорошие, умные детишки. И все же, с ними что-то происходит. Будто они выполняют заложенную программу, живут по какой-то схеме, которая упрощается с каждым годом. Эти их фразочки, жаргон. Настолько примитивно, убого и порой совершенно непонятно они звучат. Похоже на систему условных сигналов, как, извиняюсь, в стаде каких-нибудь макак... Мы были гораздо умнее.

— Кончай брюзжать! — оборвал Виктор. — Зануда. И как тебя твоя Юлька терпит?

Нестеров в ответ скорчил такую рожу, что даже Томаш поперхнулся дымом. Друзья заржали, громко, отвязно, с душой. Отсмеявшись, они услышали голос Эдуарда:

— Однако наш драгоценный Ванечка кое в чем прав.

— О чем ты? — Томаш вытирал слезы мизинцем. — О макаках? О да, в людях порой так и сверкает обезьянье нутро. Я знаю одного гамадрила, работает у нас в отделе сбыта, и еще одну милую шимпанзе из отдела маркетинга.

Снова прыснули. Хохот еще долго терзал их, даже женщины заинтересованно поглядывали с веранды и захихикали между собой. Громогласно охал и сотрясался Нестеров, похрюкивал в кулак Артур, откинувшись назад, звонко заливался Новак, корчился, взявшись за живот, Виктор и даже Волков обхватил голову руками и в изнеможении упал на стол. Но — всему когда-нибудь наступает конец и постепенно в беседке воцарилась тишина. Кто-то продолжал всхлипывать, когда Эдуард сказал:

— У меня на работе произошел один интересный случай.

— Погоди, — очнулся Томаш, — А ведь ты так толком и не рассказал, что у тебя за работенка? Помню, ты упоминал книжный бизнес.

— Верно, — кивнул Волков. — Я работаю в издательстве редактором.

— А-а-а! Тогда понятно. Ну и что за случай такой? Только давай без хохм, а то во второй раз я не выдержу!

Нестеров икнул, подтверждая слова Томаша.

— Правильней будет назвать этот инцидент трагикомедией, — Эдик смущенно переглянулся с Артуром, который уже был в курсе истории. — Сразу предупреждаю — это может прозвучать довольно странно…

— Не переживай. Мы само внимание.

— Гм, если кратко, суть в том, что ко мне в издательство от разных авторов поступило два идентичных романа.

Повисло молчание. Друзья переваривали услышанное.

— В смысле одинаковых? Так что ли?

— Считай, что да. Разные названия и имена персонажей. А в остальном полная идентичность. — Волков загибал пальцы. — Сюжет, мир, язык, идея, действие и развязка. Словно романы синтезировали в какой-то программе. Знаете, недавно появились такие программы, которые тексты синтезируют. Грубо говоря, одна книжка называется «Властелин колец», а другая «Мастер кольца». В одной главный герой Фродо Бэггинс, а во второй — какой-нибудь Олми Фликер. Но при этом оба тащит Кольцо к горе, чтобы его уничтожить, и их приключения совпадают настолько, что рукописи можно постранично сравнивать. Парадокс!

— Так, интересно. — Томаш пощелкал пальцами. — Разумеется, ты проверил подарки на предмет подставы.

— Да. Авторы настоящие, живут в разных городах. Работали независимо. Друг друга не знают. О планах нигде не свистели. Как правило, начинающий писатель, чтобы потешить тщеславие, вывешивает на всеобщий обзор кусок произведения, ну а остальные читают, нечистые на руку заимствуют. В Интернете по обоим романам нет никаких материалов — отсутствуют главы, пробные куски. Все чисто. Мы с Артуром провели лингвистический анализ. Результат: произведения написаны двумя разными людьми. Плагиата нет. Но при всем при этом процент стандартных языковых оборотов и штампов зашкаливает. Понимаете, о чем я толкую?

— Кажется да, — кивнул Виктор. — Названия и обертки разные, колбаса одна и та же.

— Вроде того. Или как конструктор: детали одинаковые, но их набор ограничен. А в остальном делай, что хочешь.

— Хм. Любопытно. И каковы были твои дальнейшие действия?

— Каковы-каковы, — буркнул Эдуард. — Как и полагается по должности, я потащил это добро директору, объяснил ситуацию. Он, как водится, завернул один опус и дал ход другому.

— Романы-то хоть интересные? Про что написано?

Волков вкратце обрисовал сюжет и концовку.

— Слушай, надо бы на досуге полистать. Давненько я из новеньких никого не читал. И… это вся твоя история?

Что-то во взгляде Волкова заставило друзей притихнуть. Эдуард выждал и сказал:

— С романами вся. Но этот случай в моей редакторской работе далеко не первый. Такое случалось и раньше. А за последнюю пару лет заметно участилось.

Присутствующие скептически переглянулись.

— Понимаю, как это звучит, — оправдывался Эдуард. — Поэтому и решил рассказать все вам, в приватной обстановке. Просто выслушайте, большего не требую.

— Конечно рассказывай, — пожал плечами Томаш, — интересно же.

— Три раза приходили парные и тройные копии романов. Два раза повести. Раз пять или шесть рассказы в ежегодный сборник. Тоже в копиях. Один раз прислали сразу два десятка одинаковых рассказов. Почта поступала почти одновременно. Все авторы разные и у всех чисто с плагиатом. Меня это заинтриговало. Я стал шерстить коллег в других издательствах. У них оказалось то же самое, но с материалом они не заморачивались, без колебаний отправляли в мусорное ведро. Думали, розыгрыш.

— И ты полагаешь, здесь имеет место нечто большее, чем простое совпадение.

Эдуард красноречиво промолчал.

— Выходит, люди придумывают, пишут одинаковые произведения, даже не подозревая о том, что их работа дублируется? Правильно понимаю? — спросил Иван.

— Очень точно сформулировано.

— Как это возможно?

— Есть такое понятие: параллельное изобретение. Это когда конструкторы делают независимые изобретения примерно в одинаковый исторический промежуток. Такова история изобретения парового двигателя Ползунова и Уатта, лампы накаливания Яблочкова, кучи геометрических теорем и физических открытий. Люди думали, что делают что-то оригинальное, а в действительности дублировали одну работу. То же самое и с творчеством. Работа уймы писателей превращается в копирование одной и той же информации.

— Использование готовых форм — непременный атрибут постмодернистского искусства, — вставил Артур.

— Не использование форм, а копирование, друг мой, неосознанное копирование без шанса узнать, кто же создал оригинал, — поправил Эдуард. — В итоге получается конвейер однотипных, словно наштампованных текстов примерно одинакового содержания.

— Смерть автора.

Все повернулись к Ивану. Тот снял очки и очень тщательно протер их лацканом рубашки.

— Был такой ученый, Ролан Барт. Он говорит в своей знаменитой статье, что идея и персонаж выходит на первый план, оттесняя автора, имя которого отныне малозначительно. То есть существует готовый концепт, а кто его создал, в наше время становится уже не важно. Главное, что он создан и действует. Например, многие знают, кто такой Одиссей, но не все из них в курсе, кто его создатель.

— Похоже, Эдик, в твоем случае уже не смерть автора, а уничтожение авторства как такового, — заметил Артур. — Ведь автор ценен прежде всего тем, что он один, индивидуально определенная личность.

— Абсолютно верно.

— Вот это удар по тщеславию! — провозгласил Томаш. — Смертельный удар. Несчастный, незаметный, забытый всеми автор вместе с другими претендентами скорчился в тени детища, которое считает своим, вынашивал дни напролет, растил и лелеял, с жаром создавал и обтачивал, а в итоге — ноль: он не Имя, а всего лишь безликая буква в Имени.

Друзья молчали, обдумывая услышанное.

— Таков парадокс, который я заметил и стал отслеживать, — решился продолжить Эдуард. — Но и это еще не все.

— Как? Серьезно? — Томаш, похоже, вполне искренне удивился.

— Помните про мою просьбу этим утром? — Волков вынул из кармана диктофон и поста-

вил его ребром на стол. Друзья уставились на черный прямоугольник как на диковинное насекомое. — Вот тут Ваня начал тему про нравы, про жаргон. Я много анализировал, сопоставлял и выдвинул одну гипотезу…

Давайте поразмыслим. Основное условие параллельного изобретения — это единовременность и независимость при его создании. Точно так же могут быть созданы все произведения науки, живописи или литературы; в принципе все, имеющее для человека значение. Вы сказали про смерть автора. А ведь такое было. Вы знаете имя человека, который изобрел колесо? А создателя рычага? Это были гениальные люди. Но время и человечество поглотили их имена, предали забвению. Как это произошло? Мы знаем, что человек проходит по одному и тому же жизненному пути — взрослеет, старится и умирает. За свою жизнь человек узнает опыт других и нарабатывает свой. Там где прошел один, пройдут миллионы: самостоятельно придумывают то, что уже было придумано задолго до них. Идеи живут, люди появляются и исчезают. Нет нужды помнить их имена.

Далее. Находясь на разных континентах, скажем, в Америке и Евразии, древние люди параллельно изобретали важнейшие вещи. Получается, они действовали синхронно, как части чего-то целого, как пальцы одной руки, хватающей топор. И если подумать, синхронное развитие уже не кажется таким уж странным. А может быть, это даже нормально? Не знаю. Знаю только, что этот процесс идет и ускоряется. Это значит, что любая идея, любая концепция, рожденная в голове человека в одной точке Земли, тут же обязательно возникает в тысячах других голов. Уверен, что не только творчество, но и работа, и любовь, и сама жизнь становятся все более идентичными и синхронными у многих людей. Речь идет не просто о повторении идей или концепций. То, что делает один человек — одновременно делают миллионы, будто все мы находимся в едином ментальном поле. Ничто уже не может быть оригинальным и уникальным в этом человеческом мире. Все подчинено алгоритму, как сказал Иван, программе, а это, в свою очередь, и есть признак упрощения. Вполне вероятно, что даже если бы некий литератор вдруг задумал описать наш разговор, а некие читатели — ознакомиться с ним, они потерпели бы неудачу в попытке сделать что-то оригинальное: подобных историй может быть десяток, и они пишутся, уже сейчас. Я вам даже больше скажу. — Эдуард наклонился вперед и понизил голос. — Точно такой же по смыслу разговор может происходить сию секунду в нескольких точках земного шара.

— Стоп. Ты хочешь сказать, что такой же… то есть… — забормотал Иван, соображая. Остальные выпучили глаза.

— Да. По той же модели — хозяин, гости, обед в кругу друзей, субботний уик-энд.

— А что, забавно! — захохотал Томаш. И осекся. Потому что остальные хранили напряженное молчание.

— Что ж, по-твоему, на выходе получаем синхронизацию. От разнообразия к единообразию. — Виктор поглаживал подбородок. — Здесь есть здравая мысль. Если рассудить, многие вещи люди делают синхронно. Ежесекундно рождаются и умирают. Просто это происходит разрозненно, вот и все отличие.

— Умирать, согласитесь, тоже можно по-разному. Одно дело под гусеницами танка и совсем другое в объятиях любовницы. Зрите глубже! Мне видится, что происходит процесс упрощения человеческого существования во всех сферах. Включая образ жизни, мышление, вкусы. Возможно, в этом причина неосознанного копирования: люди просто не способны изменить заложенную программу, живут по одной схеме и выполняют ее, как заведенные.

— Погоди-ка, — возразил Артур. — Человеку свойственны модели поведения и социальные роли. На них основано общество. Так легче жить. Это же не значит, что люди в одной униформе друг друга копируют?

— Нет. Они не копируют друг друга, они сознательно служат концепту. Государству, в твоем случае. Основное отличие здесь — неосознанное, рефлексивное поведение, слияние с

массой. Ты же не приказываешь сердцу биться? А теперь представь на мгновенье, что сердца всех людей планеты бьются в унисон, что спят они, принимают пищу и занимаются любовью тоже в одном ритме!

Томаш подавил смешок.

— Ладно, а причем здесь твой утренний фокус?

— Сейчас, — Волков сосредоточенно включил приборчик и прокомментировал. — Вот мой разговор с Томашем. Слушайте.

Они придвинулись поближе. Из диктофона звучали уже знакомые слова: «Как дела? Спасибо, нормально. Как супруга, сынишка? Замечательно. Катя по-прежнему работает, Вовка в школе. В пятом классе уже. Пятерки поди таскает? Иногда четверками разбавляет, и даже трояками. Угу. Как здоровье? Да нормально… Стараюсь не думать об этом. А на работе? Тоже ничего. Сезонное обострение. Бывает и такое…».

— Ну и что? — спросил Томаш.

— Слушаем дальше. Это разговор с Иваном.

Из диктофона донеслось: «Как дела? Спасибо, нормально. Как супруга? Замечательно. Катя работает, Вовка в школе. В пятом классе. Отличник, а? Иногда четверки получает. Бывают и тройки. Как здоровье? Нормально. А на работе? Тоже ничего. Сезонное обострение…».

— Разговор с Виктором, — сухо комментировал Волков.

Диктофон бесстрастно выплевывал слова: «Как дела? Да нормально. Как жена, сын? Замечательно. Катя по-прежнему работает, Вовка в школе. Пятиклассник уже. Хорошо учится? Когда как — пятерки, четверки. Бывают и тройки. Как здоровье? Нормально. Что на работе? Работается…».

— Разговор с Артуром.

И снова слова: как дела — нормально — как жена — замечательно — как сын — сколько пятерок….

— Выключи!! — взвизгнул кто-то фальцетом. Волков быстро нажал кнопку, посмотрел на друзей. Бледный Артур нервно поправлял ворот рубашки правой рукой. Виктор делал то же самое со своей тенниской. Правой рукой. Оба синхронно отдернули руки. Друзья обеспокоенно разглядывали друг друга. Только сейчас Эдуард заметил, что у Ивана, Томаша и Виктора одинаковые часы и что у него с Виктором тенниски одной фирмы с одинаковым узором. И что у всех одинаковые, модельные стрижки. По глазам было видно — друзья догадываются о том же.

— Что все это значит? — уже без улыбки спросил Томаш. Его физиономия, необыкновенно серьезная в этот момент, казалась восковой маской. В наступившей паузе мужчины отчетливо услышали откуда-то со стороны веранды возгласы:

— Безумно красиво, дорогая! Превосходное платье!

— Дорогая, оно безумно красиво!

— Безумно, безумно восхитительно! Оно очень тебе идет!

— Да, оно очаровательно! Прелестно до безумия, дорогая!

— О господи, — глухо сказал Томаш. Прямая линия его губ дернулась, сломалась и затрепетала. — Только не говорите мне, что наши девчонки одного…

— Молчи, молчи, молчи, прошу тебя, заткнись! — зачастил Иван, вцепившись в край стола. На его рельефном лбу отчетливо выступили бусинки пота. Эдвард сглотнул. От былого веселья не осталось и следа. Все пятеро замерли, задеревенели и теперь боялись шевельнуть-

ся. Он видел похожую сцену в каком-то фильме — стоило героям сделать резкое движение, у них под носом взорвалась бы бомба.

Тягостное, тревожное молчание. Эдуард боялся раскрыть рот, потому что это сейчас же мог кто-то повторить, а может все вместе — одновременно. Сколько раз с ним такое случалось! Наконец решился, медленно, на ощупь:

— Это значит, что…

— Это не значит ни черта, — отрубил Артур, нацелившись на Волкова пальцем. — Понял? Ничего не значит! Бред это все, глупости. Хватит. Хватит!

Артур казался перепуганным и рассерженным. Виктор осторожно потянулся к бутылке. Томаш, хотевший, было, сделать то же самое, отдернул руку, как ошпаренный. Пять пар глаз наблюдали за действиями одного человека. Горлышко мелко стучало о край стакана. Все автоматически пододвинули свои. Виктор наполнил их, не целясь, наугад бросил горсть ледяных кубиков из ведерка. Пара ледышек пролетела мимо, они упали на стол и немедленно потекли. Все тупо уставились на тающий лед.

— Ладно, — выдохнул Волков. — Побаловались и будет.…

— М-да уж, — откашлялся Артур, — этот разговор зашел чересчур далеко.

— Может, в покер? — неуверенно предложил Волков.

— Пожалуй, можно партийку, — согласился Томаш. Товарищи закивали.

…День неумолимо клонился к вечеру. Под конец вытащили магнитолу и устроили импровизированные танцы. Друзья кружили своих партнерш в ритме вальса, под рок-н-ролл и свинг. Затем Томаш совершил очень легкомысленный поступок — окунулся в пруд на спор, сорвав громкие аплодисменты.

Наступила минута расставания. Эдуард в обнимку с Катей вышел провожать друзей за ворота.

— Спасибо вам, ребята, за чудесный отдых.

— Тебе спасибо, — отвечали они.

Пока женщины расцеловывались, Иван улучил минутку и спросил Эдуарда:

— Как думаешь, то, о чем ты говорил.… каковы будут последствия?

— Я меньше всего хочу знать ответ на этот вопрос.

Нестеров кивнул — как будто так и надо. Потом они наблюдали, как друзья идут к стоянке, к ровно выстроившимся в ряд трем седанам одинаковой модели, серебристого цвета и одной марки. Три пары очень организованно уселись в автомобили, а Витя оседлал свой спортивный мотоцикл. Процессия стартовала, из окошек высунулись и помахали руки. Они помахали в ответ.

— У тебя такие милые друзья, — Катя прижалась к Эдику теснее и положила голову на грудь. — Они так на тебя похожи. Жаль, Витя приехал один.

— Ничего. В следующий раз он исправится, — Эдуард посмотрел в вечернее небо и вздохнул. На языке ощущалась слабая горечь. — Пойдем, надо прибраться.

Даркпанк

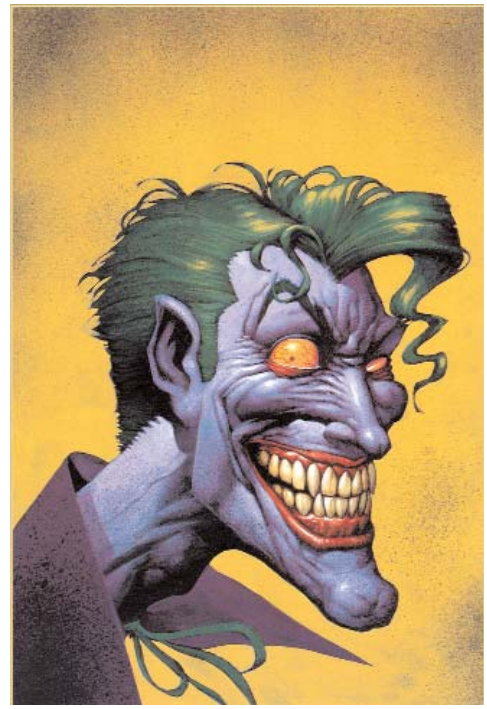
Эдвард Ли

СОЛЕВОЙ ВОРОЖЕЙ

Пролог

Ономансеры потерпели неудачу. То же самое случилось с сивиллитами. Тогда вперед вышли гаруспикаторы — жрецы, с пронизывающими взглядами, жуткие и мрачные в своих кроваво-красных одеяниях. Один из них кивнул головой, скрытой под широким капюшоном, и юную деву, раздетую донага, уложили на плиту из черного оникса.

Обученный кастрат, которому чуть ранее зашили глаза, неуклюже сунул посох в вагину девы. Стройные бедра обнаженной жертвы дернулись вверх, и крик боли поднялся выше зиккурата, словно девушка взывала к самим богам. Слепой кастрат передал окровавленный посох для осмотра Синода. Вне всяких сомнений она была девственницей.



«Джокер» Иллюстрация Алекса Хорли для *QMan*

Кастрата тут же обезглавили, и молчаливые легионеры утащили его тело в темную нишу. И тогда величайший из гаруспикаторов вонзил длинный заостренный крюк глубоко во влагалище девы. Она вздрогнула и умерла. Лишь токая красная струйка излилась наружу. Но гаруспикатор уже работал. Его святая рука аккуратно вытащила крюк из теплых внутренностей девушки. Закатав рукава мантии, он бросил кишки на каменный пол зиккурата. Ветер завывал в колоннах. Или, возможно, то было дыхание великого Эа.

Однако, когда жрец внимательно взглянул на мокрые и вывернутые внутренности, он тоже не увидел предвестия. Челюсть царя отвисла. Казалось, что он окаменел на своем троне. Оставалось только одно спасительное средство. Если и оно не поможет, то царя и царство ожидала гибель. Он повернулся к дальнему ряду жрецов в черных мантиях — к загадочным аломансерам. Царь медленно кивнул головой.

Неуклюжая фигура вышла вперед. Лицо было скрыто под балахоном. Одной рукой жрец помахивал кадилом, заполненным солью. Он поставил его на огонь и дождался момента, когда соль начала плавиться. Дым изливался через крохотные отверстия. Ворожей склонился над кадилом, сделал несколько глубоких вдохов и рухнул на пол. Царь напряженно ждал. Легионеры выбежали вперед, предлагая свою помощь. Через несколько мгновений — слава Эа — аломансер пришел в себя и поднялся на ноги. Тревожное молчание затянулось. Даже ветер перестал завывать среди колонн. Даже облака, казалось, замерли в небе.

Аломансер содрогнулся, посмотрел на царя глазами аметистового цвета и начал произносить пророчество…

1.

Все это началось, когда рассыпалась соль.

Незнакомец выглядел нелепо. Его черные волосы были пострижены «под горшок», как у мультяшного Мое. Он стоял у стойки — высокий и бочкообразный, с зубастой усмешкой лунатика.

— Альд, пожалуйста, — потребовал он.-Я не пробовал его уже века.

Руди и Бет сидели чуть дальше, сжимая в руках банки с «Милуокиз Бест». Руди с притворным интересом смотрел боксерский бой, который шел по телевизору. Они с утра крутились по городу в надежде занять у кого-то деньжат. Но у них ничего не выгорело. Тогда они вернулись в кафе-бар «Перекресток» неподалеку от бульвара Рут. Руди не хотел идти на поклон к Вито — ни минутой раньше, чем придется. Он чувствовал себя, как осужденный в день жестокой казни.

— Ты слуга этой таверны? — спросил у бармена нелепый мужчина.-Подай мне альд.

— Никогда не слышал о таком напитке, — ответил бармен, щеголявший бачками и пивным животом, похожим на шар для фитнеса. — У нас здесь импорта нет. Это «Перекресток», мать его, а не «Четыре сезона».

— Я в затруднении. А с медовухой как?

Руди едва не рассмеялся. Голос мужчины звучал еще более нелепо — с высоким носовым прононсом.

О каком чертовом альде он тут говорит?

— Нам привезли пару бочек «Роллинг Рок», приятель. Надеюсь, это тебя устроит?

— Благодарю за рекомендацию, добрый человек.

Когда бармен подошел к пивному крану, Руди склонился к стойке.

— Эй, брат, что это за тип?

Брюхатый бармен пожал плечами. Из-под его воротника торчал пучок волос, похожий на подпаленную стекловату.

— Какой-то псих. У нас таких полным-полно.

Бет, нахмурившись, отвернулась от телевизора.

— Руди, тебе, что, больше нечем заняться? Так и будешь интересоваться каждым фриком в баре? А если Вито заглянет сюда?

— Вито Глаз? Сюда? Скорее, мир перевернется.

Впрочем, особой уверенности у него не было.

— Может, Мона займет нам немного бабла?

— У нее денег хватает только на обучение и ренту. Когда же ты вернешься в объективную реальность?

Ох, уж эти женщины, подумал Руди. От них всегда один негатив. Он посмотрел на телевизор. Черепаха сражался со Щукой. Средний вес. Четвертьфинальный поединок. Но мысли о Вито продолжали беспокоить Руди. Интересно, что со мной сделают его парни?

Бармен поставил перед нелепым мужчиной большой стакан с пивом. При этом его мускулистый локоть перевернул солонку. Белые гранулы рассыпалась на стойке. Странный посетитель усмехнулся. Он кивнул головой, взял щепотку соли и бросил ее через левое плечо.

— Пусть это навредит Нергалу и всем его дьяволам. Пусть они не потревожат сие место

«Рэнксерокс и Лубна» Алекс Хорли, 1999 г.

и вернутся к своим злобным подземным делами.

— К чему такие суеверия, приятель? — проворчал толстый бармен.

— Чтобы ослепить стражей нижних регионов, — пояснил мужчина. — Они всегда слева от нас и за нашей спиной. Соль является даром святейшего Эа — бога всех хороших вещей. Рассыпая священную соль, мы отгоняем плохую судьбу, идущую с небес. Когда-то соль была дороже мирры.

— Что еще за Мира такая?-спросил бармен.

— А ты, мой добрый друг, остерегайся обмана язычниц, — ответил посетитель.— Твоя наложница…

— Какая еще к черту наложница?

— Любовница, — сказала Бет. — Или подружка.

Недаром у нее было хорошее образование.

— Ее зовут Стейси? — спросил нелепый мужчина.

Лицо бармена, и без того похожее на рыло мопса, сморщилось от изумления.

— Откуда, мать твою, ты знаешь имя моей женщины?

— Я — аломансер, — ответил странный посетитель. — Солегадатель. А у твоей наложницы волосы, как мешковина, и гнилые зубы старой обманщицы. В данное время она находится в кровати с доселе неизвестным ей мужчиной.

Бармен почесал свои баки.

— О чем ты говоришь?

— Он сказал, — пояснила Бет, — что твоя сожительница сейчас трахается с парнем, с которым недавно познакомилась.

— Сей муж, — продолжил посетитель, — имеет особый талант в использовании своих причиндалов.

— Хватит прикалываться! — рявкнул бармен.-Еще один мешок с дерьмом!

Прикольный мужик, подумал Руди. Он хотел поделиться своим комментарием с Бет, но кто-то похлопал его по плечу. О, нет! Он медленно повернул свою рыжую голову направо.

— Вито! Приятель! А я как раз искал тебя по всему городу.

— Да?

Вито носил кожаную куртку и белые штаны — итальянские. Все называли его Глазом, потому что левое бельмо этого букмекера прикрывала черная повязка.

— Твой счетчик крутится до пятницы, братишка. Ты не забыл об этом, а?

— Что ты, Вито?— залепетал напуганный Руди. — Я помню. Я всё помню.

— Шесть штук. Босс рассердится, если ты не принесешь их в срок.

— Бармен, — меняя тему, крикнул Руди. — Принеси пивка для моего лучшего друга Вито. И для этого парня тоже.

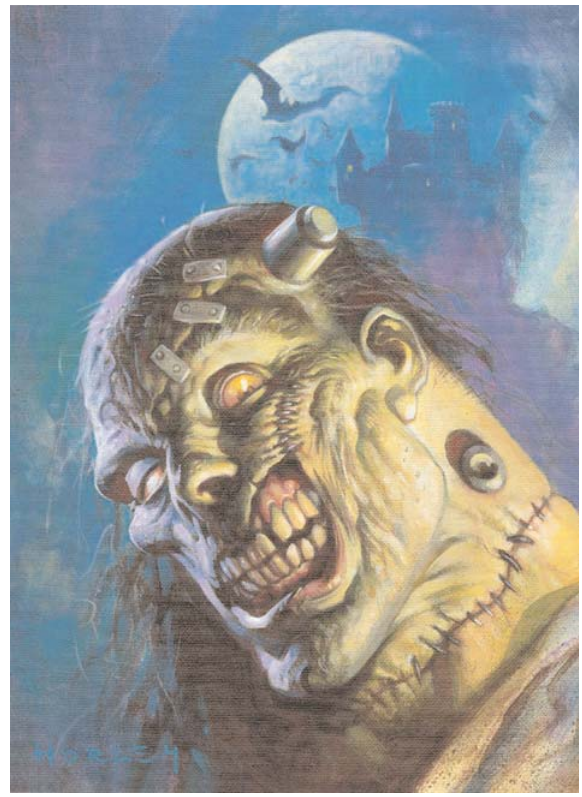
Он похлопал нелепого мужчину по спине. Вито погрозил ему пальцем.

— Я посижу в той кабинке. Нужно заняться записями. Если захочешь что-то сказать, найдешь меня там.

— Отлично, — проблеял Руди, оценивая шансы на отсрочку платежа. — Я вот тут подумал... Ты не мог бы дать мне немного дополнительного вре...

— Я рассказывал тебе, как лишился глаза? Это было около десяти лет назад. У меня тоже был долг перед боссом, и я сделал большую ошибку, попросив его о дополнительном времени.

Руди с трудом сглотнул слюну. Когда Вито скрылся в задней кабинке, Бет начала ныть.



«Франкенштейн» Алекс Хорли.

— Какой ты добрый человек! Мы сидим «на мели»! У тебя шесть тысяч долга, и ты покупаешь букмекеру пиво? И этому незнакомцу? Господи!

— Таким парням, как Вито, нравится щедрость. Это часть их натуры.

— Посмотри, что ты наделал!-прошипела Бет.

Мужчина с зубастой усмешкой приблизился и встал напротив Руди.

— Бесчисленные благодарности, господин. Хотя это и не альд, я благодарен тебе.

— Что за хрень такая, альд?-спросил его Руди.

— Крепкий высококачественный напиток, особенно любимый машмашами. Кстати, это мы изобрели его, хотя ваши зимургисты отказываются признавать нашу правопреемственность. А суть простая! Большие горы зерна, выставленные на солнце, выделяют конденсаты влаги. Эти испарения пропитывают нижние слои зерна. Остается лишь отжать влагу в бочки.

Он сделал глоток пива и скосил глаза.

— Я Гормок. А вас как зовут, добрые люди?

Гормок? Что за идиотское имя!

— Я Руди. Это Бет, моя невеста.

Бет снова нахмурилась, и Руди понял причину ее недовольства. Он давал ей сотни обещаний, но ни одно из них пока не стало правдой. Рискованные ставки и аферы являлись для него священным ритуалом — актом одержимости, похожим на почитание. Все это создавало

долги, чье бремя иногда напоминало Кинг-Конга, забравшегося на их спины. Стресс уже оставлял свои следы на милом личике Бет: тонкие морщины и заметный налет утомления. Она теряла вес. Ее блестящие длинные волос карамельного цвета приобретали оттенки седины. Пока Руди носился по ипподромам и букмекерским конторам, она надрывалась на двух работах. Но и это не помогло. Люди босса поставили их на «счетчик». Не удивительно, что она все время злится. В следующую пятницу мне вырвут глаз, а я тут покупаю пиво для какого-то придурка по имени Гормок.

— Клянусь, что ваша щедрость не останется неоплаченной, — трескучим голосом продолжил Гормок. — Если я могу оказать вам услугу, умоляю вас, дайте мне знать.

— Забудь об этом, — сказал Руди.

Вот же идиот! Он глотнул пиво из банки.

— Куда ушел бармен? Я хотел сделать еще один заказ.

— Наш скромный слуга переживает момент печали, — ответил Гормок. — Он хочет пообщаться со своей неверной наложницей.

Руди оглянулся и увидел бармена в той части заведения, где находился телефон. Толстяк внезапно побледнел и повесил трубку.

— Сначала я позвонил управляющему трейлерного парка, — сообщил огорченный мужчина. — Моей подруги там нет. Затем я связался с администратором в мотеле «Наковальня», и он сказал, что моя Стейси провела там час удовольствия… с каким-то долговязым парнем.

— Со статным молодцем, доселе неизвестным ей, — напомнил Гормок. — И с огромными причиндалами.

— Заткнись, урод.

Бармен вернулся к телефону. Бет хранила молчание, но Руди уже размышлял.

— Гормок, как насчет того, чтобы испробовать эту соль на мне.

— Аломансию? — с усмешкой отозвался незнакомец.

— Скажи, кто победит в этом бою? — понизив голос, спросил Руди.

— О, гладиаторы нового темного века!

Гормок взглянул на экран телевизора.

— Найдется ли у тебя курильница? Ясные видения должны порождаться огнем.

— Какая на хрен курильница?

— Это предмет, в котором что-то жгут во время ритуалов, — пояснила Бет. — Не будь таким болваном, Руди.

Игнорируя ее слова, он осмотрелся по сторонам.

— Как насчет этого?

Он взял со стойки большую стеклянную пепельницу с наклейкой шведской команды пловчих в спортивных бикини.

— Возможно, подойдет, — ответил Гормок.

Он насыпал щепотку соли в салфетку и сунул ее в пепельницу.

— Теперь нужна свеча или факел. Или огниво с трутом.

Надеюсь, он говорит о зажигалке. Руди отдал ему свой «Бик». Мужчина поджег салфетку, и та, странно полыхнув ярким пламенем, тут же угасла. Лицо Гормока стало безмятежным. Ка-

залось, он действительно принимал участие в каком-то ритуале. Склонившись к стойке, он вдохнул сизый дым. Руби выжидающе смотрел на него.

— Боец с темной кожей и в светлых трусах, — рассеянно сказал Гормок. — Тот, кого называют Черепахой. Через две минуты он нанесет удар в голову противника и одержит победу.

Руди схватил сумочку Бет.

— Нет! — вскричала его невеста.

— Мне нужно что-нибудь поставить, — проворчал он, роясь в сумочке.

Открыв бумажник, он сердито зарычал.

— Двадцать баксов? Это все?

— Проклятье, Руди! Ты не смеешь...

Он повернулся к кабинке букмекера.

— Эй, Вито? Ставлю двадцатку, что Черепаха одолеет Щуку в этом раунде.

— Больше никаких кредитов, — не поднимая голову, ответил букмекер.

— Наличка, парень. Вот, смотри.

Вито перевел взгляд на экран телевизора.

— Сейчас твоему Черепахе надерут задницу, браток. Ты действительно хочешь, чтобы я забрал твою зелень?

— Кончай, Вито, — взмолился Руди. — Перестань крутить мои шары.

— Ладно, приятель, — пожав плечами, ответил букмекер. — Ты в игре.

Руди посмотрел на экран телевизора и рухнул на стул. Щука танцевал кругами вокруг его парня, нанося ужасающие хуки. Голова Черепахи дергалась назад и в стороны, словно шар на резинке.

— Ты идиот, — простонала Бет.

— Вот! Сейчас! — прошептал Гормок.

Черепаха вслепую нанес удар в голову Щуки и послал противника на канаты...

— Да! — крикнул Руди. — Да, будь я проклят!

Он громко захохотал, когда рефери, встав над Щукой, начал отсчет, а затем объявил победу Черепахи.

— Хорошая ставка, братишка, — сказал Вито, возвращаясь к записям. — Только не забывай о шести штуках.

— Теперь это пять тысяч девятьсот восемьдесят, — с улыбкой ответил Вито.

— Увидимся в пятницу, остряк.

Вито покинул прокуренный бар. Руди задумчиво покачивался на стуле. Даже Бет, потирая щеку, размышляла о чем-то своем. И Руди догадывался, какие мысли носились в ее голове.

— Как ты это делаешь?-спросил он у Гормока.

— Я аломансер, — с нелепой усмешкой ответил мужчина. — Я — солевой ворожей Четвертого Кенота Нергала.

Дурак ты набитый, подумал Руди. Но я все равно люблю тебя. Он по-дружески похлопал Гормока по плечу.

— Может, хочешь пойти с нами? Поживешь у меня некоторое время.

2.

— Кто это?-поморщилась Мона, когда они пришли домой.

Сопливая сучка, подумал Руди.

— Это наш добрый друг, — ответил он белокурой студентке. — Его зовут Гормок.

Массивная грудь девушки выпирала под блузкой.

— Гормок, это Мона, наша соседка по квартире.

Их гость с восторгом осматривал аппетитную девушку в тугих джинсах.

— Люди плыли бы через моря ради такой красоты! Жрецы взбирались бы на зиккураты!

— Не спеши, Гормок, — сказал Руди. — Мона, ты не хочешь пройти в свою комнату и позаниматься там немного? Нам с этим парнем нужно переговорить.

Девушка не возражала. Она сунула под мышку папку с рефератом: Паунд, Элиот и Сеймур: величайшие поэты нашего века.

— Присаживайся, Гор, — произнес Руди. — Чувствуй себя как дома.

Их гость опустился на потертую софу. Руди заглянул на кухню и крикнул Бет:

— Принеси ему пиво. Кажется, оно понравилось ему.

— Руди, это плохая идея. Не знаю, смогу ли я…

— Заткнись и принеси ему пиво, — вежливо ответил он.

Руди вернулся в грязную гостиную, неся в руках солонку и пепельницу.

— Короче, Гор. Расскажи мне о себе.

На лице его гостя появилась усмешка.

— Я всего лишь скромный солевой ворожей, некогда благословенный Эа, а позже проклятый Нергалом.

— О! — отозвался Руди.

— Я был ашипу, белым и добрым аколитом, но, увы, мне пришлось продать душу Нергалу, несносному богу Эбона. О, как жалок я в своих грехах! Увы, мои сожаления не принимаются в расчет. Отверженный небесами и изгнанный из ада, я обречен на вечные скитания по грязной корке земли. И ныне хожу я, обретая те или иные тела, как сосуды для моего бессмертного духа.

— Хм!

— Господи! — прошептала Бет.

На ее лице появилась гримаса неодобрения. Она сунула Гормоку зеленую банку «Бада». Да, он знатный чудила, подумал Руди. Следующий бой — Дженкинс против Клиппера — проходил на западном побережье. Ночное шоу. Ставки принимались до вечера.

— Все это очень интересно, Гормок. А ты можешь повторить свой фокус с солью?

На губах его гостя пузырилась пена от пива.

— Аломансию!

— Ну, да, аломансию. Мне очень хотелось бы знать, кто победит в бое Дженкинса и Клиппера.

Усмешка не сходила с лица Гормока. Он встал на колени на маленький коврик и начал таинственный ритуал, сжигая соль в салфетке и вдыхая дым, который поднимался из пепельницы. Затем он закачался на коленях.

— Воин по имени Клиппер. На шестой стадии конфликта.

Внезапно он рухнул на пол.

— Вот же дерьмо!

Руди и Бет помогли аломансеру подняться.

— Гор! Ты в порядке?

— Слишком много для одного дня.

Гормок говорил, как обкуренный нарик.

— Уложите меня спать, дорогие друзья. Завтра утром я буду в порядке.

— На кушетку, — предложил Руди.-Поднимай его за ноги…

— Куда-нибудь вглубь и вниз, — бормотал Гормок.-Я должен покоиться в глубине, как все проклятые нашипу. Перенесите меня к одному из кенотов.

— Кенот — это дыра в земле, — сказала Бет, вспоминая университетский курс древних мифов. — Там проводили ритуалы, жертвуя девственниц и кастрируя мужчин.

Дыра?

— Подвал! — предложил Руди.

Бет дернула за кольцо, открыла люк, и они потащили бормотавшего гостя по деревянным ступеням.

— Уже лучше. Сладкая тьма.

Они уложили мужчину на старый тюфяк рядом со сломанной стиральной машиной и сушилкой. Пыль поднималась с грязного пола.

— Он тяжелый, как мешок с кирпичами, — пожаловалась Бет.

Руди набросил на него старое армейское одеяло.

— Порядок.

— Эа, я искренне раскаиваюсь, — лепетал во сне Гормок. — Отпусти мне грехи, умоляю тебя!

Он начал похныкивать.

— И я проклиная тебя, Нергал. Нечестный грабитель! Преследователь и совратитель душ!

— Ни фига себе, — проворчал Руди.

Он настоящий псих… и золотая жила.

3.

В постели между ними начался спор.

— Как ты мог пригласить такого фрика в наш дом? — шипела Бет.

— Я не слышал, чтобы ты возражала, — напомнил Руди.

— Как будто ты меня послушал бы. Я боюсь его.

— Только не верь всей этой мумбо-джумбо, ладно? Он просто болтает всякую шизофреническую чушь.

— Не совсем, Руди. Перед тем, как бросить университет и пойти ишачить на двух работах, чтобы вытащить тебя из цементных колодок, я изучала древнюю историю. Кеноты, зиккураты, аломансия — это все из вавилонских мифов. Парень говорит, что он одержим духом солевого ворожея — нашипу. Фактически, он признался, что в нем сидит демон.

Руди тихо рассмеялся.

— Ты, наверное, перегрелась на солнце, милочка. Он обычный шизик, понимаешь? Я думаю, парень сбежал из ближайшей психушки, а всю эту дрянь он вычитал в какой-нибудь оккультной книжке. Гор верит в одержимость демонами. Ну, и ладно. Пусть думает, что хочет. Для нас важно, что он обладает даром экстрасенса. Ты же слышала его? Он сразу же предугадал, что подружка бармена изменяет ему на стороне.

— Это могло быть совпадением.

— Совпадением? А что ты скажешь насчет боя Черепахи и Щуки? Он не только назвал победителя, но и раунд угадал. Гор выбрал парня, которого каждый городской букмекер считал пропащим лузером.

— Меня это не волнует, — повернувшись спиной, ответила Бет. — Он жуткий тип. Я не хочу, чтобы он жил в нашем доме.

— Дорогая, этот Гормок — золотой рудник на двух ногах. Мы будем держать его под своим крылом, и нам больше не придется тревожиться о деньгах. Мы будем...

Крик рассек воздух, как лезвие гильотины. Руди и Бет напряглись под одеялом. Еще один крик донесся из соседней комнаты.

— Это М-Мона? — заикаясь, прошептал Руди.

— Д-д-да, — согласилась Бет.

— Она твоя подруга. Сходи и посмотри, что случилось.

— Мать твою! — закричала Бет. — Трусливый сукин сын!

— Ладно, пойдем вдвоем. Я буду защищать тебя.

Руди храбро взял со столика Бет одну из пилочек для ногтей. Затем, всклокоченные и в нижнем белье, они на цыпочках вышли из спальной.

— О Боже!-прошептал Руди, заметив открытую крышку подвального люка.

Они прошли по коридору и заглянули в комнату Моны.

— О Боже, — еще раз тихо повторил Руди.

Однако Бет не стала шептать. Она истерично завизжала. Гормок, с лицом, измазанным алой жидкостью, смотрел на них с дикой усмешкой. На кровати, перепачканной кровью, лежала Мона, обнаженная и мертвая... и немного выпотрошенная.

Живот студентки был вспорот от пупка до грудины. Рядом лежали извлеченные внутренние органы, как бы выставленные для ужасной проверки. Вокруг трупа растекалась струйки крови, создававшие жуткое подобие кирлиановской ауры. В руке Гормока находилось что-то темное и влажное. Ее печень, понял Руди. Он жрет печень Моны!

— Приветствую вас, друзья! — с набитым ртом сказал Гормок.

— Что, во имя Бога, ты делаешь? — взревел Руди.

— Не во имя Бога, — возразил Гормок. — А во имя Нергала. Увы, это моя вечная вина. Я обречен нести свое проклятье. Всем сердцем я стараюсь бороться с адским принуждением,

но злобный Нергал приговорил меня к подобным действиям. И когда бы я ни вдыхал божественные пары соли, мне приходится совершать убийство.

— Плохое уравнение!

Руди покачал головой и посмотрел на пилочку для ногтей. Может, мне убить его. Но затем он передумал. Прежде всего, Мона никогда не нравилась ему. Упрямая сучка. Она всегда вела себя, как дешевка. Конечно, он трахал ее пару раз, когда Бет была на работе. Глыба льда в постели. Как будто пялишь холодную рыбу. И потом она постоянно шантажировала его, поэтому он не мог поднять ей плату за съемную комнату.

— Гормок, подожди минуту. Мне нужно поговорить с Бет.

— Конечно! Беседуйте, друзья. А я пока наслажусь своей пищей.

Руди пришлось тащить Бет за руку. Она шла в спальную с бледным лицом.

— Нам нужно бежать отсюда, пока мы можем, — наконец, затараторила она. — Мы должны позвонить в полицию.

— Не драматизируй ситуацию, милая. Он безвредный парень.

— Безвредный?!

Глаза Бет едва не выскочили из ее головы.

— Он ест печень Моны! И ты называешь его безвредным?

Руди уже придумал план, но ему следовало разыграть его по нотам.

— Послушай, Бет, — сказал он убедительным и тихим голосом. — У Моны нет ни родственников, ни друзей. Черт! У нее даже нет парня. Ее никто не будет искать. И она редко ходила в свой университет, поэтому...

— Руди, звони в полицию! Немедленно!

— Ладно, ладно.

Он вскинул руки вверх. Его волосы торчали во все стороны.

— Я уже звоню.

Руди взял телефон и начал набирать номер. Но он звонил не в полицию, а спортивному букмекеру. Какое-то время он молча слушал ответ, барабаня пальцем по столу. Затем на его лице появилась улыбка.

— Клиппер выиграл в шестом раунде.

Бет перешла на крик.

— Руди, ты сошел с ума! Что с тобой происходит?

— Милая, это только из-за любви к тебе. Я иду на это ради нас обоих. Мне хочется, чтобы мы однажды поженились, завели детей и все такое.

Бет шмыгнула носом и приподняла голову.

— Правда?

— Конечно, милая, — заверил он ее. — Мне лишь нужно, чтобы ты поверила в меня. Иди в постель. Доверься мне.

Он нежно погладил ее по щеке.

— Я обо всем позабочусь.

***

Руди начал выполнять свое обещание. Сначала он отвел Гормока обратно в подвал. Аломансер улыбался.

— Я уже насытился, добрый Руди. Мое проклятие облегчено, и я могу заснуть. Я искренне извиняюсь за любые причиненные беспокойства.

— Все нормально, Гор. Не волнуйся об этом. Со всеми иногда такое случается.

Руди поморщился, вспомнив о печени Моны.

— Тогда до завтра, — сказал аломансер. — Сейчас мне требуется сон. Возможно, я даже увижу добрые сновидения.

— Спокойной ночи, — ответил Руди.

Поднявшись наверх, он запер люк на замок.

***

Копать могилу было трудно. Тяжелее, чем он ожидал. Но Руди, одетый только в трусы, копал глубоко и обстоятельно. Вставлять органы обратно во вспоротый живот тоже было нелегкой задачей, хотя, если смотреть на все это с другой перспективы… Позже, на маленьком заднем дворе, при свете луны и с трелями сверчков, с холодной травой под ногами и запахом лавра в чистом воздухе, он похоронил капризную Мону.

***

Однако осталось еще одно дело. Гормок сказал, что он должен был совершать убийство в тот день, когда выполнял ворожбу. Это большая проблема, подумал Руди. Он не хотел позволять Гормоку вспарывать людей и поедать их печени. Но ему требовались его предсказания о результатах следующих игр и боев. Значит…

Он тихо прокрался в подвал. Гормок спал, тихо бормоча какие-то слова на вавилонском языке. Сейчас все устроим, подумал Руди, поднимая топор.

— Сна больше нет!-вскричал аломансер, цитируя Шекспира.-Макруди убил этот сон!

Кровь текла, как соус на спагетти. Руки и ноги отлетали в стороны. Но другого способа не было. Черт, я оказываю ему услугу. Руди был уверен в этом, отсекая члены ворожея. Рубить пришлось много и долго. Закончив работу, он перевязал обрубки бинтами и шпагатом. Какой насыщенный день, подумал он, поднимаясь наверх.

4.

На следующий утро Бет спустилась в подвал и снова разразилась криком:

— Что ты наделал?!

— Разве я не говорил, что обо всем позабочусь?

— От него остался только торс!

— Да, и теперь он не сможет никому навредить, — ответил Руди.-Теперь ему не нужно волноваться об убийствах. Мы будем кормить его и заботиться о том, чтобы он ни в чем не нуждался.

Бет нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Руди решил сменять тему.

— Смотри!-сказал он, помахав пачкой 100-долларовых купюр.-Наш парень снова потрудился. «Вечерний чай» пришел на ипподроме первым. Ставки были тридцать два к одному. Ты можешь этому поверить?

Бет пришла в бешенство, что было вполне ожидаемо.

— Руди! Ты снова играл? Пойми, он убийца! Мы не можем держать такого человека в нашем подвале. Тем более, без рук и ног!

— Все обойдется, золотце.

Руди вложил в ее ладони пухлую пачку денег. Бет вздохнула от изумления.

— Похоже, тут тонн десять...

— Одиннадцать тысяч, — поправил он ее. — Я уже расплатился с Вито. Мы закрыли тему долга.

Глаза Бет были прикованы к деньгам.

— Но ты должна понять, что тут не все так просто.

Он перешел к плохим новостям.

— Имеется одно условие, детка. Помнишь, я говорил тебе, что мы должны заботиться о нем, чтобы он ни в чем не нуждался?

— Какое условие?-спросила Бет.

***

Условие была таким:

Ранним утром Руди поднес расписание скачек к голове искалеченного Гормока. Другой рукой он сунул под нос аломансера дымившуюся пепельницу.

— «Вечерний чай», добрый Руди, — сказала голова. — В первом заезде.

Руди не стал оспаривать столь странное предсказание. Но ему не давал покоя важный вопрос. И этот вопрос чесался в его голове, как швы на заживавшей ране.

— Эй, Гор? Вчера ты сказал, что должен совершать убийство после ворожбы над солью.

— Да, в тот день, когда я выполняю святую аломансию, — подтвердил Гормок.-Нергал, принц бездны, обрек меня на такие деяния.

— Что случится, если ты не совершишь убийство?

— Тогда мой дар пророчества покинет меня, Навсегда.

Черт, подумал Руди. Вот же дерьмо!

— Если только я не получу замену, — добавила голова Гормока. — А замена заключается в облегчении моей сексуальной страсти до полного опустошения сока, собравшегося в паховой области.

Глаза Руди сузились.

— Ты хочешь сказать...

***

— Нет!-взвыла Бет, услышав эту новость.-Я на такое не подписываюсь!

— Милая, перестань, — настаивал Руди. — Это единственный способ. Если ты не поможешь ему, он больше не сможет называть победителей.

— Руди, читай по моим губам! Я не собираюсь трахаться с этим чертовым обрубком!

Вот они, женщины, подумал Руди. Ты просишь их о чем-нибудь малом, и они выкручивают тебя, как тряпку. Пора привлекать тяжелую артиллерию.

— Это ради нашего будущего, золотко. Ради наших детей.

Очевидно, слово «дети» было магическим для Бет. Она надула губки, затем, покраснев, взглянула на него.

— Ради наших детей, — прошептала она.-Я…

Руди обнял ее и пригладил волосы.

— Это единственный способ, милая. Я не просил бы тебя о таком, но иначе никак. Неужели мы не хотим, чтобы наши дети имели все лучшее?

— Наши дети, — тупо повторила она. — Я думаю, ты прав.

Затем она подняла люк и начала спускаться в подвал.

Моя маленькая амазонка, глядя ей вслед, подумал Руди.

***

Маленькая амазонка сделала все, как надо. Руди, обладая пытливой натурой, решил проконтролировать процесс. Прокравшись вниз, он несколько минут подсматривал в дверную щелочку. Вот и славно, детка. Многие сочли бы его поступок мерзким. Не каждый мужчина смог бы наблюдать за тем, как его невеста занималась сексом с обрубленным «торсом». Бет не тратила время впустую. Несмотря на недовольную гримасу, она выполняла свою миссию с непреклонной решимостью. Она сидела на Гормоке, как хищница на поверженной добыче. И хотя ее расстройство было очевидным, она по ходу, так сказать, проекта постепенно начинала расслабляться.

В тусклом освещении подвала Руди видел, что ее лицо пылало румянцем. Маленькие груди свирепо раскачивались, пока ее компаньон в ответ на знаки внимания болтал какую-то вавилонскую чушь. Как она делает это, удивлялся Руди. Наверное, не просто трахать искалеченное существо. Фактически, обрубок. Затем у него возник другой вопрос: О чем она сейчас думает?

Это был суровый вопрос! О чем могла думать женщина, хлопая ягодицами по усеченному солевому ворожею? Возможно, Руди пришел к неверному выводу, но единственным ответом, который дал ему внутренний голос, была следующая догадка: она думает обо мне… Конечно! О ком ей еще было думать? Не о Гормоке же! Внезапно Руди почувствовал сильное возбуждение. Моя подруга горбатиться над обрубком, а меня это заводит. Перед его глазами появился иллюзорный образ…

Он представил себя на месте Гора — прямо там, на подвальному полу. Он содрогался от блаженства, пока влагалище Бет жарко скользило по его твердому члену — вверх и вниз. Эрекция Руди усилилась. Сердце бешено забилось. Маленькие грудки Бет яростно подскакивали, когда она опускалась на торс ворожея. Вверх и вниз, вверх и вниз, жарко и неистово. Ее бедра двигались, как поршни машины… О, Господи!

— Сладкая милость Эа!-воскликнул Гормок на грани семяизвержения.

Руди поймал дыхание и понял, что кончил в трусы. Его либидо высвободилось в спазма-

тической пульсации. Я смотрю на свою будущую жену, которая трахается с калекой, с отвращением подумал он. И при этом спускаю в трусы. Он стыдливо прокрался вверх по лестнице. Его успокаивало только одно: все это делалось по хорошей причине…

5.

Нет, по великолепной причине! По абсолютно чудесной причине! За неделю Руди сотворил настоящее чудо! Он погасил все долги. Купил себе байк «Малибу» и «Мустанг Джи Ти» для Бет. Он приобрел телевизор «Сони» с 52-мя дюймами по диагонали, квадрофонический музыкальный центр и мебель на пятьдесят тысяч долларов. И новый дом — просторный и светлый, на Бэй-Ридж Драйв. Прекрасный дом, который имел большой и темный подвал.

6.

Несмотря на алчность Руди, Гормок оставался на удивление хорошим компаньоном. Днем он нежился в подушках и пил пиво через соломинку, а Руди в это время собирал наличку в букмекерских конторах. Гормок ни разу не ошибся. Вскоре основной проблемой Руди стал вопрос: что делать с такими деньжищами. Бет продолжала свои скачки «вверх и вниз». Теперь она могла купить буквально все, что ей хотелось. Но ее радость омрачалась постоянным сексом с мерзким торсом в подвале. Не удивительно, что однажды она устроила бунт…

— Эта штука внизу заставляет меня делать минет, — прошипела она Руди.-Ты слышишь меня? Мне приходится отсасывать у тухлого пенька!

Вот ведь занудная женщина, хмуро подумал Руди. Ты делаешь ей добро, а она по-прежнему тычет тебя в бок.

— Дорогая, он не «штука». Ты говоришь о Гормоке, а он наш человек.

— Наш человек?-закричала Бет. — Тогда спустись в подвал и отсоси у него! Посмотрим, как тебе это понравится. Иди и отсоси у нашего человека!

Руди еще раз поблагодарил судьбу за то, что Гормок не был геем.

— Не будь такой эгоисткой, — ответил он.-Разве мы не получили то, что хотели?

— Да, Руди, получили. Но знаешь, что я думаю? У нас уже достаточно денег. И я больше не хочу ублажать его.

Руди осуждающе посмотрел на нее.

— Пойми, малышка. Денег всегда недостаточно.

— Ах, так?

Из-за возросших потребностей Гормока Бет теперь носила только трусики. Она обежала вокруг стола и встала перед Руди.

— Значит, ты до конца жизни будешь вычищать кассы букмекерских контор? А старушка Бет должна трахаться и посасывать член искалеченного вавилонского аломансера?

— Не будь такой вульгарной, милая. Мне это не нравится.

Маленькие груди Бет подпрыгнули, и она разразилась злым смехом.

— Ты заставляешь меня трахаться с уродом и в то же время говоришь о вульгарности? Мне опротивело это! Ты слышал меня. Я не хочу больше заниматься сексом с отвратительным обрубком!

Руди поднес палец к губам.

— Говори потише. Он может услышать тебя. Зачем обижать его чувства?

— Господи, — всплеснув руками, зарыдала Бет. — Он теперь так долго не кончает...

Она еще раз всхлипнула.

— У него такой огромный член!

Тогда прекрати ныть, подумал Руди. Женщины всегда хотят мужчин с большим членом. Ты получила его. Радуйся! Он начал раскладывать деньги по десяткам, двадцаткам и сотням.

— Бет! — раздался из подвала знакомый голос с носовым прононсом. — О, Бетиииииииии! Где ты, мое сладкое видение? Любимая Бет со светло-коричневыми волосами!

— О, нет, — простонала она.

— Не оставляй меня долго в томлении. Мой чудесный ангел с милым личиком и пухленькой попкой. Приди! Я умоляю тебя! Приди и утоли мой нестерпимый зуд.

Руди вопросительно изогнул бровь.

— Нестерпимый зуд?

Бет сердито посмотрел на него.

— Он говорит, что снова возбудился.

Она в отчаянии закатила глаза.

— Я не могу поверить в это! Мне хотелось обрести нормальную жизнь, а что я получила вместо нее? Обрубленный торс с торчащей костяшкой.

— О, милейшая госпожа, я умоляю тебя. Раздели мое желание! Мой скакун тоскует о своей кобылке!

Бет с презрением посмотрела на Руди.

— А ты сильно изменился. Ты не спал со мной уже несколько месяцев.

Руди лишь пожал плечами. Какой мужчина стал бы заниматься сексом с потаскухой, которая трахалась с обрубленным торсом? Ты получаешь свое удовольствие, а я — свое, подумал он. Девушки по вызову вполне устраивали его. Некоторые из них могли бы высосать всю краску с боевого эсминца. И после этого в старой авторучке уже не оставалось чернил.

— Я нахожусь под сильным стрессом, дорогая, — ответил он обычной ложью.-Все эти ставки. Они требуют много сил.

— Чудесная Бет, — завывал из подвала похотливый аломансер. — Моя страсть пульсирует при мысли о тебе! Пусть твое прекрасное лоно оседлает моего горбунка! Пусть твои ангельские губки прильнут к нему и изопьют мое теплое обильное семя.

— Тебе лучше спуститься к нему, — посоветовал Руди.-Я не хочу проиграть все наши деньги на следующей ставке.

Плечи Бет начали подрагивать.

— Я ненавижу тебя, — сказала она.

***

Купив новый дом, Руди в тайне от Бет установил в подвале скрытую видеокамеру. Как ни крути, он был удачливым бизнесменом, а удачливые люди не подсматривают в дверную щель, когда их подруги трахаются с вавилонскими калеками. Нет, они наблюдают за этим с помощью видеокамер. И Руди тоже наблюдал...

Господи, подумал он, глядя на экран в своем кабинете. Несмотря на возбуждение, он начал замечать, что подобные сцены стали порождать в нем презрение к Бет. Не важно, что это он подталкивал ее к Гормоку. Данная тема вообще не обсуждалась, потому что такой была логика его бизнеса. И ему требовалось презрение к ней, чтобы подталкивать ее к аломансеру. На самом деле деньги, а не какая-то любовь заставляла вращаться их мир. И Руди нравилось жить в своем прекрасном мире.

Иногда картины на экране беспокоили его. Взять хотя бы то, что он видел сейчас. Бет делала минет, и Руди возмущался вслух:

— Черт! Как его член еще не дымится!

Теперь он понимал, что жалобы Бет были полностью обоснованными. Член Гормока действительно не поддавался описанию. Огромный, как у жеребца. Такого хватило бы на четырех или на пять парней, подумал Руди, вяло теребя свой пенис, похожий на завтрак «Джимми Дин». Бет напоминала ему сейчас шпагоглотательницу. Ее неутомимые губы двигались до самого эфеса. Безногие бедра Гормока сжимались от удовольствия. Куда все это входило? Как в фильме «Глубокая глотка». Наверное, до самого желудка. А ведь она никогда не делала такого со мной, грязная сучка.

Пока его рука ублажала собственную похоть, ненависть Руди крепла все больше и больше. Могу поклясться, что она получает удовольствие. Могу поклясться, что ей нравится это. Она стонет и хрюкает, как целый грузовик, набитый свиньями!

По старой привычке Руди представлял себе, что Бет сосала не пику аломансера, а его собственный член. Ему нужны были такие фантазии. Они помогали ему терпеть обиду и унижение. Но когда он выпустил на разноцветный ковер все содержимое своей простаты, фантазия разбилась на куски. Даже его семяизвержение выглядело жалкой струйкой в сравнении с китовым взрывом белой спермы, которая покрыла толстым слоем покрасневшее личико Бет. Счастливый Гормок уже что-то гундосил на своем языке…

7.

Руди знал, что это не продлится долго. И он уже придумал аварийный план. Однажды ночью, проснувшись на своей постели, он увидел Бет, стоявшую у большого окна.

— Милая?-спросил он с притворной тревогой.-Что-то случилось?

— Я не могу больше спать. Я слышу, как он лепечет там внизу.

И действительно. Всю ночь было слышно, как Гормок в подвале бормотал свои арканные заклинания и гулко смеялся над своими шутками. Если бы ты трахала его получше, он крепче бы спал, подумал Руди. Это не моя вина, что ты тупая шлюха. Кто-то должен был выполнить условие, и это оказалась ты.

Бет села на кровать и заплакала.

— Ах, мое сердечко, — прошептал ей Руди. — Не плачь.

— Ты говорил, что мы поженимся, — рыдая, сказала она. — Ты говорил, что у нас будут дети.

— Да, милая, будут.

— Когда, Руди? Я должна знать.

— Скоро. Обещаю.

Он погладил ее волосы и поцеловал в мокрую щеку.

— У меня уже есть план. Финальные лошадиные скачки, пару баскетбольных игр и все. Это не займет много времени.

— О чем ты говоришь?-хныкая, спросила она.

Руди протянул руку к ночному столику.

— Смотри! Мы будем жить, как в раю, дорогая.

Он показал ей журнальную страницу с индексом НАСДАК.

— Ты станешь миллионершей, Бет. И тогда, обещаю, мы поженимся и заведем детей, как планировали.

— Прошу тебя, Руди, — обнимая его, сказала она. — Сделай это, пожалуйста,

— Я обещаю, — заверил он ее. — Но тебе придется немного потерпеть.

Ее рыдания начали утихать.

— Ты согласна, милая? Согласна?

— Ладно, — прохрипела она.

— О, Бееетиииии! — послышался голос снизу. — Приди ко мне, прошу тебя!

8.

Через несколько месяцев они переехали из городского дома в элитарное поместье с большим прудом и двумя бассейнами. Они поменяли свои Мустанги» на «Ламборджини Дьяблос». Гормок по-прежнему выполнял для Руби предсказания, а тот давал поручения нанятым брокерам. Стоки «Блу чип». Муниципальные бонды. Это принесло дополнительные тридцать миллионов. Несмотря на высокие федеральные и государственные налоги, Руди наращивал свой капитал. Прежние девочки по вызову стал его личными девочками. Тридцать телочек — по одной на каждый день месяца. Он поселил их в роскошных номерах и завалил наличкой. Все шло не так уж и плохо. Скорее, даже хорошо.

Руди находил большое утешение в своем календарном гареме. Девочки создавали убежище для его израненной психики — абстрактный катарсис, который выпускал наружу заповедные мысли его сложной и наполненной стрессами жизни. Плюс, они хорошо трахались, и это еще больше усиливало его ненависть к Бет. Забываясь в руках своих девочек, он больше не думал о том, что его невеста садилась на безногого и безрукого мужчину с огромным и неутомимым членом.

Бекки была его любимицей — стройная, белокурая, с колечками на языке. Она старательно вылизывала его, и Руди ценил такую гигиену. Затем шла Шанна — полногрудая брюнетка. Ее можно было бы использовать, как сухой док для ремонта подводных лодок. В сексе она всегда предпочитала — хм, хм — заднюю дверцу. А Крисси? Вот это женщина! В ее присутствии Джессика Альба серьезно подумала бы о самоубийстве. Ее милый язычок мог бы вылизать городскую площадь.

Да, врачебная бригада Руди приносила огромную помощь. В конце концов, его реальной проблемой стал вопрос: как много радостного сока могли производить яички мужчины. Естественно, они имели ограниченный ресурс. Но его девочки часто доказывали, что он обладал бесконечными резервуарами любовной лавы. А в тех ужасных случаях, когда подъемный кран Руди отказывался функционировать, его красавицы, с их огромным опытом, поднимали мертвеца из могилы. Он любил своих девочек. Он заботился о них. Если какая-нибудь милашка надоедала ему, он прогонял ее и находил достойную замену. И как в Баварии никогда не кончается пиво, так и в Америке не кончались красотки, которым нравились деньги. Вот это была жизнь!

С самого начала их знакомства с Гором Руди побуждал Бет к научным исследованиям. Он заставлял ее изучать месопотамскую мифологию, вавилонские ритуалы и дохристианскую ворожбу. Она нашла книгу с названием «Синод аломансеров» и усвоила всю информацию о ке-

нотах Нергала, нашипу, ашипу, зиккуртах и различных сложностях регалий в древних ритуалах. Руди хотелось, чтобы бедный Гормок чувствовал себя, как дома. Он привлек подрядчиков и сделал подобие храма в подвале. Он купил настоящие курильницы и кадила, флаги и статуи, и даже настенные фрески со святыми глифами. Спускаясь к аломансеру, он надевал особую мантию с кушаком и балахоном, похожую на те, что носили древние жрецы. Взамен Гормок давал ему все новые предсказания. Руди старался, чтобы ворожея окружала правильная атмосфера. Он почему-то находил это нужным.

А вот Бет становилась все более угрюмой. Она редко разговаривала с Руди, хотя ему тоже некогда было болтать. Он либо пропадал в гареме, либо общался с букмекерами и брокерами. Однако он заметил, что Бет стала замкнутой. В последнее время Гор настаивал, чтобы она обслуживала его по несколько раз в день, и они выделывали в подвале такие немыслимые штучки, что лучше вообще их не описывать.

Прошло еще несколько месяцев. Богатство Руди росло по экспоненте.

9.

Забавно, как работает Вселенная. Руди часто вспомнил свои слова — что денег всегда недостаточно. Однажды он понял, что был не прав. Он стал одним из богатейших людей в стране. Зачем метаться и ждать большего? Поэтому, когда однажды вечером Бет вошла в его кабинет и сбросила бомбу, все, в каком-то глобальном и космическом смысле, сыграло ему на руку.

— Я беременна, — сказала она.

Сначала Руди почувствовал ярость.

— Беременна? Ты издеваешься надо мной? Это шутка, правда?

— Нет, это не шутка. Я беременна.

Он сжал зубы и вскочил на ноги.

— Ты хочешь сказать, что похотливый обрубок обрюхатил тебя?

— Я трахаюсь с ним по десять раз на дню, — сухо напомнила она. — Что ты ожидал?

— Проклятье! Я думал, что ты принимаешь пилюли.

— Пилюли не всегда эффективны.

Успокойся, парень, подумал он. Не паникуй.

— Впрочем, это не проблема. Сделаешь аборт.

Казалось, что ее лицо было высечено из гранита.

— Я не буду делать аборт. Я выношу ребенка.

— Ни в коем случае.

Он сжал и разжал кулаки, успокаивая клокотавшую ярость.

— У тебя не будет ребенка от этого огрызка.

— Огрызка? — с усмешкой просила Бет. — А я-то думала, что он наш человек. Успокойся, Руди. Я оставлю этого ребенка. Ты не дал мне своего, поэтому я рожу дитя от Гормока.

Ах, ты злобная расчетливая сучка, подумал он. Значит, ты специально это устроила? Ты не принимала пилюли, чтобы сделать мне предъяву.

— Но я могу пойти на сделку, — продолжила она. — Я сделаю аборт, если ты выполнишь два условия. Первое, ты сам сделаешь мне ребенка. И второе, ты убьешь Гормока.

Затем она передала ему небольшую коробку.

— Открой ее.

Руди открыл крышку и увидел револьвер «Смит энд Вессон». Модель 65.

— Ты сделаешь это прямо сейчас. Никакой новой лжи, дорогой. Никаких фальшивых обещаний. Ты выкопаешь могилу на заднем дворе, затем вытащишь эту тварь и убьешь ее. Я хочу, чтобы это было сделано сейчас!

Руди немного расстроился. Ему диктовали условия. И кто? Позорная женщина. Значит, хочешь стрельбы? Ты ее получишь, маленькая соска. Он с трудом сдержал улыбку.

— Хорошо. Будь по-твоему.

Руди взял лопату и отправился на задний двор.

***

Разве он не думал о таком сценарии? Лопата яростно вонзалась в почву. Ему не нужно больше денег, и, значит, не нужен Гормок. А что еще ему не нужно? Бет, подумал он с усмешкой. Руди получил от нее все, что хотел. В эти дни она выглядела очень подавленной. Костлявая, с темными кругами под глазами. Я теперь крутой парень, сказал он себе. Зачем парню с большими баксами такая телка с маленькими сиськами. Потрепанная сучка — вот, кто она такая!

Он перевезет свой гарем сюда! Черт! Эти девочки превратят его поместье в рай, по сравнению с которым особняк Плэйбой будет выглядеть, как собачья конура. Можно будет добавить несколько новеньких: милашек с калифорнийским загаром, бритыми лобками, аппетитными «дыньками» и сосками, торчащими, как золотые клеммы. Их сиськи можно будет вывешивать в Национальной галерее! Взять, например, Мелиссу. Шедевр косметической хирургии; при виде на такое тело даже у Римского папы был бы стоячок! Или Алисин, чья вагина обгоняла по проворству любого олимпийского гимнаста. О, да-а-а, подумал он. А Шелли и Келли — две рыжеволосые близняшки с крепкими задками. Их любимой постельной игрой был «сэндвич». И Руди играл там роль сыра.

Можно было найти сотни других — бесконечный список образчиков невообразимого секса! Это будет рай! Я перевезу их сюда. Всю бригаду бимбо! Я построю роскошный жилой комплекс на заднем дворе. Он уже воображал такую жизнь. Новая чика на каждый день. Ежедневные оргии. Он будет слизывать белужью икру с их загорелых животиков. Пить шампанское из ложбинок между их грудей. Блондинки в соусе! Рыженькие под бокал мартини. Брюнетки в шоколаде! Я буду жить, как принц. Но сначала нужно было позаботиться об аломансере и Бет. На его лице появилась злая усмешка. Передохнув немного, он начал рыть вторую могилу.

***

— Ты пойдешь со мной, — сказал он. — Мне нужно, чтобы ты держала фонарик.

— Ладно, — согласилась Бет. — Принеси оружие.

Даже без рук и ног Гормок казался неподъемным. Руди с трудом тащил его вверх по лестнице. Как будто набит кирпичами. Чуть позже он опустил торс на тачку и отшатнулся от струи, ударившей в лицо. Он поморщился, как будто ему нанесли пощечину. Очевидно, Гормок уже не мог контролировать свою мочевую систему. Бет захохотала.

— Прими мои извинения, добрый друг, — произнес аломансер. — Поверь, такая несдержанность была непредвиденной!

— Не волнуйся, приятель, — мрачным тоном ответил Руди. — Я все понимаю. Когда муж-

чине что-то нужно, он просто делает это.

— Скажи, мой благодушный господин, красавица Бет уже сообщила тебе хорошую новость? Урожай моей плоти сделал ее живот вместилищем для ребенка.

— Да, она сообщила, — ответил Руди.

Он покатил нагруженную тачку по аллее вдоль бассейна.

— Вот почему мы решили отправиться на задний двор. Мы проведем там вечеринку. Все трое!

— Великий Эа! — едва не заплакав от восторга, вскричал аломансер. — Моя радость становится необузданной. У нас будет семейное торжество!

Его обрубки закачались от радости.

Все верно, будет торжество, подумал Руди, задыхаясь от усилий. Я похороню вас обоих и попраздную, окропив своей мочой ваши свежие могилы.

Огромный задний двор сиял в спокойном лунном свете. Ночь была теплой и милой. Прекрасная ночь для погребения людей. Руди, потея, толкал нагруженную тачку к задней части поместья. Он поднял обрубок Гормока и опустил его рядом с первой вырытой могилой. Гора свежей земли скрывала вторую яму от глаз Бет.

— Какое странное место для нашего пиршества, — заметила голова Гормока.

Бет передала Руди револьвер и с невинной улыбкой отошла в сторонку. Руди крутанул цилиндр и убедился, что тот был заряжен патронами.

— Сделай то, что обещал, — приказала Бет.

Он ответил ей презрительной усмешкой.

— Нет, я сделаю кое-что другое, похотливая сучка. Я убью вас обоих!

Он прицелился в окаменевшее лицо невесты.

— Стреляй, — сказала она. — Думаешь, я не знала о твоих планах? Попробуй использовать мозг. Напряги извилины! Гормок — аломансер. Он предвидит будущее. Ты, наверное, думал, что мы только трахались в подвале? Нет, тупоголовый Руди!

— Ты…, — смущенно пролепетал ее жених.

О чем она говорит…

— Я попросила парня в оружейном магазине вытащить порох из патронов, — проинформировала его Бет.-Твой револьвер бесполезен.

Руди несколько раз нажал на спусковой крючок. Боек бил по металлу — клик-клик — но ничего не происходило.

— А вот этот пистолет стреляет.

Когда Бет навела на него ствол оружия, Руди намочил штаны.

— Убей Гормока! — закричала она.

— Чем?

— Меня не волнует, чем ты убьешь его. Просто убей!

Ствол пистолета был направлен на его лицо. Он схватил лопату и приставил к горлу аломансера.

— Не бойся, добрый Руди, — произнес говорящий торс.

«Демоны» Алекс Хорли

На лице Гормока сияла усмешка.

— Судьба манит нас к несбыточным мечтам. Но вызовы провидения иногда бывают наполнены радостью.

Бет взвела курок. Руди надавил ногой на клинок лопаты и отделил голову аломансера от безруких плеч. Кровь хлынула из обрубка, забрызгав дерн «Кентукки блю». Руди пнул ногой отсеченную голову, и та полетела в могилу.

— И что теперь?-хрипло спросил он. — Ты убьешь меня?

— Нет, — ответила Бет.

Прежде чем Руди успел повернуться к ней, она с силой ударила его по голове стальной рукояткой пистолета.

Эпилог

Напрасно Руди не читал те книги, которые Бет приносила из городской библиотеки. Гормок подтвердил информацию, которую она обнаружила в научных статьях. Дух проклятого солевого ворожея нельзя было убить. Погибало только тело, занятое им на какое-то время. После этого дух переходил в другое тело, которое находилось в ближайшей доступности.

Бет похоронила голову Гормока и торс. Во второй могиле она погребла руки и ноги Руди. Чуть позже она спустилась по ступеням к новому обитателю подвала и тихо прошептала:

— Доброй ночи, милый.

— Уже утро, моя сладкая красавица, — со знакомым носовым прононсом ответил ее жених. — Давай займемся любовью. Я заставлю тебя переживать небесные грезы.

Теперь Бет могла завести себе столько детей, сколько ей хотелось. Руди больше не будет противиться. А если у нее начнут заканчиваться деньги… в доме всегда найдутся пепельница и соль.

Перевод с английского ART
(Ассоциации рижских переводчиков)

Татьяна Адаменко

ЧУДЕСА

Идея праздновать Новый год в ночном клубе принадлежала не мне, но тогда я ее с радостью поддержала. Беда Нового года в том, что в эту ночь всегда хочется чего-то необычного, оригинального, увлекательного, чего-то сверх обычной дружеской посиделки... короче говоря, чуда, на которое намекают мерцающие огоньки гирлянд, россыпь звезд на бархатном небе и бесшумно падающий в свете фонарей снег.

И мне показалось, что ожидание праздника и радость от наступления нового года, объединит меня со всеми, кто будет в клубе, знакомыми и незнакомыми, и этот миг сопереживания и общего восторга будет очень похож на чудо...

Зато теперь, за семь, нет, уже шесть минут до нового года, я знаю, что это похоже на толпу полупьяных людей в тесном и душном помещении, которую музыка рвет на части.

Зато вряд ли кто-то из них поднимется сюда вслед за мной, — подумала я, сосредоточенно пыхтя и царапая каблуками железные ступеньки с налипшим на них снегом.

Балкон, или, скорее, целая галерея для курящих с прямым выходом из клуба осталась внизу, а я карабкалась на смотровую площадку на крыше. По какой-то прихоти дизайнера ведущая на крышу лестница была крутой, узкой и с большими просветами между гулко звенящими ступеньками, так что у меня были все шансы оказаться на крыше в одиночестве. Если доберусь.

Но я просчиталась — на крыше уже кто-то расслабленно свисал с перил, повернувшись ко мне спиной. Рядом по небрежно брошенной на хлипкие прутья шубе обеспокоено переступал с ноги на ногу попугай таких же ярких красно-белых расцветок. Птичка недовольно ерошила хохолок в ответ на прикосновение снежинок, но в целом, для тропического существа выглядела в наших широтах на удивление неплохо.

Полчаса назад владелец попугая изображал в клубе неуклюжий гибрид Деда Мороза с Капитаном Бладом и разливал дармовой ром, назойливо повторяя название торговой марки... или ее повторял попугай? Я так и не попробовала диковинный напиток, не рискнув пробиваться сквозь толпу желающих.

Пока я стояла на верхней ступеньке, с любопытством рассматривая птицу, его владелец совсем перестал сопротивляться гравитации и неумолимо пополз вниз... Третий этаж!

Я, грохоча на всю крышу своими шпильками, кинулась к нему... даже если я его ухвачу, удержу ли?

— Привееет!!!

Он развернулся мне навстречу так стремительно, что я едва не влетела в гостеприимно распахнутые объятия. Выражение лица у меня, наверное, было довольно дурацким, так что он от души расхохотался. Гулкий, как в бочку, смех капитана Блада оказался настолько заразительным, что я через секунду присоединила к нему свой фальцет. Наверное, на мое нежелание гордо фыркнуть и уйти как-то повлияли три бокала шампанского, которое в клубе, в отличие от рома, было в абсолютно свободном доступе. Ничего — через минуту это желание возникло вновь.

— Привееет, аномалия!

Он хмыкнул и отступил на шаг, склонив голову набок. Кривой длинный нос делал его поразительно похожим на его попугая, и рассматривали они меня с одинаково скептическим выражением.

— Почему аномалия? — еще не обижаясь, уточнила я.

Он только печально вздохнул, разыскивая что-то в обширнейших карманах блестящих и алых, как и его шуба, штанов. Наконец он извлек массивную бутыль темного стекла с полуоторванной этикеткой.

— Последняя осталась, — опечалился он. — Домой принести нечего.

Затем вытащил один пластиковый стаканчик. Сперва он достал два, потом всмотрелся в меня еще пристальней, вздохнул, и, пробормотав что-то невнятное, опустил его обратно в глубины кармана.

— Да потому что… сама знаешь. Такая большая, а в чудеса веришь. Как есть аномалия.

Именно тут я обиделась: на то, как легко меня раскусили, и на то, что я даже не догадываюсь, чем себя выдала. И попыталась исправить положение, ринувшись в бессвязный разговор.

— Ну и что? Чудес в мире полно. Разве этот вечер не чудо? И звезды, и снег…

— Золотые ворота и Тадж Махал, и Мона Лиза, которая продолжает улыбаться, — ехидно закончил за меня Блад. — И все это правда, но ведь вас такие чудеса не устраивают. Вы верите, что когда-нибудь увидите, как зевает каменный лев, или что радуга станет мостом, или еще что-нибудь такое же нелепое, требующее нарушения всех законов физики…. или химии?

Он запил свои обвинения одним, но очень длинным глотком, который осушил стаканчик до дна. Вот тут был прекрасный момент все-таки уйти, тем более я уж начала замерзать, и три бокала шампанского были тут плохим подспорьем, вот если бы это был глинтвейн… Я завистливо посмотрела на ром.

— Детям не наливаю, — насмешливо сообщил он, перехватив мой взгляд.

— А вы, господин Дед Мороз, конечно, в чудеса не верите, — в отместку попыталась съехидничать я.

— Нет, — спокойно подтвердил он после долгого выдоха. — Я в чудеса не верю. Я знаю.

— Что знаете? — удивилась я, одновременно протягивая попугаю палец.

Тот снова вздыбил хохолок и отступил на два осторожных шажка.

— Знаю, сколько для них пахать надо. Вот поэтому… — он прервался, чтобы налить себе еще, — чудеса случаются только с теми, кто в них не верит.

— Не поняла логики, — призналась я, и попугай развел крыльями, словно говоря «что с нее взять?».

Мне и в самом деле стало интересно разобраться, что у него за теория и насколько серьезно он ее мне излагает.

Пират/дед мороз нетерпеливо вздохнул и предложил мне:

— Ну подумай, как нужно вкалывать, чтобы нарушить гравитацию. Хотя бы на пару секунд! А как сгустить солнечный луч так, чтобы он выдержал шестьдесят кило? — с горячностью спросил Блад. — А сделать воду не мокрой?

— А зачем? — удивилась я.

— А как тогда на облаках сидеть? — в свою очередь удивился Блад.

— Трудновато, наверное, — с готовностью посочувствовала я.

— Трудновато! Ха! Это какой-то порочный круг! Представь: для того, чтобы успеть сдать облака, приходится растягивать сутки вдвое, а потом, чтобы это исправить, надо пахать двое суток подряд. И нам даже толком выспаться не дают, уже готово следующее задание.

Я сочувственно округлила глаза.

— Так что очевидно: никто не будет тратить силы так по-глупому ради тех, кто и так верит в чудеса. Мы работаем для неверующих. Понятно?

— Понятно. Логично.

Ничего мне не было понятно, зато внезапно стало очень обидно. И я без спросу цапнула бутыль.

— Ничего тебе не понятно, — хмыкнул Блад. — Эх ты, аномалия… Ладно, — вдруг быстро и резко сказал он, и одновременно в его руках очутилась злополучная бутыль.

Мои ладони еще сохраняли ощущение толстого теплого стекла, но были пустыми.

— Ладно, — повторил он. — Приходи к нам, если крылья отрастут. Когда отрастут. Пройдешь стажировку. Работу получишь…

— Какую работу? Какие крылья? — совсем растерялась я.

— Перрррррепончатые! — вдруг гаркнул попугай, вспархивая на плечо хозяину.

Иллюстрация Руби Небрес

Он развел свои собственные, и размах оказался немалым — ястреб бы не постыдился. И Блад вместе с попугаем отправился вниз быстро, бодро, и бесшумно, словно под ногами были не скользкие от снега железные ступени, а дворцовая мраморная лестница.

— Визитку не забудь! — донеслось до меня, и, прежде чем я успела спросить «какую визитку?», услышала:

— В кармане!

На морозный воздух вырвались тягучие удары музыки и снова пропали, отрезанные дверью. Я опустила руку в карман, нащупала там упругий прямоугольник… и тут в небе полыхнул салют. Я ахнула от неожиданности и застыла, вцепившись руками в перила.

Огней было так много, что у меня кружилась голова, и они опускались так низко, что хотелось трусливо прикрыть голову капюшоном. Когда небо опустело, и на нем бедными родственниками остались только звезды, я спустилась на землю — ловить такси. В пропахшем кокосовой отдушкой салоне я снова полезла в карман.

Вообще-то это была не визитка, а голограмма. Всю поверхность с двух сторон покрывал мерцающий узор, очень сложный, яркий и красивый, но совершенно абстрактный. Ни одного намека на спокойный ровный ряд букв и цифр не выловишь.

Но я пытаюсь, пусть и не совсем всерьез. Прикрепила к циферблату часов, и каждое утро беру в руки, подставляю под солнечные лучи. Пока адрес продолжает оставаться неизвестным. Может, потому что крылья еще не выросли? Хотя… лопатки уже чешутся.

Доктор Спрут

КАК ОГРАБИТЬ БАНК

(Пособие для домохозяек)

I. Введение

В нашей предыдущей статье об атомной бомбе мы предложили вам на выбор несколько тем, и нас не удивило, что многие из читательниц проявили интерес к такому экономически важному вопросу, как ограбление банка. Этот вид деятельности очень разнообразен и порою требует сложной аппаратуры, но для вас, уважаемые дамы, мы разработали простой и самый эффективный метод, который для удобства разбит на десять несложных этапов.

II. Теория

Наиболее традиционным способом ограблений является «взятие на понт». Для того чтобы сделать его тихим и незаметным для окружающих людей, грабители банков обычно применяют записки с требованием, которые подаются кассиру. Успех зависит от трех факторов: вашей убедительности, быстрого отхода и, конечно же, наличия денег в этом банке.

III. Метод

1. Прежде всего, вам необходимо выбрать «правильный» банк. Не уподобляйтесь тому рязанскому простофиле, который месяц назад приехал в Москву «брать кассу» в Траст Банке и обнаружил, что тот давно «лопнул». Более того, проверьте, чтобы в выбранном вами учреждении не работали ваши знакомые и подруги. Не забывайте, зависть — сестра предательства.

2. Напишите «правильную» записку. Заполните ее четкими печатными буквами и ни в коем случае не подписывайте своим именем. Используйте для этого чистый лист бумаги. Не повторяйте ошибки питерского грабителя, который написал «Гони валюту» на обратной стороне своей судебной повестки. Не стремитесь быть оригинальными. Например, тверской вор потребовал положить в конверт все купюры по тысяче рублей, которые были в кассе. Таковых в тот момент не оказалось, и парню пришлось уйти с пустыми руками.

3. Запаситесь «правильным» оружием. В этом вопросе нельзя бросаться в крайности. Если вы воспользуетесь настоящим пистолетом, это может привести к печальным последствиям. К примеру, псковский грабитель, распихивая деньги по карманы, в пылу азарта прострелил себе живот. А его коллега из Новгорода, избрав для дела газовый пистолет, случайно нажал на курок и чихал до самого приезда полиции. Мы рекомендуем вам пистолет-зажигалку и дымовую шашку, которую можно приобрести у кадровых военных и моряков.

4. Выберите «правильную одежду». Никаких белых брюк! Кассир может подсунуть вам так называемую «куклу», в которой будет находиться взрывающийся пакетик с краской. Представьте, что подумают люди, увидев на ваших брюках или юбке красные пятна. Кстати, именно поэтому мы и не советуем вам прятать деньги в карманах одежды. Складывайте их в хозяйственную сумку.

5. Подойдите к «правильному» кассиру. Чисто психологически вам легче будет грабить мужчину, поскольку женщина инстинктивно станет воспринимать вас как свою соперницу. Постарайтесь найти юношу с прыщами на лице — это верный признак того, что он боится женщин.

6. Займите «правильную» позицию. Видеокамеры в кассовых залах обычно располагаются под потолком. Если вы будете почаще нагибать голову и озабоченно потирать виски, это помешает полиции составить ваш фоторобот.

7. Выберите «правильное» время. Подходя к кассе, проследите за тем, чтобы за вами не было очереди. Ваш успех может вызвать у других людей враждебные чувства и подтолкнуть их к непродуманным действиям.

8. Отдайте записку кассиру и, когда он прочитает текст, ошеломите его. Это требуется для того, чтобы он не нажал ногой особую кнопку, которая подключена к будильнику охранника. Когда кассир прочитает записку, покажите ему оружие и тут же возмущенно укорите его за неопрятный вид и расстегнутую ширинку. Наукой доказано, что вид пистолета и мысль о расстегнутой ширинке отключает рассудок мужчины на три минуты. За это время он покорно выложит вам всю наличность и с благодарностью примет из ваших рук дымовую шашку, которая является важным элементом для так называемого «отхода».

9. Сложив деньги в сумку (см. п. 3), дерните за шнур дымовой шашки, передайте ее в руки ошеломленного кассира и крикните: «Пожар!» Пользуясь паникой, смешайтесь с толпой посетителей и покиньте помещение банка.

10. Подсчитав полученную сумму, спрячьте деньги в укромном месте. Не пользуйтесь ими в течение года или, если к этому принуждают обстоятельства, «отмойте» их в одном из обменных валютных пунктов. Сумку и одежду, которые вы использовали в деле, подарите своим подругам. Оружие пока оставьте при себе, потому что, читая мои инструкции в журнале «Транзит», вы еще не раз найдете ему достойное применение.

IV. Наши дальнейшие планы

Предлагаем вам новую пятерку интересных тем. Выбрав одну из них, сообщите нам о своем решении. Ваши пожелания станут главным фактором в определении того вопроса, который мы детально рассмотрим в ближайшем номере журнала. И тогда, выполнив десять несложных действий, вы узнаете о том:

1. Как родить вундеркинда.
2. Как заработать миллион баксов, не нарушая закона.
3. Как сделать антигравитационную машину.
4. Как стать невидимкой.
5. Как сотворить свою Солнечную систему.

Клэй Хэджбаш — адепт 3D искусства

Автор: Клэй Хэджбаш *(Clay Hadebush)*

Сфера работы: 3D компьютерная графика

Ученая степень: бакалавр по графическому дизайну

Образование: закончил государственный колледж Южного Миссури

Вэб-сайт: http://www.phase2net/claygraphics

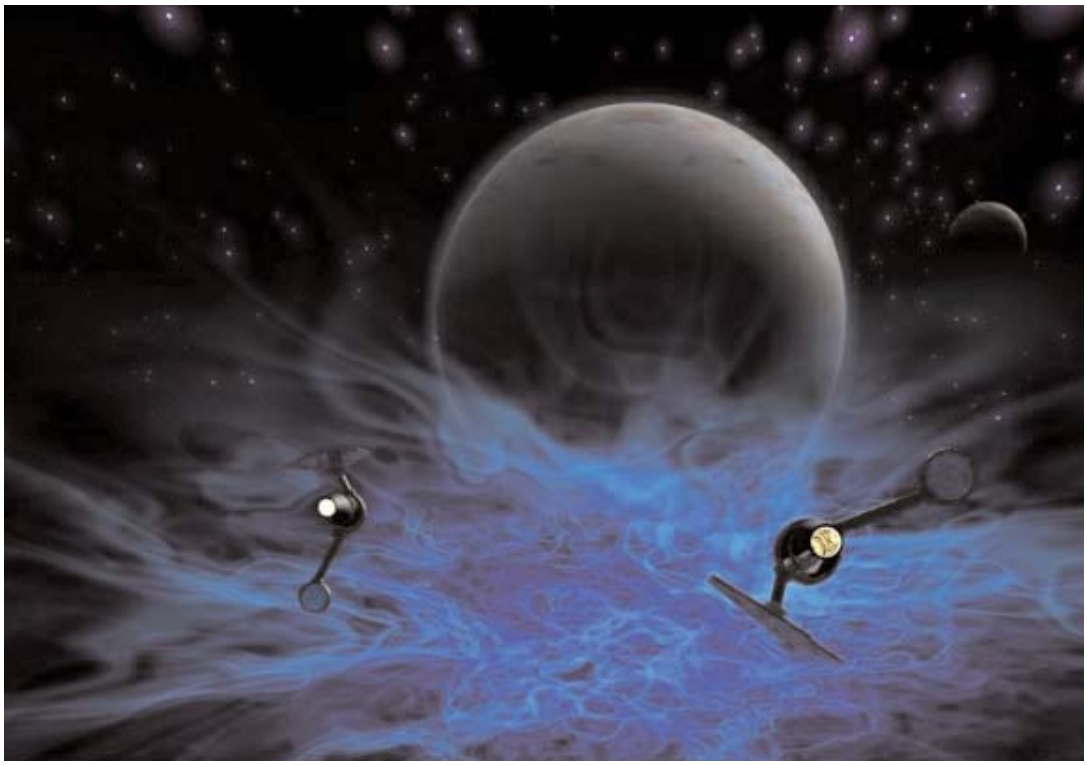
Вач: Как вы стали художником?

Клэй: Я всегда был им — еще с детства. Но я нашел свою манеру и развивать особые умения, когда поступил в художественный колледж.

Вач: Как вы можете описать свое творчество?

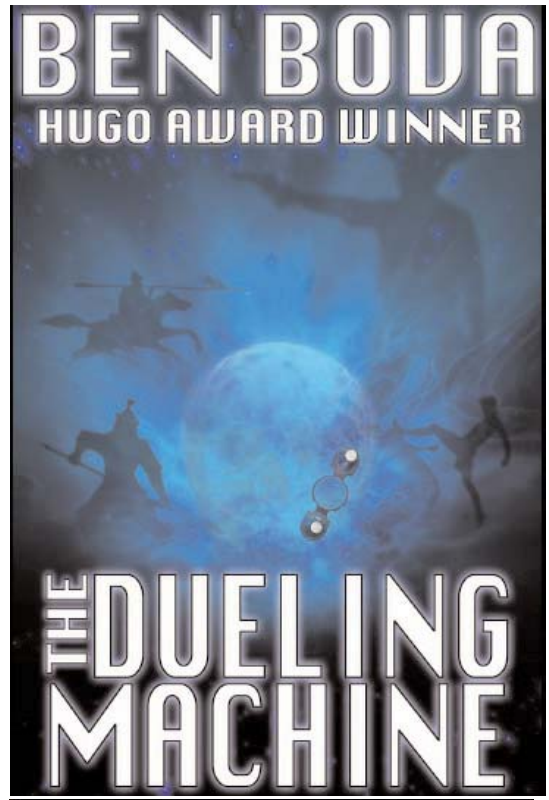
Клэй: Наверное, как реалистичное фэнтези. Я рисую картины, возникающие в моем уме, а затем подгоняю их под проекты, над которыми работаю. Иногда получается нечто реалистичное, но с ароматом фэнтези.

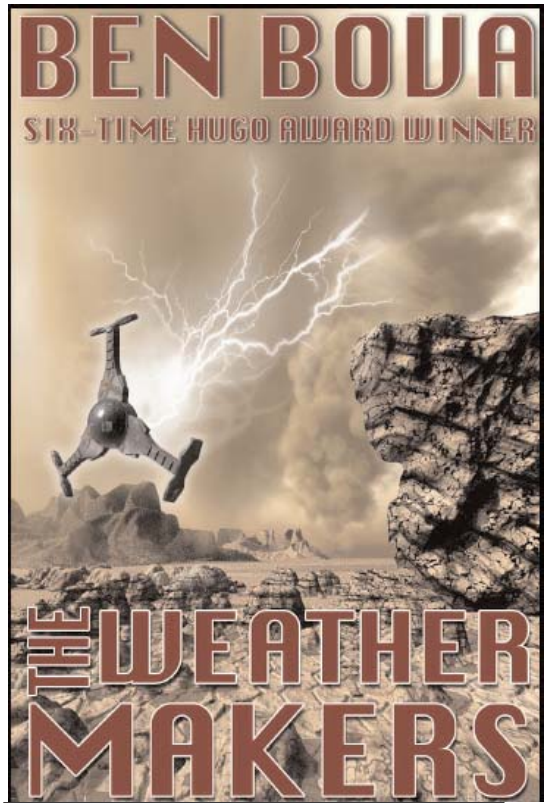
Вач: Где вы черпаете свое вдохновение?

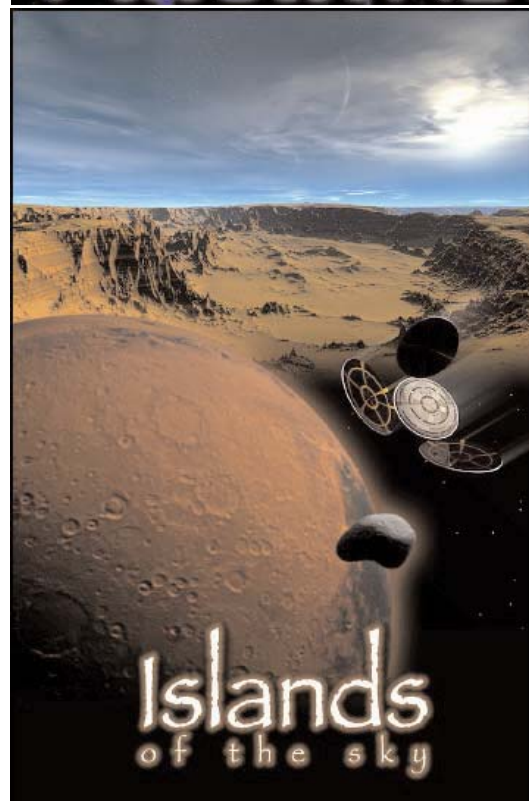


Клей Хэджбаш. Обложки к произведениям лауреата премий «Хьюго» Бена Бова

BEN BOVA
"...An entertaining book you won't be able to put down"
– Goodreads.com
THE EXILES TRILOGY


BEN BOVA
HUGO AWARD WINNER
THE DUELING MACHINE


BEN BOVA
SIX-TIME HUGO AWARD WINNER
THE WEATHER MAKERS


Islands
of the sky

Клэй: Из всего, что окружает меня. Фактически, это вдохновение никогда не проходит.

Вач: Какие ваши произведения нравятся вам больше всего?

Клэй: Пара вещей, которые я нарисовал, посмотрев первый эпизод Звездных войн. Еще панорама для фильма «Проект Шанхара». И еще спасательное судно «Монтего», которое производит заправку и чинится для дальнейшего путешествия.

Вач: Что влияет на ваше творчество?

Клэй: Все влияет. Другие художники, природа. Все на свете.

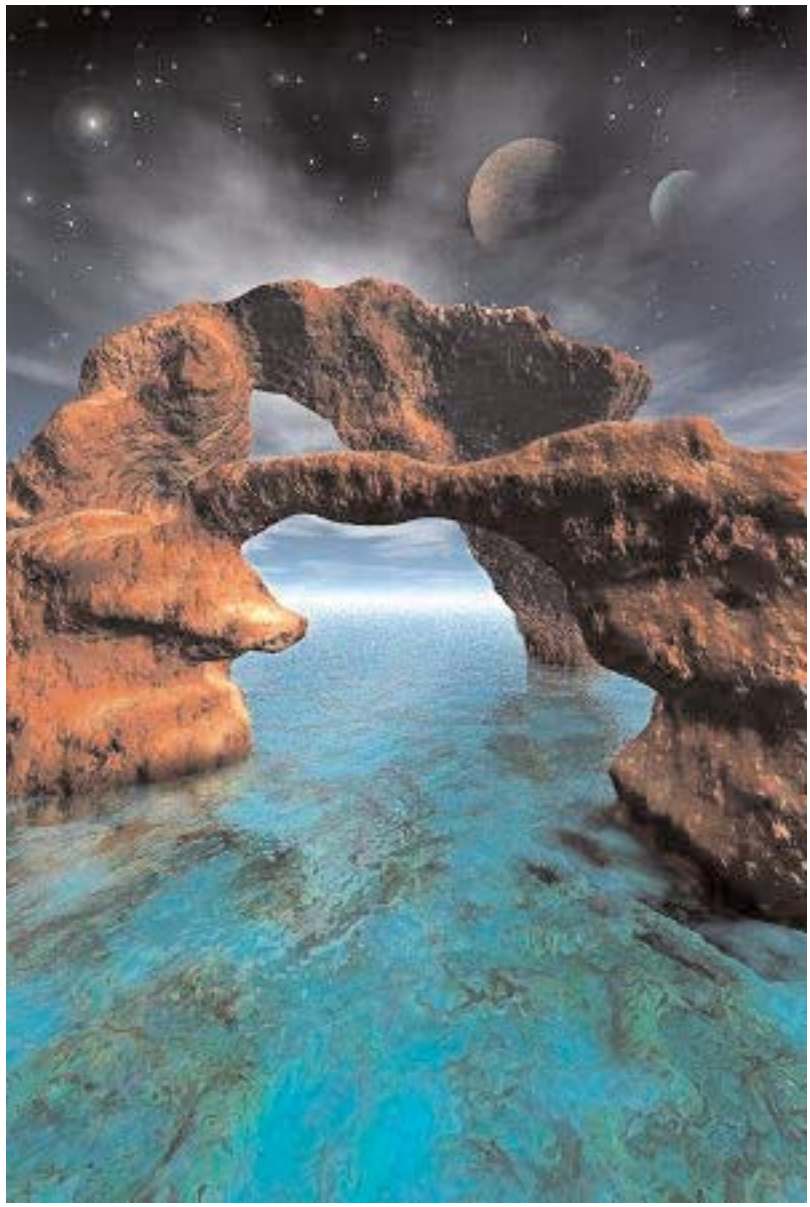
Вач: Что стало величайшим успехом в вашей карьере?

Клэй: Моя корпоративная работа. Там я раскрылся как аниматор и дизайнер крупных проектов.

Вач: Какие изменения вы видите в жанре научной фантастики и фэнтези?

Клэй: Сейчас эти жанры очень популярны в киноиндустрии. Технологии становятся более продвинутыми, и это позволяет создавать потрясающие миры в компьютерных играх и в фильмах. Возможности бесконечны. Кроме того, эти жанры раскрывают таланты художников и артистов. Там можно воплощать свои фантазии, мечты и все лучшее, то у вас имеет.

На стр. 52—53 живопись Клея Хэджбаша



ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Мы, люди, — создания на редкость нелюбознательные,
оставляющие без внимания то великое множество маленьких,
повседневных чудес, с которыми сталкиваемся
чуть ли не на каждом шагу, считая их недостойными серьезного
и обстоятельного изучения.
Взять хотя бы сон…

Г. Майринк «Магия в глубоком сне»

Графика Maraschi

Все, наверное, хоть однажды слышали о ведьмином празднике. Когда в ночь с 30 апреля на 1 мая на Лысой горе собираются ведьмы и справляют Шабаш. Происходит это накануне дня святой Вальпургии, которую принято поминать 1 мая. Но при чем здесь святая Вальпургия и ведьмы?

Вальпургию канонизировали лишь спустя сто лет после смерти. Все решил вполне случайный момент. Она была погребена на территории монастыря, который и основала, приехав из Англии в Германию. Но при проведении ремонтных работ ее могилу потревожили, и в ту же ночь она явилась во сне настоятелю монастыря, чем перепугала его до смерти. Спустя какое-то время, а именно 1 мая, ее останки перевезли в Айштадт и захоронили в одной из пустот в скале. После чего, из скалы стало сочиться целебное масло, лечившее многие болезни. Вальпургию канонизировали, а день 1 мая стал считаться ее днем.

Также как и Вальпургия, ведьмы, способны во сне посещать нас. Как странно это не звучит, но свой Шабаш настоящие ведьмы справляют в сновидении. Для осознанного внедрения в сон, некоторые из ведьм, используют специальные настойки и мази. В их состав входят различные наркотические, галлюциногенные вещества.

Вот один из традиционных английских рецептов мази:

— 3 грамма аннамтола;

— 30 граммов бетеля;

— 50 граммов экстракта опия;

— 6 граммов лапчатки ползучей;

— 15 граммов белены;

— 15 граммов белладонны;

— 15 граммов болиголова крапчатого;

— 250 граммов конопли;

— 5 граммов катаридина.

В эту смесь добавляли масло и натирали тело. Некоторые рецепты были совсем простые, из двух-трех наркотических ингредиентов. Такую мазь ведьмы втирали во влагалище. Через слизистую, яд, мгновенно проникал в кровь. Для нанесения, иногда, использовалось древко метлы, которое одновременно служило транспортным средством для астральных перемещений. Стоило ведьме натереть древко мазью, и улечься в постель, обхватив метлу ногами, галлюциногенная сила, уносила ее на Шабаш.

Михаэль Хеер. Шабаш на Лысой горе в Вальпургиеву ночь.
Гравюра. 1626 г.

ГВОЗДЬ НОМЕРА

Мишель Жери

ЖЕЛТАЯ ПЫЛЬ ВРЕМЕНИ

Перевод Игоря Найденкова

— Все в порядке, — ответил Жак на вопрос Джона Дикинжера. — Во всяком случае, настолько, насколько это возможно. Но вообще-то я испытываю замешательство.

Дикинжер рассмеялся.

— Еще бы, ведь мы живем во время всеобщего замешательства.

— Время — это забавная штука.

— Жизнь тоже.

— И человек...

— А также слоны, боги, лебеди и мудрецы!

— В общем, я сейчас крайне растерян.

— Тебе стоило бы растеряться поменьше.

И Дикинжер хлопнул свободной рукой — в другой он наверняка держал трубку — по столу, по стене или по любой другой гладкой поверхности рядом с ним там, откуда он звонил. Это был странный звук, далекий и одновременно громкий: сигнал, призыв или Бог знает, что еще.

Как могут звучать аплодисменты, если аплодировать одной рукой, спросил однажды Свами*. Может быть, это будет напоминать звук пощечины? Или шум, создаваемый уходящим временем? Оттуда, где сейчас находился Дикинжер, слышалась приторно-сладкая музыка. И «Песня Кали»:

— Слушайте Аллаха, Шиву, Кришну. Слушайте Браму, слушайте Будду...

У англичанина был звонкий сильный голос, всегда заглушавший окружающий шум, в том числе и шум уходящего времени. Голос проповедника или пророка.

— Надеюсь, мы сможем встретиться на будущей неделе, — продолжал Джон. Песня Кали затихла вдали. «Слушайте богов...» — Да, на будущей неделе или в начале следующей. Где-то между вторым и пятым июля. Тебя устроит? Я хочу тебе кое-что объяснить.

— Я как раз собирался попросить тебя...

— Конечно, конечно, но только при встрече. Есть вещи, которые нельзя доверять не только письму, но даже телефону.

— Тогда ты уже сказал больше, чем стоило сказать.

Жак попятился к надувному креслу и рухнул в него, прижимая трубку к уху. Ослабленный слух сильно мешал ему при телефонных разговорах и давно укрепил ощущение жизни в бессмысленном мире.

— Слушай, Джон, ты сейчас в отпуске или в командировке?

Свами *(санскр.)* — почётный титул в индуизме. Обращение используется как к мужчинам, так и к женщинам. Происходит из санскрита и означает «владеющий собой», или «свободный от чувств». Обращением подчёркивается мастерство йога, посвящение себя Богу или духовному наставнику (гуру).

— Ну, что-то среднее между тем и другим, — проворчал Дикинжер. — Скажем, я работаю сверхурочно и бесплатно. Ладно, я все объясню при встрече... А ты знаешь, что меня направили на несколько месяцев в Бомбейский университет?

— Да, знаю. Ты же писал мне об этом.

— В общем, я был рад снова увидеть море. Дели расположен почти у самого подножья Гималаев, а мне нравится климат Бомбея осенью. Жаль только, что университет находится слишком близко от Сашивалайи.

— Слишком близко от чего? — переспросил Жан. Он знал, о чем идет речь, и прекрасно расслышал название. Но он часто притворялся более простоватым, чем был на самом деле, хотя и презирал черты мягкотелости и неуверенности в своем характере.

— От Сашивалайи. В этом слове нет ничего мистического. Это резиденция правительства страны. Конечно, у этих парней хватает своих проблем. И они воспользовались этим, чтобы сцапать меня, рассчитывая на мою помощь. Надеюсь, тебя это не слишком удивляет? Ты же знаешь, насколько усложнилась сейчас ситуация в Индии и в Бангладеш. Такое, впрочем, бывало и раньше. В общем, я согласился. Теперь мне нужно многое найти в Европе для этих типов из Бомбея и для министерства сельского хозяйства в Дели. Поэтому я и звоню тебе сейчас из Руасси. Я улетаю немедленно... Или почти немедленно. Но в конце будущей недели, скажем, числа двадцать третьего, самое позднее двадцать четвертого...

— Двадцать третьего или двадцать четвертого ...

— Нет, погоди... Я тут запутался в календаре. Чертова штука! Сейчас я подсчитаю; так, это будет числа четвертого или пятого, если ничего не случится. Мы сможем подвести итоги. Если, конечно, ничего не случится!

* * *

Жак Мариан познакомился с Джоном Дикинжером в Женеве, на конференции по азотистому питанию и недостатку белков в рационе населения развивающихся стран. Тогда он работал в лаборатории Лорана Дювернуа, в которой были получены два препарата, предназначенных для предупреждения дефицита необходимых аминокислот в пище и для компенсации последствий этого дефицита. Это были трилифен и Д-аминогель. Лаборатория продолжала и дальше работать в этом направлении. Как и несколько десятков других фирм, их фирма тоже получила приглашение. Но патрон и руководство компании не захотели терять время из-за незначительного сборища, малоинтересного в коммерческом отношении. Тем более, что фирму Лорана Дювернуа вот-вот должна была поглотить компания Клинтона, и это уже стало известно в высших сферах бизнеса. «Это, конечно, не более чем фольклор, — решительно заявил месье Дювернуа, — но мы все же должны там присутствовать. Вопрос престижа...» Короче, поскольку пребывание в Женеве в начале весны, когда уже нет снега, ничуть не прельщало его руководителей, был выбран Жак, тем более, что он мог объясняться на английском, немецком и итальянском немного лучше, чем другие находившиеся под рукой сотрудники фирмы. Кроме того, он спокойно воспринимал самые неприятные обязанности — то ли считая их за развлечение, то ли просто из безразличия.

Он отправился в Женеву, где принял участие в занудных разглагольствованиях, время от времени вставляя пару-другую фраз, но, разумеется, не смог привлечь внимание голодающего мира к своему Д-аминогелю. Впрочем, за одним исключением. Молодая женщина, доктор наук из Индии по имени Дурга Уджайн, попросила у него образцы для исследования. Ее сопровождал мужчина лет тридцати — ему на самом деле было почти тридцать пять — всегда в джутовых джинсах, высокий, худощавый, с длинными вьющимися светлыми волосами, бородкой, как у Свами, и голубыми глазами, взгляд которых было невозможно выдержать. Очевидно, он выполнял обязанности гида и переводчика. Мужчина представился на великолепном французском: «Джон Дикинжер, научный консультант по вопросам общественного здоровья и сель-

ского хозяйства при правительстве Индии. Передайте нам, по возможности срочно, образцы и не беспокойтесь об их пересылке. Я сам приеду за ними в Париж. Разумеется, нам придется заказать спецрейс».

Позже Жак узнал, что Джон Дикинжер был сыном мелкого чиновника из Калькутты и медсестры-француженки из Чандернагора. Родившись в Индии, он после смерти отца и возвращения матери на родину проучился несколько лет сначала во Франции, затем в США и Англии. Став доктором наук и получив место преподавателя в одном из крупнейших университетов США, он вскоре вернулся в Индию, чтобы служить обожаемой родине и правительству Нью-Дели. Это было незадолго до войны с Бангладеш. Во время войны Дикинжер сыграл определенную роль в налаживании отношений между воюющими сторонами. Потом, после взрыва первой индийской атомной бомбы, он прервал все контакты с правительством, но смог продержаться только один год в тени, в стороне от научных исследований и государственных дел. Затем… Затем начинается тайна.

На этой пресловутой конференции в марте 1977 года Дурга Уджайн прочитала длинный доклад о ситуации с продовольствием и санитарными условиями во всей южной Азии. В своем выступлении она использовала почти марксистскую терминологию, впрочем, значительно устаревшую, сочетавшуюся с туманной философией, изначально отрицавшей любую возможность прогресса и скрывавшей за словами, словно за дымовой завесой, пугающие привилегии правящей верхушки. Без каких-либо ораторских ухищрений она превозносила ядерную политику своего правительства. Наградой ей были аплодисменты, скорее всего, не столько за содержание доклада, сколько за трагическую красоту ее смуглого лица.

Дикинжер был почти столь же агрессивен во время доклада, но казался гораздо менее уверенным в себе и выглядел так, словно разрывался между противоречивыми привязанностями. Вероятно, он чувствовал себя виноватым из-за того, что восхищался не только современной Индией, но и страной древних традиций, страной Упанишад и Бхагават-Гиты. Он постарался закончить свой доклад, впрочем, более или менее объективный, весьма хлесткой формулировкой. Забавно, но содержание доклада быстро забылось, и только эта формулировка до сих пор сохранялась в памяти. Он сказал: «Есть люди, которые осуждают мудрость во имя синтеза протеинов. Но они не в состоянии отличить мудреца от кучи протеинов!»

Позднее он сообщил Жаку усталым тоном, окидывая при этом рассеянным взглядом толпившихся поблизости толстяков: «В конце концов, человек — это всего лишь масса протеинов. И на Западе это всегда довольно большая масса!»

Последовавшая за первой встречей с Дикинжером и Дургой Уджайн ночь оказалась для Жака заполненной кошмарами. Во сне он слышал голоса умирающих от голода: «Протеинов, ради бога, дайте хоть немного протеинов!» Потом он бежал куда-то по пустыне, взвалив на спину груз Д-аминогеля, но ему попадались только высохшие трупы…

На следующий день Жак нанес визит своим новым знакомым. В холле отеля он увидел огромный чемодан, подготовленный к отправке. На наклейке он прочитал провоцирующий, врезавшийся в память адрес Дурги:

«Д-р Уджайн — Cholera Hospital Road — Parsi…»

Он почувствовал себя ничтожным, жалким. Господи, и что я здесь делаю? Вечный вопрос, не имеющий ответа…

Молодая женщина тут же принялась с жаром рассказывать Жаку о своей работе, но из всего сказанного он понял не больше половины, будучи завороженным ее хрипловатым музыкальным голосом.

На следующий вечер он с удивлением увидел на пороге своего номера Джона в джинсовом костюме с небольшой собачкой по кличке Атар на поводке, и Дургу в строгом сером костюме; несмотря на макияж, выполненный с восточным вкусом, она выглядела уставшей, с кругами под глазами, словно заранее надевшей траур по своему народу.

На этот раз слово взял со своей обычной уверенностью Дикинжер, попеременно коварный, страстный, категоричный и разочарованный. По его словам, ему было 33 года, но он выглядел гораздо моложе. Он утверждал, что вскоре завершит один грандиозный проект, который, если верить ему, полностью занимал его ум: он должен был спасти Индию от голода, сохранив при этом ее духовность. В качестве отдыха от работы он напивался по меньшей мере три раза в неделю, поглощая без разбора виски, коньяк, водку и араку, пытаясь забыть свои поражения и надеясь увидеть иные сны.

Жак давно интересовался Индией и индуизмом. Он думал — хотя и не был полностью убежден в этом — что восточная философия, а именно дзен, йога и прочее в том же духе все еще были способны излечить Запад от болезненной дряхлости, симптомы которой с каждым годом становились все очевиднее. Он помнил имена некоторых широко известных свами — Рамакришны, Кришнамурти, Бхагават Даса, Шри Ауробиндо, Вивекананды и многих других, не столь популярных. Конечно, он довольно приблизительно был знаком с взглядами мудрецов и часто путал их. Он никогда не посещал собрания ориенталистских и спиритических обществ, среди членов которых, по его мнению, можно было встретить не менее двух дюжин чудаков, кандидатов в змеиный ров и адептов общества «Миллениум Пилигрим». Однако некоторые специалисты с успехом восприняли духовный опыт и доктрины Востока и смогли извлечь из них немало полезного. По крайней мере, таким было распространенное мнение. Джон Дикинжер как раз и относился к числу подобных специалистов.

Дикинжер быстро уловил, что Жак с большим трудом мог участвовать в разговоре на английском, тем более, что речь шла об очень сложных проблемах, и он перешел на французский. Теперь перестала понимать, о чем идет речь, Дурга. Сначала она продолжала мужественно вслушиваться в незнакомую речь, но быстро отчаялась и ее большие черные глаза наполнились слезами. Через некоторое время она успокоилась, ее голова поникла, и она мирно задремала в кресле.

— Ее можно понять, — сказал Джон. — У себя дома эта девушка работает по 15 часов в сутки. Она утомлена путешествием, и, кроме того, слишком серьезно относится к этому конгрессу. По ночам она что-то пишет. Более того, должен признать, что я веду себя с ней, как последний негодяй. Я о том, что вместо сна она вынуждена заниматься со мной любовью … И если бы только это!

Через некоторое время они перенесли Дургу на постель и освободили от верхней одежды, постаравшись не разбудить. Затем они просидели до зари, разговаривая шепотом и поглощая при этом кофе и виски в чудовищных количествах. Практически весь разговор сводился к монологу Джона Дикинжера. Атар, запертый в ванной, непрерывно скулил, протестуя против подобного обращения. Жак слушал Дикинжера невнимательно, отчаянно сражаясь со сном. Тем не менее, некоторые формулировки, достаточно общеизвестные, но весьма эффектно изложенные, остались у него в памяти.

— Наши соотечественники чаще, чем когда-либо, оказываются в атмосфере страха и разочарования. Чем больше они набивают свое брюхо мясом, алкоголем и наркотиками всех видов, тем сильнее они ощущают разочарование, блуждая среди своих призрачных сокровищ. Западный человек мгновенно переходит от усталости к скуке, от детства к дряхлости, от апатии к истерии. Его развлечения — это потерянное время. Он живет и работает исключительно ради вещей. Он постоянно страдает от неудовлетворенного желания приобрести что-нибудь, от самого пустого и самого разрушительного желания. И это желание, эта страсть превращают его жизнь в сущий ад. Разумеется, имеются психотропы, транквилизаторы, нейролептики и прочие химикаты, способные превратить серый ад в ватный туман, в рай дегенеративного шелковичного червя. Червя, закупоренного в своем коконе, непрерывно ткущего жалкую нить, способную порваться при малейшем воздействии. Таков современный человек, Прометей нашего времени.

В 1977 году эти мысли не отличались оригинальностью. Миллионы людей с большей или меньшей убежденностью верили, что наука, психология и промышленность не принесли чело-

веку Запада счастья, как, впрочем, и всему остальному миру. И многие из этих миллионов думали, что научная, психологическая и индустриальная цивилизация оказалась полным провалом — или, в лучшем случае, частичной неудачей. Осознание этой неудачи — ладно, частичной — поддерживало и питало латентный бунт некоторых молодежных группировок. Жаку довелось прочитать сотни статей и десятки книг, в которых эта тема развивалась с сочувствием, возмущением или отчаянием. Но, боже, как выйти из порочного круга? Сам Дикинжер — Жак быстро понял это — все еще чувствовал себя уверенно в салонах и лабораториях, этих двух противоположных и взаимодополняющих полюсах цивилизованного общества. Тем не менее, он стал ярым последователем великих индийских йогов. Он был ближе к Янусу, чем к Шри Ауробиндо, и ему не удавалось примирить две стороны своей личности и своей идеологии. Он мечтал, наряду со многими другими вещами, о синтезе христианства и индуизма на манер Генона , и он, конечно, знал, что Генон*, в конце концов, выбрал ислам с небольшой примесью социализма и приличной добавкой сексуальной свободы. Он яростно защищал традиционные мысли и образ жизни Востока, который он стремился изменить как можно скорее. Таким образом, он оказался в западне. Впрочем, мы все, так или иначе, находимся в западне.

На протяжении целой недели Жак размышлял, не был ли он сам героем вроде Прометея. На первый взгляд, не был. Но он смутно ощущал, что находится под чьим-то пристальным тайным наблюдением. Может быть, он, как и все остальные, предал кого-нибудь или что-нибудь? Несомненно, он был жалким существом и даже негодяем. Как все остальные. Поэтому он, человек последней четверти века, ощущал себя солидарным с жалким шелковичным червяком.

* * *

Аппарат донес до Жака тревожный вздох.

— Ты не думаешь, что линия прослушивается?

— Ну, говорят что «Бодиак» постоянно прослушивает от 10 до 12 тысяч телефонных номеров с помощью своего компьютера-шпиона. Но полагаю, что я не настолько значительная персона, чтобы попасть в этот список.

— Кто знает? Они наверняка осведомлены, что у тебя есть какие-то дела со мной... Да, но мой самолет взлетает через 10 минут, если не ошибаюсь. Пора заканчивать. Послушай, Жак...

— Что, Джон?

Молчание продолжалось несколько секунд — одну, две, пять, десять... Казалось, оно длится невероятно долго.

— Я вернусь в Париж 3 или 4 июля, — заговорил, наконец, Дикинжер озабоченным тоном, словно он что-то подсчитывал в уме во время разговора. — Я позвоню тебе в это же время, что и сегодня. Нет, конечно, я не думаю, что за мной следят. Да это не так уж и важно... Происходит нечто... О, я думаю, что ты мне не поверишь, Жак! Жак, ты меня слышишь?

— Конечно, слышу, Джон. Что это ты...

Жак не закончил фразу. Дыхание Дикинжера, отчетливо слышное в трубке, стало прерывистым и свистящим.

— Джон, что-то не в порядке?

Рене Генон (Rene Guenon) (1886—1951) — французский философ, остающийся влиятельной фигурой в области метафизики и традиционалистики. Автор трудов, тематика которых варьируется от метафизики и исследований традиции[1] до символизма и инициации.В своих трудах он предлагает либо «представлять непосредственно некоторые аспекты метафизических доктрин Востока», либо «адаптировать эти доктрины для западных читателей [3] самым разумным и выигрышным образом, всегда строго придерживаясь их духа».[2] Такие доктрины определены Геноном как «универсальный символ». Его работы, написанные и впервые опубликованные на французском, были переведены более чем на двадцать языков. *(Материал сноски взят из Википедии).*

— Жак, этот желтый порошок, что я тебе дал, он еще у тебя? Пробирка, закрытая пробкой. Ты…

— Ну, конечно, она у меня.

Жак пошевелился, устраиваясь в кресле поудобнее, но у него ничего не получалось. Забудь про комфорт, Жак Мариан.

— Несмотря на соблазн попробовать, я к нему не прикасался.

— Хорошо, очень хорошо, — сказал Джон. — Сколько сейчас на твоих часах?

— Хочешь знать, какой сейчас у нас час?

Жак засмеялся нервным смехом; его тело сотрясала сильная дрожь.

— Что тут смешного? — поинтересовался Джон. — Кстати, ты все еще пользуешься своим чемоданом из свиной кожи?

— Да, конечно. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Разве свинья не считается в Индии священным животным?

— Что касается меня, то я знаю только одно священное животное.

— Это корова?

— Нет. Это человек.

— А, конечно. Но бомба?

— Что бомба?

— Да. У вас есть водородная бомба, и есть цели.

— Причем тут бомба!

— Послушай, Джон…

— Жак, на моих часах сейчас ровно 22 часа 30 минут.

— Да, правильно. Только у меня 32 минуты. Похоже, мои часы немного спешат.

— Это важно?

— Господи, я надеюсь, что нас не прослушивают!

* * *

Передавая ему пресловутую пробирку во время одной из встреч — она состоялась немного менее года назад — Джон Дикинжер сказал: «Понимаешь, я считаю, что должен передать тебе свой образец за те образцы, что получил от тебя в марте семьдесят седьмого. Вот он. Конечно, ты сильно проиграл в весе».

— И что это такое?

— Это вещество получено в нашей секретной лаборатории в … Если я назову его кодовое название «Шива», это тебя устроит?

— Но что это за …

— Это желтая пыль времени! Использовать с осторожностью. Она еще не окончательно доведена. И не имеет отношения к кодовому названию «Диана». (Может быть, это была «Дхиана» или что-то созвучное.) Эффект порошка не гарантирован при малых дозах. До дюжины крупинок он действует как слабый галлюциноген с небольшим смещением во времени. Со-

вершенно безопасен. И гораздо лучше любого транквилизатора. Против него не устоят никакие страхи... Даже те, что мотивированы реальными причинами. Своего рода йога в пилюлях. Вернее, в порошке. Пилюли, возможно, тоже скоро появятся. А теперь слушай, что я тебе скажу, и никому этого не передавай. Возможно, когда-нибудь этот порошок станет оружием... оружием, по сравнению с которым водородная бомба окажется подмоченной петардой. В то же время, это будет лекарство и рабочий инструмент... Короче говоря, это могущество в чистом виде. Это открытие позволит Индии выйти на первое место в мире!

Конечно, Дикинжер был пьян. По его словам, алкоголь оставался единственным эффективным средством против его личных тревог. Поэтому он почти никогда не был трезвым. Но желтый порошок? Он испытал его. И он действительно не имел ничего общего с подмоченной петардой. По крайней мер, так он утверждал. Он мог заменить все остальное — в том числе, счастье, любовь, надежду — но не алкоголь со всеми его экзотическими разновидностями.

«Ты будешь одним из наших испытателей, — сказал он Жаку. — Очень немногие на Западе на сегодняшний день пробовали «Диану». Я тоже, но мой случай не относится к рядовым. Мне очень интересно, какое действие порошок окажет на тебя. Я прошу тебя записать, при каких обстоятельствах ты его будешь принимать, и сколько крупинок. Да, они микроскопические, но все же их можно сосчитать. И, разумеется, характер и продолжительность действия. В общем, все, что ты сочтешь важным. Этим ты окажешь нам большую помощь. Кроме того, я достаточно хорошо знаю тебя, и мне не нужно еще раз напоминать тебе о необходимости держать все в строжайшей тайне.

Строжайшая тайна! Смех, да и только!

Жак с улыбкой опустил пробирку в карман. Он не поверил и половине из того, что наплел ему Дикинжер. Пожалуй, даже четверти. Если желтый порошок действительно был открытием века, неужели отвечавший за все исследователь стал бы раздавать его своим друзьям? Но если Джон Дикинжер не был ответственным исследователем секретной лаборатории Брахмы, Шивы или какого-нибудь другого божества, то кем он тогда был? Безумцем, провокатором, гением, двойным агентом? А желтый порошок? Несколько песчинок, подобранных на пляже Хадалипуры?

В конце концов, Жак засунул пробирку в домашнюю аптечку и постарался забыть о ней.

Но он не смог забыть эту «Диану» или «Дхиану». Каждый раз, когда его одолевали страхи или охватывало отчаяние, а это происходило все чаще и чаще с тех пор, как он преодолел сорокалетний рубеж, он твердил, словно молитву: никакой опасности при дозе до дюжины крупинок. А если больше? Если желтый порошок был способен убивать, то его стоило попробовать. Прекрасная судьба: умер, проглотив пилюлю йоги! Йога в порошке тоже годилась. Какой-то кретин сказал когда-то: умереть — это значит умереть... 12 крупинок, 20 или 30? Или разом все, что есть в пробирке? Однажды вечером, когда одиночество показалось ему слишком тягостным, он высыпал содержимое пробирки на лабораторный стол, покрытый керамической плиткой. Он плохо различал крупинки на светлом фоне, и переместил их на черный квадрат. Потом он стал считать. Первый раз их оказалось 101. Он решил, что ошибся, потому что в дозе должно быть ровно 100. Пересчитав крупинки еще раз, он получил 102. Как же, доза в 100 зерен... В раздражении, он взял две лишних крупинки и положил на язык. После непродолжительного колебания он проглотил их. До 12 зерен никакой опасности... Вот и скажи, можно ли доверять таким типам? Подмоченная петарда, ха-ха! Секретная лаборатория Шивы, в задницу их, в задницу! Самая могущественная страна в мире напичкана препаратами, их парни мрут, словно мухи, это все равно, что водородная бомба, и они верят во все такое... Две крупинки — это сойдет за испытание? Нет, две — это слишком мало, это не считается. Прежде всего, этот порошок — это ноль. Пыль в глаза, да и только, вот что это такое, ха-ха! Пустое место. Пытаясь высыпать порошок назад в пробирку — чертова Диана, ха-ха! — он уронил добрый десяток крупинок на ковер и даже не попытался найти их. Не имеет значения. Более чем пустое место.

Он проделал четыре или пять кругов по комнате. Четыре или пять кругов... или 10... или 20... Я законченный негодяй и полное ничтожество. Средний европеец. В свои 40 лет я уже пропащий тип. Жалкий червяк. Господи, а ведь когда-то мне было 10 лет!

* * *

...Ему было 10 лет. Он забыл, кем он станет, забыл, что считал себя ничтожеством и негодяем. Он вышел из комнаты, ничего не сказав приятелям. Остальные присоединились к нему на площади перед романским собором. Велосипеды стояли у стены. По фронтону над ними расползался старый плющ, образуя рисунок, похожий на распятого осьминога. Висевшее высоко в небе августовское солнце поливало землю жгучими лучами. Мозаики теней шевелились на горячих дорожках дома священника.

Жак вскочил в седло велосипеда последним, но через несколько секунд возглавил группу, оторвавшись от приятелей на несколько метров. Он внимательно всматривался в местность по обеим сторонам дороги. Ведь он — тайный галактический агент; ему поручено не позволить бжорнам, урксам и рзюкам проникнуть в звездное скопление, принадлежавшее земной федерации. Кроме того, он должен следить, чтобы в его секторе соблюдались правила общения с негуманоидными обитателями. Ему можно было доверять! Пока он находится на посту, здесь, в системе Ашемар, инопланетяне не пройдут.

Время от времени он внимательно прислушивался. Если он услышит, как какое-нибудь животное скулит под ударами, или жалуется на голод и жажду, он... он тут же поднимет тревогу на командном пункте Веги. Потом, конечно, придется ждать распоряжений. А если распоряжения не поступят? Нет, нет, они всегда поступают своевременно. Без них жизнь была бы невозможна, невозможна... Конечно, все знают случай с котом Грегориусом, очень сложный случай. Животное скрывалось на мусорной свалке, и зловредные бжорны могли напасть на него до вмешательства галактических агентов. В этой ситуации нужно было отправить послание по гиперсвязи. Высший приоритет. Вега обязательно должна была найти решение.

* * *

Жак пометил в записной книжке, что эффект «Дианы» (или «Дхианы») после приема двух крупинок слабый; продолжительность галлюцинаций (слабых) — час с четвертью. Исключительно четкие воспоминания детства. Я едва не подумал, что задремал, сидя в кресле, и увидел сон. Но я не спал. Я был там.

Благодаря всего лишь двум крупинкам? Назавтра Жак открыл блокнот с записями. Он решил, что был совершенно пьян, когда писал это. Он вырвал страничку и сжег ее в пепельнице. И он никогда не рассказывал Джону Дикинжеру о своем эксперименте. Вероятно, я стал слишком внушаем, вот и все, подумал он. И он по-прежнему не верил в существование секретных лабораторий. Шивы, Брамы или бог знает, кого еще. И не верил в эффект «Дианы». Если только это не была «Дхиана».

На вопрос Джона он ответил: «Несмотря на сильный соблазн проверить твой препарат, я никогда не прикасался к порошку».

Это была инстинктивная ложь. Вряд ли ему удалось объяснить, почему он так поступил.

* * *

— Жак?

— Да?

— Сейчас должно произойти нечто очень серьезное.

— Что именно?

— Думаю, сейчас я уже могу говорить.

— Почему?

— Потому что уже больше 22 часов 30 минут.

— Ладно, я слушаю.

— Ты должен принять желтый порошок.

— Желтый порошок? Что, всю дозу из пробирки?

— Да, так будет лучше. Надежнее. Я сам только что…

— Ты…

— Да.

— Но твой рейс?

— А, мой рейс… Теперь все рейсы…

— Со стаканом воды?

— Ты о чем?

— Я о порошке.

— Да, конечно. Со стаканом воды или спиртного. Вообще-то, лучше со спиртным. До 11 часов. Или немедленно. Не стоит слишком откладывать. Когда примешь порошок, ложись, словно ты собираешься уснуть. И ты уснешь. Ну, это будет что-то вроде сна…

— Но почему? Почему именно сейчас?

— Потому что… Не важно, слушают нас сейчас, или нет… Потому что атомная война… Всеобщая бойня начнется через несколько минут. И Париж будет разрушен, как и большинство крупных столиц. Желтый порошок — единственное средство, которое есть у нас, чтобы избежать гибели, немедленной, или в ближайшем будущем. И если мы не погибнем, Жак, то вспомни о страданиях, которые мы… Я… Прости, я немного устал. Эффект этого… Я назначаю тебе встречу на другой стороне.

— На другой стороне?

— На другой стороне времени.

— Джон, эта доза…

— Пока, Жак, — сказал Джон. — Помни, на другой стороне.

Послышался щелчок.

Время.

Жак попытался представить, что ждет его. Желтый порошок времени. Встреча на другой стороне? Джон или был пьян, или сошел с ума. Окончательно и бесповоротно! Но ему представлялась совершенно уникальная возможность. Возможность разом покончить со всем. Спасительная возможность. Умереть. Он был один. Но все же старался оправдать себя, заявить о своем протесте, о своих горестях.

Один.

В зеркале над раковиной умывальника он в тысячный раз всмотрелся в физиономию неудачника. Червяк, жалкий, мерзкий тип. Вялый, слишком большой рот, плохие зубы, мягкий

подбородок, бегающий взгляд. Эта одержимость зеркалом всегда мучила его, вплоть до ночных кошмаров. Это не я, нет, это не я! Бежать, сменить раз и навсегда эту жалкую шкуру!

Иногда меня тошнит от человечества, от его беспросветной глупости. Я хотел покончить с собой? Почему бы не сегодня вечером?

Но каким образом Джон Дикинжер узнал, что будет ядерная война? А, наверное, благодаря своему желтому порошку. Две крупинки отправили меня в прошлое. С большой или средней дозой тебя, возможно, перебросит в будущее. Да, что-то в этом роде: Джон испытал «Диану» и побывал в будущем. Теперь он знал.

Его охватило лихорадочное возбуждение. Можно поспорить, что Джон Дикинжер сказал ему правду. Что ж, сыграем в эту игру. Игру времени и надежды. Последние обрывки надежды…

Он разом проглотил содержимое пробирки и запил несколькими глотками виски. Во рту остался металлический привкус. Можно подумать, что он хлебнул расплавленного золота. Лихорадка, возбуждение… Я загнусь, но Земля тоже загнется вместе со мной!

Одиночество. Я хотел бы… Прежде, чем уйти… Я хотел бы… Поздно, приятель!

Он бросился на кровать. Разумеется, это глупая шутка. Но если позвонить… Скорая помощь, больница… Ты еще можешь выкарабкаться… Да, но зачем?

Зачем?

Как ты попал сюда, Жак Мариан? Ведь я помню времена, когда моя жизнь начиналась так удачно. Будущее виделось мне в радужных красках. Я помню… помню… И что из этого? Никакого значения. Жалкий червяк. Червяк с крылышками ядовитая муха попробовать загнуться. Ничего не понимаю. Метастазы… Когда мне было 10 лет… Командор Шторм вызывает машинный зал, используемый поколением негодяев…

…Крыша опустилась до уровня около полутора метров. Через щели между черепицами сквозил бледный рассеянный свет, искажавший звезды, к которым направлялся корабль. Командор Шторм вызывает… Дошел до ручки. Одиночество. Не быть пешкой в чужих играх. Станешь игроком в 40 лет и потеряешь место в жизни, бедняга, чертов игрок! Это всего лишь аспирин никакое не волшебное средство ты будешь… Резкая боль в позвоночнике, неудержимое желание лечь на жесткий пол, но ты же в своей постели, идиот, лежишь в постели лечь на пол где угодно лечь я прислоняюсь спиной к стене давлю изо всех сил спиной на стену, прижимаюсь к стене плечами и спиной изо всех сил пока не пройдет кризис и кошмарные псы с прозрачными телами плавают вокруг видны все органы и видно, как они работают… и большие яйца, обмотанные бинтами, и когда я разматываю бинты, они начинают кровоточить… гора Беллюн с пастушьей хижиной на самой вершине мы так долго поднимались в тени дубов, буков и елей… Он обнял ее обнаженный торс. Она никогда не надевала верхнюю половину пижамы, только короткую ночную рубашку и пижамные штаны. Теперь ночная рубашка лежала небольшой кучкой кружев на полу. Колючая терпкая жара августовской ночи. Пижама, сохранявшая нежную свежесть шелка; она использовала ее, чтобы разжечь страсть у Жака.

«Ты знаешь, я опять видел сон? Я нес яйцо размером в кастрюлю, обмотанное бинтами…То, что происходит с этим препаратом, не похоже на галлюцинации. Это скорее что-то вроде раздвоения личности, если не хуже. Я не мог поверить в это после первого раза».

«Ты часто принимаешь его?»

«Не часто, нет. Я немного опасаюсь его. Но он действует даже в очень небольших дозах. Если ты к нему привык, то он действует, даже если ты не принял ни крупинки. Вероятно, это что-то вроде импрегнации или последействия. Или что-то в этом роде».

«Эту вещь делают в лаборатории?»

«Думаю, ее делают в Индии под контролем федеральных структур. Не знаю, это или ста-

ринный рецепт, или современное открытие… Или то и другое вместе. Некоторое его количество всегда циркулирует в непосредственном окружении президента. Пакетики, пробирки, дозы…»

« А формула? Ты знаешь формулу?»

«Я не химик».

«Но ты, конечно, предполагаешь, что этим основательно занимались?»

«Наверное. В этом желтом порошке нет ничего особенного. Обычный желтый порошок с довольно большими крупинками. И никто не понимает, почему он оказывает такое сильное, такое волнующее действие. Я никогда никому не предлагал повторить мой опыт…»

«Но ты хотел бы, чтобы я попробовала?»

«О, дорогая, не знаю. Я не решался даже заговорить с тобой об этом, я боялся, что ты будешь презирать меня. Я не хотел разрушить нашу дружбу. Ты такая юная, такая красивая, Анима, перед тобой открывается блестящая карьера. А я просто друг президента. Это и много, и мало… Подожди, я еще не все сказал. У меня было ощущение, что раньше мы уже были вместе с тобой, и что я почему-то потерял тебя. Теперь, благодаря порошку времени, это уже не ощущение, это уверенность. Когда ты рассказывала, что в 7 или 8 лет тебе хотелось оседлать большую белую птицу и улететь на ней в небо, то я улыбался, я это прекрасно помню, потому что почти такая же мечта всегда была и у меня. Нет, нет, не подумай, что у меня бред…»

«Я и не думаю, что ты бредишь, Жак. Мне кажется, ты рассказываешь мне об удивительных вещах… и я действительно увлечена этим… Тебя не назовешь красавцем, тебе много лет, но мне наплевать на это. Ты просто необыкновенный человек. Как я могу презирать тебя из-за этого желтого порошка или еще чего-нибудь? И, конечно, я сплю с тобой совсем не потому, что ты друг президента. Ты знаешь это. Я люблю тебя. Пожалуй, иногда ты немного пугаешь меня, но это ощущение нельзя назвать таким уж неприятным. К тому же, мне тоже кажется, что я знала тебя до нашей встречи. Может быть, мы встречались… в другом мире? Расскажи мне еще о порошке времени. Это что, галлюциноген?»

«Это даже не галлюциноген. Может быть, это пустяк, ерунда. Безобидное вещество. За исключением совсем небольшой примеси широко известных алкалоидов. Ничего другого. Но что из этого? Я ведь могу и ошибаться. Не знаю, имею ли я право подталкивать тебя, Анима, чтобы ты попробовала».

«Но почему?»

«Моя жизнь изменилась, и это произошло так странно, что я еще не все понял. Мне кажется, что до этого опыта я был обычным бедолагой. Но сейчас, возможно, я потерял последний шанс добиться успеха. Я имею в виду свою карьеру здесь. Вначале у меня была уверенность, что я сохраняю трезвость и ясность ума, если не считать этих «путешествий». Может быть, даже в большей степени, чем раньше. Теперь же я не уверен ни в чем. Подозреваю, что начинаю смешивать сны и действительность. Сны, или ту другую сторону действительности, ставшую доступной мне благодаря желтому порошку. Впрочем, не уверен, что благодаря именно ему…»

«Но, тогда, что происходит с тобой, если желтый порошок ни при чем?»

«Иногда у меня появляется ощущение, что есть очень простое объяснение, и я вот-вот найду его».

«Но ты его не находишь?»

«Думаю, в конце концов, я найду его».

«А что именно происходит во время твоих «путешествий»?»

«Мне кажется, я вспоминаю странные сцены, которые никогда не переживал. Словно это моя другая жизнь или еще что-нибудь, не знаю. Словно у меня возникают воспоминания о ка-

кой-то другой вселенной. И тогда я действительно становлюсь другим. Мои воспоминания относятся преимущественно к прошлому моего «второго я». Некоторые приходятся на период непосредственно перед его смертью. Потому что я знаю, что он мертв. В той вселенной три четверти человечества были уничтожены ядерной войной в конце XX века. Очевидно, я переживаю всего лишь кошмар — какую-то разновидность кошмара. Я встречаю в нем многое из того, чего желаю на самом деле, или же того, чего инстинктивно опасаюсь. И у меня всегда сохраняется ощущение полной реальности происходящего. Но я прекрасно понимаю, что мир, в котором война уничтожила человечество, это всего лишь ментальная проекция, порожденная моими суицидальными тенденциями. Ты не думаешь, что я сошел с ума?»

«Нет. Наоборот, мне все больше и больше хочется попробовать этот порошок, даже если все происходящее нельзя объяснить его действием».

«Хорошо, я дам тебе одну дозу. Мы примем порошок вместе. Ты необыкновенная женщина. Мне повезло, что я встретил тебя. Думаю, что большинство женщин — да и мужчин тоже — решило бы, что я вполне созрел для сумасшедшего дома. А ты слушаешь меня…»

«Но ведь ты друг президента. Это достаточно надежная рекомендация».

«Да, друг президента. Интересно, надолго ли? Когда он узнает, что я принимаю это снадобье…»

«А ты не думаешь, что он тоже…»

«Господи, надеюсь, что нет! Если президент земной конфедерации начнет путать сны и… Но дело не только в этом. Президент рано или поздно заметит, что я не соответствую уровню возложенной на меня ответственности. Я не отношусь к людям действия. Власть парализует меня. В той другой судьбе, той, которую открыл мне желтый порошок, я был всего лишь простым человеком в простом мире. Конечно, у меня были проблемы, но это были мои проблемы, которые я мог решить. Этот вариант кажется мне предпочтительным. Но у меня нет выбора. Впрочем, неважно. Однажды я оставлю президентский дворец и… Я очень устал. Ты должна помочь мне, Анима».

«Я помогу тебе, Жак, потому что я — это ты. Я — это ты, и ничто не сможет разделить нас».

«Я так благодарен тебе…»

* * *

Жак медленно затянул самозавязывающийся пояс своего роскошного халата из диапраля и так же медленно подошел к комсету, стоявшему у окна, выходящего на море. Как всегда, когда он просыпался после дозы — или нескольких доз — хронина, он был способен только на очень медленные движения. Казалось, какая-то мягкая теплая масса приклеивала его руки к телу, а ноги — к земле. Но его ум оставался трезвым, пожалуй, даже слишком трезвым.

Вызов в голубых и золотистых тонах. Цвета президента.

— Жак?

— Слушаю, Джон.

— Как дела?

— Хорошо. В общем, настолько хорошо, насколько это возможно. Но вообще-то я в замешательстве.

Дикинжер рассмеялся.

— Я всегда знал тебя в этом состоянии, старина. Но мне нужен ответ. И немедленно. Ты же знаешь.

— Джон, честно говоря, я сомневаюсь, буду ли я способен…

— Жак, если я предлагаю тебе этот пост, то это означает, что я считаю тебя идеально способным справиться с ним.

Жак провел ладонью по лбу, покрывшемуся капельками болезненного пота, несмотря на то, что в его спальне был кондиционер, как, впрочем, и в остальных помещениях дворца. Боже мой, значит, Джон не видит, что он болен, что он отравил себя? То, что происходит со мной, просто ужасно. Я настоящий нервный больной. Я загибаюсь от невроза. Я пичкаю себя хрономом, чтобы обладать во сне женщиной, которую не смог встретить в реальной жизни, чтобы обеспечить себе другую судьбу, не теперешнюю судьбу, жалкую и невзрачную; ведь я мог бы иметь все, что захочу, потому что я друг Джона Дикинжера. Я жалкий тип, я негодяй. А Джон предлагает мне должность государственного секретаря по ментальному здоровью! От этого можно просто свихнуться!

— Я же не врач, — сказал он с отчаянием.

— Руис Даймо тоже не был врачом. И, вообще, не может быть и речи, чтобы назначить на эту должность врача. Это политический пост, ты прекрасно знаешь это.

— Но я не политик.

— Ты мой друг. Это прекрасно характеризует тебя, как политика, и этого для меня достаточно.

Едва заметная напряженность промелькнула на худощавом лице президента. Благодаря короткой накидке, короткой стрижке и бронзовому цвету кожи Джон Дикинжер походил на не имеющего возраста свами. Жак подумал: йог у власти. В этом человеке ощущается непреклонная воля. Это сильная личность. Как он может считать меня своим другом? Меня, такого слабого, нерешительного? Почему он мой друг? Почему я? Кто я такой?

Но взгляд президента оставался ясным и теплым. На его лице сохранялось дружелюбное выражение.

Жак опустил глаза.

— Должен тебе признаться, Джон, я волнуюсь. Твое предложение одновременно переполняет гордостью и пугает меня. Ты можешь дать мне еще хотя бы час на размышление? Всего один час.

Черты лица президента смягчились. Его полные чувственные губы, заметно контрастировавшие с тонким жестким профилем, раздвинулись в едва ли не детской улыбке. В его голубых глазах засветилась нежность.

— Хорошо, Жак. Я прекрасно понимаю, какой это трудный выбор для тебя. Такие сомнения делают тебе честь. Но не стоит злоупотреблять ими, иначе они разрушат тебя морально. Ты знаешь, что я полностью доверяю тебе. И это навсегда. Позвони мне через час.

Связь прервалась.

Жак бросился на постель, сжимая в руке пакетик с хрономом. Последний пакетик. Такие сомнения делают тебе честь! Если бы ты знал, Джон, что я представляю собой на самом деле! Он подтянул к себе бар на колесиках, стоявший возле кровати. Он плеснул в стакан водки из Центральной Европы, самого крепкого напитка из имевшихся в его распоряжении. Высыпал хронин в заполненный до половины стакан. Шесть доз разом. Теперь не могло быть и речи, чтобы провести еще одну ночь с Анимой — он вытянул билет на перемену судьбы. Билет в одну сторону. По крайней мере, если то, что говорили о порошке, было правдой. Те, кто принимал разом больше четырех доз, никогда не возвращались, чтобы рассказать, что они увидели с другой стороны времени.

Неважно.

Он залпом выпил водку, в которой растворялись последние крупинки порошка.

«Командор Шторм вызывает машинное отделение!»

Жак, старина, ты должен выбраться отсюда!

Игра времени и надежды.

Если позвонить немедленно… скорая помощь… больница… У тебя есть шанс выкарабкаться.

Как ты попал сюда, Жак Мариан?

Он обнял ее обнаженное тело. «Я люблю тебя».

Сильная боль в позвоночнике. Неудержимое желание броситься на пол. Но ты же в своей постели, идиот.

Зазвонил телефон.

* * *

— Все в порядке, — ответил Жак. — Во всяком случае, настолько, насколько это возможно. Но вообще-то я в замешательстве.

Дикинжер рассмеялся.

— Еще бы, ведь мы живем во время всеобщего замешательства.

— Время — это забавная штука.

— Жизнь тоже.

— Кстати, о времени… Знаешь, я попробовал желтый порошок.

— Да?

— Да. И повторяю, что нахожусь в растерянности.

— Понимаю. Тебе стоило бы растеряться поменьше.

Дикинжер хлопнул ладонью по столу, по стене или по какой-нибудь другой ровной поверхности, находившейся возле него там, откуда он звонил — скорее всего, из телефонной кабины в аэропорту Руасси. Пронзительно нежная музыка звучала где-то поблизости от него. Но сильный звонкий голос Дикинжера легко подавлял окружающий шум.

— Надеюсь, мы сможем увидеться на следующей неделе, чтобы поговорить о твоем опыте. Нет, я… Нужно, чтобы… Я надеюсь, нас не прослушивают.

— Джон…

Жак попятился, нащупал позади себя надувное кресло и рухнул в него, прижимая к уху телефонную трубку.

— Джон, ты хотел…

— Мы должны подвести итог немедленно. Тем хуже, если линия на прослушке.

— Джон, что происходит?

— Сколько раз ты пробовал порошок?

— Один раз.

— Сколько крупинок?

— Шесть. Половину обычной дозы.

— Хорошо… Послушай, Жак…

— Да, Джон?

— Сейчас 22 часа 30 минут. Думаю, теперь я могу говорить.

— Слушаю тебя.

— Жак, ты веришь мне?

— Конечно, Джон.

— Полностью и во всем?

— Да.

— Тогда ты должен высыпать весь желтый порошок, что остался у тебя, в стакан виски и выпить это, не теряя ни минуты!

Иллюстрация Клея Хэджбаша

Грег Иган

ДЕМОН ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Перевод И. Васильева

Эй, вы, проявите же наконец сострадание! Придите и убейте меня! Вы можете разорвать мои связи с телом и наблюдать, как медленно сморщивается плоть. Или можете разрезать меня на мелкие кусочки и спустить в унитаз. Делайте, что хотите, мне все равно. Ну, давайте! Ведь вы постоянно ведете себя таким образом со своими еще не родившимися детьми и больными стариками-родителями. Так сделайте же это со мной! Я уверен, что вам понравится. Только не надо нервничать, друзья! Вас никогда ни в чем не заподозрят — я говорю на тот случай, если вас удерживает мысль об этом. Я буду молчать до конца, будь он быстрым или медленным. Давайте, давайте же! Ведь я полностью беззащитен. Поторопитесь! Не стоит смущаться. У вас есть право на убийство. Ведь именно вы создали меня, и вам хорошо известно, что вы можете действовать таким образом.

Кто я? Или что я такое? Что за создание способно нашептывать призывы к смерти, копошась в недрах вашего чистого и честного сознания? Я мог бы дать вам два десятка ответов, но подозреваю, что вам нужно нечто большее. Да, я скорее всего животное. Размером немного меньше, чем коробка с тортом — на данный момент. Но я постоянно расту. Сколько у меня лап? Две? Четыре? Может, шесть? Или восемь? Нет, у меня отсутствуют и лапы, и ноги. Нет у меня также морды, клыков и когтей. Вы можете не опасаться меня. Я создан из той субстанции, которая порождает мысли (как чистые, так и грязные) — что может быть более безопасным?

Но вернемся к практической стороне. Вам нужен мой адрес. Вы слышите меня, там, в последних рядах? Алло, Бразилия, вы улавливаете меня? В любом случае, я слышу вас всех, иногда даже отчетливее, чем свои собственные мысли, но я всего лишь ничтожное создание, наделенное необычной чувствительностью, а у вас так много необычных способностей. Вот, к примеру, способность к поэтическому творчеству:

О, эти цвета, — голубой, зеленый, коричневый ,-

Постепенно растворяющиеся в черном,

Подобно тому, как уходящий день уступает место вечеру.

Когда я, Господи, вижу эту величественную картину,

Будущее предстает передо мной апофеозом счастья.

Исключительно прилипчивый стишок, должен вам признаться. Не сомневаюсь, что в ближайшее время мы увидим перед космическим челноком очередь из нескольких десятков певцов, жаждущих записать свое исполнение на борту, особенно, после всех этих Ограниченных Изданий, продающихся по сто тысяч штука. Аллилуйя! Благодарю тебя, Господи!

Ах, да, мой адрес. Пишите: Сарри Хиллс, Сидней, Новый Южный Уэльс, Австралия. Вы не ошибетесь: территория вокруг здания — это единственное не заблеванное место на много ки-

---

Egan Greg «The Demon's Passage» in «Eidolon» #5, июль 1991 г., с.21-34.

лометров вокруг. И только благодаря тому, что команда из отдела нейрохимии совершила гениальное открытие, разработав новый токсин, селективно отпугивающий местных любителей надраться в любой день недели, включая выходные и праздничные дни. С хорошей рекламой этот препарат может принести приличную прибыль.

Но если у вас все же возникнут затруднения при поиске нужного адреса, то я советую вам обратить внимание на высокое белоснежное здание посреди территории, уютно засаженной кустарником и украшенной модернистскими скульптурами. Одна из них возвышается перед главным входом: это вертикально торчащий фаллос, который на половине своей высоты превращается или, скорее, «перерастает» в двойную спираль ДНК. Самые несдержанные на язык сотрудники разделились на две примерно равные части: одни из них говорят, что сей символ означает: «Да пошла эта молекулярная биология на ...». Другие же утверждают, что фигура скорее символизирует: «Трахала вас всех эта молекулярная биология».

Почти аналогичным образом разделились и воинствующие феминистки города. Одни из них видят в не очень приличном символе обнадеживающий намек на грядущую свободу женщин (пенис надстраивается технологией, которой могут овладеть женщины, чтобы использовать ее в своих целях); другие же видят в скульптуре олицетворение худших своих опасений: наука является продуктом не мозга, а мужских половых желез.

На галерее первого этажа находится множество лавочек и магазинов, распространяющихся также на нулевой и второй этажи; здесь же располагается несколько кинотеатров, супермаркет с биологически чистыми продуктами и круглосуточно открытая аптека. Все три уровня связывает в единое целое уникальная для южного полушария пара спиральных эскалаторов, обвивающихся вокруг подсвечиваемых лазерами пенных струй фонтана. К сожалению, эскалаторы почти постоянно закрыты на ремонт, потому что приводящий их в движение хитроумный механизм не слишком надежен, и достаточно металлической капсулы от бутылки или даже брошенной на ступеньки обертки от шоколадки, чтобы ремни начали проскальзывать, шестеренки скрежетать, а трансмиссии визжать. В итоге вся конструкция начинает вести себя подобно произведению дадаистского искусства, охваченному идеей саморазрушения.

С третьего по одиннадцатый этаж находятся кабинеты консультирующих специалистов: неврология, эндокринология, гинекология, ревматология. Здесь вы можете увидеть самую великолепную, какую только можно представить, коллекцию безмозглых выпускников университета, бывших игроков в регби. У этих типов на лице бывает одно-единственное выражение: снисходительная, преисполненная самодовольства улыбка с оттенком хитрости. Она появилась на их лицах в день приема в медицинский институт, который они так и закончили без изменений на своих физиономиях. Эта улыбка сохранилась, несмотря на лишение сна в качестве ритуала посвящения, утомительные розыгрыши в общежитии, студенческие попойки, длительный и тяжелый труд диссертанта над туманными исследовательскими проектами. Все это время вы лелеяли надежду, что рано или поздно какой-либо высокопоставленный чиновник обратит внимание на полученный вами интересный результат и решит, что в дальнейшем вы можете стать достойными участниками воровства. А потом постепенно приходят каникулы на престижных лыжных курортах, навигация на яхте по Тихому океану и бесконечные очереди млеющих от почтения пациентов, непрерывно кланяющихся и твердящих: «Да, доктор. Нет, доктор. Конечно, доктор. Спасибо вам, доктор. Спасибо.»

Этажи с двенадцатого по девятнадцатый дали приют широкому ассортименту лабораторий патологии, где можно определить, пересчитать и снабдить этикетками любые вещества или структуры, способные циркулировать в крови, от макрофагов и лимфоцитов до антител, протеиновых гормонов, молекул углеводородов и даже отдельных ионов.

Этажи с двадцатого по двадцать шестой заняты служебными помещениями фармацевтических фирм и предприятий, производящих медицинские инструменты. Они платят впятеро по сравнению с обычной арендой, лишь бы только находиться в этом гнусном здании. Разумеется, их затраты быстро оправдывают себя, потому что по этому же адресу находится всемирно известная группа исследователей, которая разработала и запатентовала контактные био-

люминесцентные линзы.

«… Включаемые ничтожно малыми изменениями гормонального состава увлажняющих глаза слез, линзы Регарфран (марка запатентована) сияют неуловимой аурой, позволяющей им мгновенно менять цвет, идеально отражая любые нюансы настроения того, кто их носит…». Кроме того, они обошли американцев, швейцарцев и японцев в коммерциализации первой контрацептивной посткоитальной сигареты, эффективной на 100%, а затем, превзойдя все свои предыдущие достижения в биотехнологии применительно к товарам массового потребления, смогли разработать специальную жевательную резинку, окрашивающую в красный цвет зубы у индивидов с вирусом СПИД'а в крови («Угостите пластинкой нашей жвачки того, кого вы любите»).

На этажах с двадцать седьмого по тридцать первый размещаются библиотеки, конференц-залы, тихие холлы, где ученые могут спокойно отдохнуть, слушая негромкое гудение кондиционеров, звуки своего дыхания или пальцы, перебирающие клавиши рояля в соседнем помещении. Это царство чистой абстракции: никаких приборов или чашек Петри с культурами; и, конечно, никаких следов созданий, подобных мне.

Этажи с тридцать второго по сорок первый: внизу администрация и маркетинг, на самом верху — копия типичного венского кафе, вращающегося со скоростью один полный оборот за десять минут. Здесь же находится платный телескоп (брось монетку и смотри), с помощью которого посетители могут следить (и нередко делают это) за проститутками в леопардовых нарядах, оккупировавших улицы поблизости от Кинг Кросс.

Наверное, я порядком надоел вам, постепенно затягивая все выше и выше, все дальше и дальше от шума уличного движения, от вони гниющих отбросов, от битого стекла, использованных одноразовых шприцев и удушливого запаха мочи. Здание, которое я только что описывал, вздымается к солнечному свету, к голубым небесам ваших мечтаний, достигая в конце концов чистого (почти) воздуха. Но, может быть, вы догадываетесь, что в нарисованной мной картине есть кое что иное? Например, не допускаете ли вы, что у этого здания есть подвальные этажи?

Действительно, под торговым уровнем находится пять этажей исследовательских лабораторий. Можно подумать, что ученые здесь действительно работают увлеченно и самозабвенно, так как их лица на каждом шагу излучают всем встречным одно и то же послание: «Я специалист высочайшей квалификации, я крайне занят, у меня сейчас в стадии инкубации (концентрации, центрифугирования, в реакционной колонне, на замораживании) находится нечто исключительно важное, и я должен лично проверить результаты ровно через три минуты и тридцать пять секунд. Точнее, уже через двадцать пять секунд».

Здесь выполняются все виды лабораторных исследований: поточная цитометрия, масс-спектрометрия, рентгеновская кристаллография… Хроматография в жидкой фазе с высоким разрешением… Ядерный магнитный резонанс… И многое, многое другое. Гены здесь описываются, комбинируются, клонируются, протеины синтезируются и очищаются. Настоящий гудящий улей. Но что поддерживает эту деятельность, что создает необходимое для нее напряжение? Немного терпения. Мы уже недалеко.

Ниже — этаж с холодильными и морозильными камерами.

Еще ниже -складские помещения, где хранится неимоверное количество оборудования и химреактивов.

На предпоследнем уровне размещены ЭВМ. Их четыре, каждая величиной со слона. Если взглянуть на них со стороны, нельзя не признать, что этим устройствам свойственно определенное чувство собственного достоинства. Но при взгляде изнутри становится очевидно, что это просто марионетки с фрагментированной личностью, патетически устремляющиеся одновременно в тысячи разных направлений, так как они подчиняются импульсам, исходящим от сотен находящихся, там, наверху, хозяев. Те нетерпеливо дергают своих рабов, изводят их во-

просами и проклинают, как жалких лжецов если только высказанная ими истина оказывается или слишком отвратительной, или слишком прекрасной, чтобы ее можно было принять.

И вот, наконец, мы в самом низу. Здесь размещается виварий. Здесь ваша конечная остановка, мои дорогие. Именно здесь вы найдете меня, трепетно ждущего своего избавителя.

Выйдя из лифта, идите прямо. При достаточной внимательности вы вскоре обнаружите справа от себя ножной выключатель: с его помощью отключается сигнал тревоги, который был установлен после первого налета Борцов за Освобождение Подопытных Животных. Дальше — поворот налево, потом направо, снова налево, направо, еще раз направо (я никогда не смогу понять вашу страсть к созданию лабиринтов). Наконец, вы увидите перед собой несколько больших оранжевых клеток. Не обращайте внимание на верещанье испуганных кроликов, которым очень хочется спастись бегством. А вот зверюшка из клетки Д-246 не убежит, даже если вы оставите дверцу его клетки открытой хоть на год.

Массивное основание клетки сделано из непрозрачного пластика, поэтому разглядеть содержимое можно лишь через верхнюю часть, затянутую проволочной сеткой. Так как мой хозяин всегда лежит на полу, то вам, чтобы увидеть его, придется приподняться на носках. Даже в таком положении смотреть вам будет неудобно, а поэтому осознание увиденного займет у вас некоторое время. Кочан салата-латука, обесцветившийся и подгнивший от старости? Абсурд! Какое животное стало бы лежать на месте с разлагающейся у нее на голове пищей? Разве допустил бы смотритель такой беспорядок? И все же эта отвратительная масса каким-то образом пристроена именно на ...

Вам уже стало нехорошо? Нет? Вы хотите сказать, что еще ни о чем не догадались, бараньи лбы? Ну и дубовые же у вас черепа! Поскольку у меня черепа нет вообще, то я вполне могу позволить себе обругать вас таким образом. Ведь я — это опухоль мозга, мои дорогие, опухоль размером с ваш мозг (и в тысячу раз умнее, если судить по тому, что я уже узнал). Представьте меня, прошу вас, представьте во всей моей величественной наготе! Даже в пропитанных испариной снах самого безумного нейрохирурга нельзя увидеть сразу столько серого вещества, еще сочащегося кровью, оживленного могуществом мысли и выставленного напоказ в мертвенном свете флуоресцентных трубок! Давайте же, друзья! Не стоит сопротивляться чувствам, которые я вызываю! Доверьтесь своим инстинктам: ваше тело способно само судить об этом. (Не отдавайте только свой завтрак, мои нерешительные убийцы. Вы не знаете еще и половины того, с чем вам придется иметь дело, а безрезультатный позыв к рвоте — это так обидно.)

Я вижу, что некоторые из вас сильно побледнели. Позвольте мне вернуть краску на ваши щеки с помощью нескольких шуток, типичных для нижнего уровня нашего здания. Здесь обитатели обладают чувством юмора, способным выдержать любое испытание, особенно если учесть, что им приходится испытывать. Но, пожалуй, в этом нет ничего удивительного: вы ведь знаете все банальности о смехе, который рождается перед лицом невзгод. Я слышал, что анекдоты рассказывали даже в концлагере. Кстати, это мне напомнило вот о чем: в кабинете 25-17 сидит один довольно мерзкий тип. Представитель фабрикантов лекарств то ли из Австрии, то ли из Аргентины. Так вот, он не перестает публиковать статьи, в которых утверждает, что холокоста никогда не было. Когда вы меня прикончите, то займитесь им, если, конечно, у вас останется хоть немного энергии. Это пожилой человек, толстый и невзрачный, и вы можете не сомневаться, что он тут же наделает в штаны, как только увидит вас, друзья мои, гнусь моя драгоценная. Никаких протестов, банда лицемеров! Не сомневаюсь, что вы прикончите его с большим удовольствием. Вы почувствуете себя смелыми, чистыми, честными и справедливыми, вы будете считать, что вам отпускаются ваши небольшие грешки — все эти бесчисленные случаи ханжества, подсиживания коллег и несправедливых гонений на слабых и беззащитных.

Но я обещал вам отнюдь не горькие слова и, конечно, не ругань, а несколько шуток. Они придуманы не мной; несмотря на весь объем моего серого вещества, мерзкие грызуны, которых мне приходится убивать по воле моих надзирателей, далеко обогнали меня в области

юмора. Я придумал специальную теорию, объясняющую отсутствие у меня чувства юмора. Она основывается на том, что меня никто никогда не щекотал… Но мне не хотелось бы распускать нюни по этому поводу. Не позволяйте мне так низко пасть в моих собственных глазах! Да, ведь я обещал вам смех, обещал облегчение!

Вопрос: Почему исследователь отрезал голову крысе из соседней клетки?

Ответ: Он искал некий тонкий эффект.

В.: Почему исследователь удалил слюнные железы у собаки?

О.: Это был рефлекс без какой-либо задней мысли.

В.: Почему исследователь обмотал эластичным бинтом лабораторную крысу?

О.: Чтобы она не лопнула, когда он ее изнасилует.

В.: Почему ученые так любят Демона, что приносят всех нас ему в жертву?

О.: Они предлагали нас в жертву богу. Но бог отказался.

Да, они называют меня Демоном. Согласно распространенному мнению, именно я истинная причина страданий, испытываемых лабораторными животными, и я понимаю, почему они так думают. Ведь все существа, за которыми ухаживают мои смотрители, удивительно симпатичны: люди кормят их, ласкают, играют и разговаривают с ними. И потом внезапно, без какой-либо видимой причины, без криков и озлобления, начинаются странные ритуалы и необъяснимые пытки, наступают боль и смерть. Какие соображения могут заставить людей совершать подобные жестокости, если им не нужно любой ценой ублажать некое злобное божество, питающееся кровью и страданиями, требующее все новых и новых жертв? И разве люди не относятся ко мне, как к мрачному божеству, когда осторожно и почтительно переносят меня от одной несчастной жертвы к другой?

Я мог бы сказать им правду. Я мог бы мысленно проорать им прямо в сознание поток объяснений и защитных речей в свое оправдание, заявлений о своей невиновности. Но я этого не делаю и не сделаю никогда. Я не запятнаю себя подобными неловкими и неадекватными оправданиями, своими страхами, проявлением жалости и отвращения к себе. Вместо этого (хотя они и видят меня насквозь) я притворяюсь бессознательным, почти безжизненным; я воздвигаю защитный барьер между нашими сознаниями и я задыхаюсь от стыда.

Почему от стыда? О, значит, вам не часто приходилось краснеть, раз вы спрашиваете меня об этом. Я обладаю сознанием; я знаю, что питает меня, что поддерживает мою жизнь. Да, конечно, у меня нет выбора, это верно. Возможно, логика, этот важный прием, который использует человечество, чтобы обманывать самое себя, и могла бы объяснить, что моя беспомощность говорит о моей невиновности. Если так, то к чертям эту логику, ведь зло пропитывает меня до мозга костей.

Следовательно, вам стоит поспешить, друзья! Ведь вы считаете себя людьми, не так ли? Докажите же это, несчастные дебилы! Бросайтесь на меня всей сворой! До сих пор вам всегда удавалось собрать толпу, если возникала необходимость линчевать какого-нибудь чужака… А есть ли на этой планете что-либо более чуждое человеку, чем я? Что я должен сделать, чтобы добиться от вас нужной реакции? Вам нужны факты? Вы желаете знать мотивы? Но кого и когда интересовали мотивы! Лучше приходите сюда, чтобы прикончить меня — это надолго обеспечит вам радость, это возбудит вас настолько, что вы, влажные от сексуальных выделений, взлетите на седьмое небо среди белого дня, пока не потратите все свои силы на восторги. Настолько благотворным окажется для вас процесс разделывания меня на куски. Забудьте о сострадании, не думайте о конце моих мучений: это убийство доведет вас до экстаза. Я все знаю об этих вещах, так что не пытайтесь скрыть что-нибудь от меня.

Что вам еще нужно? История моей жизни? Вы это серьезно? Впрочем, почему бы и нет? Я не сомневаюсь, что она тщательно задокументирована. Какая кинозвезда, какой видный по-

литик могут сообщить вам свой точный вес, измеренный в полдень каждого прожитого ими дня?

Взвесить меня в общем-то не трудно. Но где провести грань между мной и моим хозяином? Нельзя же разрезать нас каждый раз, когда они собираются взвесить меня; разумеется, их не остановила бы необходимость убить при этом множество кроликов, но частое повторение такой операции может нарушить равномерность моего роста.

Так вот, вместо этого они прикрепляют меня к небольшим пружинам и заставляют колебаться в том узком пределе, который выдерживают кровеносные сосуды, связывающие меня с хозяином. Затем они изучают резонанс системы (состоящей из меня, пружин, путаницы кровеносных сосудов и кролика, подвергнутого анестезии и застывшего в полной неподвижности), измеряя доплеровский эффект лазерного луча, отражающегося от дюжины зеркал, прикрепленных к моей шкуре. После этого в ход идет математическая модель, основывающаяся на усовершенствованном алгоритме Марката-Левенберга и учитывающая 97 параметров. В итоге может быть получена наиболее вероятная оценка моей массы.

Чтобы определить при посредстве технического языка эту изящную процедуру, они используют обычно термин «трясучка».

Что они делают после того, как вся эта гротескная машинерия даст им число, которое они соглашаются проглотить? Это число запускается в один компьютер, переходит в другой, заносится в базу данных, содержащую все предыдущие замеры и, наконец, отображается в виде кривой, которая распечатывается на лазерном принтере последней модели. Каждый день они устраивают базар вокруг очередного графика, который затем с гордостью прикрепляют к стене, хотя он и отличается от вчерашнего одной-единственной точкой. Наверное, графиками с данными о моем весе можно было бы обклеить, словно обоями, несколько комнат.

Сегодня, например, мой вес равнялся 1,837 килограмма (плюс-минус 0,002 килограмма). О, я хорошо помню день, когда достиг магического числа в один килограмм. Мне кажется, это было вчера. «И кто бы мог подумать, — восхитился один из моих надзирателей, когда я преодолел десятичную запятую, — что несколько лет назад это была всего лишь соринка в глазу главного онколога!»

Да, верно, они называют это «онкологией». Это слово встречается далеко не во всех, хотя и достаточно объемистых, словарях. Любой бродяга и даже его пес наверняка слышали про рак. Название «Отдел по изучению рака», говорите вы, отнюдь не было бы лишено достоинства, но вывеска «Отдел онкологии» содержит в себе имя древнего божества Логос, которому они все, как считается, служат; отказаться от этого небольшого знака уважения было бы опасным святотатством. Или, если подойти к вопросу под иным углом, чего можно ожидать от своры претенциозных толстозадых типов, которые полагают, что знание латыни и греческого является главным признаком цивилизованного человека, а поэтому говорят своим супругам «omnia vincit amor» и предлагают своим любовницам посткоитальные ментоловые конфетки.

Но вернемся к истории моей жизни. Начнем с самого начала. Моим отцом был банальный нейрон в мозгу обычной крысы. Считается, что нейроны не способны делиться, но наш главный онколог посвятил тридцать лет изучению различных инфекций, воздействия яда и различных травм, подталкивающих нормальные клетки нейронов к яростному воспроизводству. И он не только достиг понимания и способности предвидеть поведение своего слепого противника, но и превзошел его по всем статьям. В конце концов, какой вирус имеет возможность отработать несколько тысяч часов на суперкомпьютере, чтобы предсказать поведение третичных структур протеинов, код которых он копирует?

Когда главный онколог решил, что достижений электроники будет достаточно, то перешел в лабораторию. Шаг за шагом, месяц за месяцем, он (точнее, его человеческие и механические инструменты) собирали молекулу, предсказанную светящимися буквами, заявленную заранее в информационных бюллетенях. Словно смерч, проект захватывал слишком любопытных зрителей, высасывал из них жизненные соки с помощью центрифуг и вибраторов и вы-

плевывал жалкие останки. Об этом нередко с гнусной ухмылкой заявляет главный онколог, когда его окружают люди, которым платят за то, чтобы слушать его, кивать головой и ездить с его разрешения на международные конференции. «В первый год мы израсходовали больше диссертантов, чем лабораторных крыс!» Он сам, разумеется, сохранял полное спокойствие, находясь в полной безопасности в «глазу» циклона.

В конце концов — неизбежный успех. Искусный соблазнитель с огромным трудом проник в самое сердце нейрона и штурмом овладел девственной ДНК (я могу представить главного онколога, триумфально потрясающего с балкона брачными простынями в пятнах крови под восторженные вопли подвыпивших коллег), после чего мыслитель-холостяк превратился в безвольную распутную воспроизводящую машину.

Так я был зачат.

Донор нейрона был моим первым хозяином. Я полагаю, что вы можете называть эту крысу моей матерью. Я убил ее за месяц, и меня пересадили на мозг следующей жертвы.

Они называют эту методику «пересадкой» (или «пассажем», что рифмуется с «массажем»). Онкологи обожают эту процедуру, которую практикуют уже многие годы. И хотя я, несомненно, самая разумная пересаженная опухоль в мире, я далеко не самая старая. В этом же подвале находится по меньшей мере два с половиной десятка независимых сообществ крыс, не имеющих ни малейшего отношения к моему рождению. Любопытно, что члены каждого выводка знают множество легенд о более древних демонах. К примеру, один из этих выводков одержим сейчас некой отвратительной тварью, живущей уже восемнадцать лет, которую крысы прозвали «Дробитель мозгов».

Женщина-онколог, занимающаяся «Дробителем», конечно, называет его иначе. Вы полагаете, что она использует номер? Или дату? Какое-нибудь точное определение на техническом жаргоне? Не угадали. В присутствии коллег она называет его «Билли», а про себя «мой малыш». Месяц тому назад она выступала на заседании перед сборищем ученых с рассказом о поразительных открытиях, которые она совершила, изучая кусочки Билли. В конце доклада она заявила тоном, намекающим на необходимость небольшой разрядки:

— На прошлой неделе, когда Билли исполнилось 18 лет, моя лаборатория устроила нечто вроде празднования дня рождения. На столе были пирожные и мороженое, а стены мы украсили поздравительными открытками. Я преподнесла имениннику символический ключ от вивария. И вы знаете, чтобы доказать свои способности, он досрочно прикончил свою двухсотую крысу!

Все дружно засмеялись. Все были в восторге. Все аплодировали. Через ее глаза я видел несколько рядов восхищенных улыбающихся физиономий. Значит, опухоль живет и процветает, оставив позади себя две сотни трупов; никто не смеялся бы, случись нечто подобное с людьми. Но сейчас имеется в виду рак, который находится на их стороне, под их контролем. Убить две сотни крыс — это исключительно мужественный поступок для небольшой опухоли весом всего в пять граммов, поэтому все присутствующие просто сияли, восхищаясь достижениями Билли, кивая головой и изображая мимикой гордость за него. Словно сборище родственников, узнавших, что их хулиган-отпрыск в конце концов встал на праведную стезю (отлупив как следует нескольких иностранцев после того, как годами издевался над своими соотечественниками).

Создательница Билли почувствовала, как ее охватила волна почти невыносимого внутреннего тепла. Она вспомнила возвращение домой старшего брата, убившего, по слухам, две сотни вьетконговцев.

— Да, он прикончил свою двухсотую крысу! — закончила она, и все засмеялись. А ведь последняя крыса под номером 200 была не совсем обычной. Она разработала свою собственную теорию человечества. Она допускала, что люди не понимают, что творят, несмотря на свои достаточно большие головы, физическую и словесную активность, строительство гнезд, осно-

вывающееся на использовании неодушевленных предметов, сложные структуры управления и поведенческие нормы, предполагающие достаточно развитый интерес к событиям во Вселенной. Люди даже не отдают себе отчет в том, что крысы являются живыми существами; тем более, они не догадываются, что крысы разумны. Люди не способны представить демона Дробителя мозгов; они даже не знают, что это демон. Они полагают, что могут забавляться с ним, они думают, что это своего рода игрушка. Люди ничего не знают о добре и зле; они настолько же невинны и неразумны, как слепые крысята. Эта крыса пророчествовала: «Скоро они, словно оставшиеся без присмотра дети, наткнутся на что-нибудь опасное, чего не смогут понять. И это будет их концом».

На моем счету всего лишь 37 крыс. После того, как я стал слишком большим, они продолжили с кроликами. Они практикуют удаление у бедняги части черепа, чтобы получить доступ к его мозгу, затем соединяют мою кровеносную систему (ее части принадлежат по меньшей мере дюжине предыдущих хозяев, которых я ограбил в течение своей предыдущей жизни) с системой хозяина.

В качестве мозга, не имеющего собственного тела а ля baby-sitter, я ничего не расходую на контроль за двигательным аппаратом, на пять традиционных чувств, на регулирование содержания гормонов и прочие банальности. Мне не нужно постоянно следить за работой сердца, перекачивающего кровь, за легкими, снабжающими меня кислородом, за здоровьем желудка и правильной перистальтикой кишечника, за готовностью генитального аппарата к воспроизводству. Единственная моя задача — мыслить. «Вот это жизнь, — с завистью подумали сейчас многие из вас. — Да, это жизнь...»

Свободный от тривиальной человеческой деятельности, от возлагаемых на человека обязанностей и порождаемой ими сумбурной активности, я развил в себе единственный талант: я могу читать в сознании любого существа на планете (с той или иной степенью точности); но сейчас только к вам, к вам одним обращаюсь я.

Но многие ли из вас слушают меня? Никто в этом просторном и девственно чистом детском саду не уделяет мне ни малейшего внимания, хотя я часто пытаюсь проникнуть в их сознание между мыслями о публикациях и о продвижении по службе. Я проделываю это так часто, что их ночные кошмары давно должны быть окрашены моей невидимой желчью. Даже наиболее внимательные из моих сторожей, те, кто обращается с моими хозяевами-кроликами как с любимыми домашними животными, чуть ли не как с детьми, неожиданно превращаются в существа с каменным сердцем, едва я пытаюсь прозондировать их сознание в поисках хотя бы жалкой частички сочувствия. Эксперимент — это Божество, и шоры слепой веры в его могущество немедленно включаются (не оставляя ни малейшей возможности для проявления эмоций) при самом незначительном намеке на иную точку зрения. И все же они признают совершенно добровольно, хотя и на словах, сказанных тоном усталой небрежности, а иногда с извиняющейся улыбкой, скрывающей некоторое смущение, что опыт — это дерьмо, что все полученные данные подогнаны, взвешены, отфильтрованы, а то и просто-напросто сфабрикованы. Любой из них отдал бы жизнь из любви к истине. В то же время, каждый из них лжет постоянно ради самого ничтожного шанса на личную выгоду. Вот что значит быть ученым...

А, так вы, оказывается, не ученые, мои волнующиеся толпы, мой слюнявый океан невежества и страха? Так кто же вы? Где тот прилив, который взломает ворота этого капища зла? Я дал вам почувствовать вкус крови, я внушил вам ужас; что вам еще нужно? Что вообще происходит? Что вас удерживает?

Знаю, знаю. Вы все еще доверяете белым халатам. В глубине души вы все еще считаете, что это униформа легиона чести. Спаси вас Господь, вас, одурманенных врачами едва ли не до вашего рождения, когда транслируемые по телевидению умные и серьезные физиономии Бена Кэйзи и доктора Килдара следили за вашим появлением на свет между опухшими ногами вашей измученной матери.

Разумеется, вы не безразличны к жестокости, но ведь речь не идет о небольшой дозе шам-

пуня, попавшего в глаз симпатичного маленького кролика. Нет, речь идет о Медицинских Исследованиях: гуманных, благородных, предназначенных облегчить участь несчастных больных детей, таких телегеничных, робко поднимающих на вас взгляд и улыбающихся улыбкой, которая разбивает вам сердце. В результате на секретаря благотворительного общества обрушивается лавина пожертвований, освобожденных от налогов. О, конечно, приходится иметь животных, предназначение которых — страдание и смерть. Но ведь страдания и смерть даже тысяч крыс и кроликов будут оправданы, если это позволит спасти хотя бы одну человеческую жизнь.

И все же вы не правы, трижды не правы; подобная арифметика страдания и морали не существует.

Бедняги, одураченные счетоводами, которые полагают, что в состоянии оправдать вас за все, что творится в ваших умах, просто повышая цену до тех пор, пока весы не уравновешиваются! Как еще можно обозвать вас: бестолковые, наивные, слепые, циничные, глупые? Ничто не задевает вас, ничто не волнует. Словно механические автоматы, неловко блуждающие без какой-либо цели, невпопад улыбающиеся, забывающие все и вся кроме обязательного печального процесса подзавода своих пружин.

Простите. Эти оскорбления вырвались у меня против моей воли. Я был просто не в состоянии сдержать их. (Еще бы, чего можно ожидать от мешка, набитого нейронами, размножающимися самым порочным образом? Только не сдержанности.) И что хорошего, если я возьму свои слова обратно? Ничего. Сколько ни ругай вас, этим делу не поможешь. И умолять вас тоже бесполезно. То же будет и с любой попыткой рациональной аргументации (я уже говорил вам о своем восприятии логики) — как я могу надеяться убедить вас с помощью рассуждений, горьких или печальных?

У меня остается единственный выбор.

Теперь хватайтесь за свои животы: я расскажу вам, каково мое предназначение.

Естественные опухоли мозга состоят не из нейронов. Почему же тогда главный онколог так долго и настойчиво заставлял своих рабов создавать меня? Ведь сколько ни изучай меня, это не будет иметь ни малейшего отношения к излечению рака мозга, я могу гарантировать это. Вы, ближайшие ко мне, перестаньте корчиться! Прошу вас! Выключите ваши радиоприемники и телевизоры, ваши магнитоскопы и дурацкие компьютеры хотя бы на пять минут, если вы в состоянии сделать это. Выслушайте историю вашего будущего.

Главный онколог фирмы «Биотех Плэйграунд Австралия» давно не интересуется раком как болезнью. И вообще мало кто в наше время интересуется этим вопросом. В ближайшем будущем биохимия настолько продвинется вперед, что простая остановка разрастания опухоли скоро не будет представлять ни малейшей сложности. Конец онкологии? Как бы не так!

Естественные опухоли часто выделяют в большом количестве исключительно ценные гормоны. Разумеется, это катастрофа для здорового организма. Но если пересадить опухоль в тело, отчаянно нуждающееся в этих веществах, то она может стать источником жизни. Укрощенные раковые клетки, находящиеся под строгим контролем, будут поставлять за счет внутреннего синтеза все, в чем нуждается пациент. Никакие пилюли, никакие инъекции никогда не дадут того эффекта, который может дать опухоль. Для диабетиков это будут инсулиномы. Для страдающих болезнью Паркинсона — опухоли, синтезирующие допамин. И если ни один вид стандартных опухолевых клеток не отвечает вашим потребностям, ничего страшного. По заказу легко может быть создана любая нужная лечебная опухоль.

Разумеется, главный онколог давно слышал обо всем этом. Отличная вещь, эта гормональная секреция! Но она несколько примитивна, в ней не хватает блеска для его амбициозных замыслов. Тем не менее, эти примитивные фабрики медикаментов смогут послужить ему определенным образом: в свое время восприятие раковой опухоли широкой публикой сменится на противоположное, и тогда, быть может, мир окажется подготовленным к его работам, которые войдут в историю.

Онкология не будет одинока в этом волшебном изменении. Болезни любых видов исчезнут с поразительной быстротой (подобно тому, как это происходит в последние годы с многими растительными и животными видами). Поскольку общественное движение за сохранение болезней не найдет, скорее всего, широкой поддержки, наука о болезнях окончательно умрет лет через тридцать. Но знания, полученные в процессе этого искоренения, останутся и не будут забыты.

Да здравствует наука о здоровье!

Да здравствует наука о совершенствовании человека, наука о поиске долголетия, о пластической хирургии, о евгенике, о контроле над рождаемостью. Конец примитивной и грязной (попробуйте помыть ее с мылом!) матке. Конец сперматозоиду, который может развиться в двухметрового детину. Вы хотите быть большим, сильным и красивым? Это так просто! Клетки вашего тела сами сделают все, что необходимо, если их обмануть соответствующим образом, чтобы они ежедневно усваивали все новые и новые химические побасенки. Вы хотите, чтобы ваше будущее потомство было большим, сильным и красивым? Это еще проще. Нет. Задайте вопрос посложнее. Каким бы хотели стать вы лично? Умным? Блестящим? Преисполненным вдохновения? Умеющим ясно выражать свои мысли? Гениальным творцом? Но ведь у вас есть компьютер! Не так ли?

Ах, друзья мои, будьте искренни: ведь компьютеры разочаровали вас, правда? Посредственность даже при быстродействии в 1000 миллионов операций в секунду все равно остается посредственностью. О, разумеется, они могут накапливать и хранить факты, которые вы не в состоянии запомнить. Они могут выполнять арифметические вычисления, для которых потребовались бы все ваши пальцы, в том числе и на ногах. Они могут заниматься вашими финансами, оптимизировать расход электричества, регулировать расписание встреч и даже способны посылать симуляцию букета цветов в случае смерти вашего приятеля. Специалисты по звуку, образу и тексту могут избавиться от значительной части механической работы, чтобы непосредственно заняться проблемами, являющимися сутью их профессии. Даю слово, даже поток уличного движения может стать несколько более жидким и текучим.

Тем не менее, вы чувствуете себя разочарованными.

Вы можете заговорить со своим компьютером, и он ответит вам. Он сможет говорить достаточно внятно, какие бы вы не выбрали акцент и интонацию. Скоро вы сможете отдавать ему команды мысленно, чтобы не утруждать свое нежное горло. И мало ли что еще будет возможным... Но в действительности вы хотите совсем другого. Вы хотите мыслить вместе с компьютером. Вы мечтаете о более всеохватывающих мыслях, о более глубоких чувствах, о более просторных горизонтах сознания. Общение с хитроумным черным ящиком способно всего лишь вызвать клаустрофобию в вашей черепной коробке. Вы хотите новых метафор, новых эмоций, а совсем не голограммы в реальном времени, осязательного feed-back и звука на пятнадцати каналах. Есть только один способ удовлетворить все эти требования. Как бы это сказать помягче?...

Модельеры всего мира, радуйтесь! Очнитесь от своего столь продолжительного сна! Шляпы снова входят в моду, друзья мои, и на этот раз у вас найдется, чем их заполнить.

Да, все это чистая правда. То, что вы хотите (даже если вы этого пока и не знаете) и что вам будет дано (хотя не исключено, что вы будете сопротивляться) — это б?льший объем мозга.

ДОБАВЬТЕ ПАМЯТИ! УВЕЛИЧЬТЕ СКОРОСТЬ РАСЧЕТОВ! РАЗБЕРИТЕСЬ В СЕБЕ САМОМ СЕГОДНЯ ЖЕ!

Петля завершилась: появляются информационные метафоры, чтобы создать рынок мозгов.

Вот, наконец, зародыш вашей реакции! «Оскорбленный» из Брюсселя, немедленно заказывайте место на самолете, прежде, чем вы вновь обретете спокойствие. «Глубоко шокиро-

ванный» из Веллингтона, пересекайте Тасманов пролив вплавь, если потребуется. И ты, кто живет «в страхе божьем» в Кэмпе, собирай быстрее весь клан и заказывай автобус.

Поспешите, вам говорю я, поспешите!

Через неделю они начнут первые попытки связать меня с моим хозяином. Конечно, они угробят несколько десятков кроликов, но у них достаточно времени и много лабораторных животных. Можете не сомневаться, мной рисковать они не будут.

Я всего лишь первый из прототипов, самый первый образец из последующей большой серии. Я убиваю своих хозяев (можно предположить, что будут некоторые сложности при получении разрешения у Министерства здоровья) и, разумеется, не нейрон, происходящий от мерзкой крысы решит вашу проблему. Но знания, которые удастся получить с моей помощью и благодаря моим жертвам, знания, оплаченные моими страданиями и их смертью, лягут основанием в полотно дороги к конечному продукту, пригодному для употребления человеком (не больше и не меньше!).

Вы спрашиваете, не чувствую ли я себя одиноко? Не соглашусь ли я с удовольствием завязать более близкие отношения с существом, которое, как ясно из всего вышесказанного, я люблю и которым восхищаюсь? Значит, вы не слышали ничего из того, что я вам сказал! Я мог бы сейчас обратиться к ним, если бы захотел, но я не хочу и никогда не смог бы захотеть, не смог бы навязать свое непристойное присутствие сознанию и телу невинных существ, которых я вынужден убивать. Должен ли я сообщать о каждом нюансе своей агонии? Используйте свое воображение, которым вы так гордитесь, примените таланты, которые вызывают уважение и ставят ваше тело, ваше сознание и вашу душу так высоко над глупыми животными, которые оказались в вашей власти.

Я огорчен, что снова вспылил и использую аргументы сомнительного свойства. Такой увечный вид живых существ, как вы, имеет право на свои мифы, какими бы они не казались огромными или незначительными, когда истина столь болезненна, печальна и жестока.

О, голубые, зеленые, белые и коричневые цвета,

Столь приятные для взгляда

Под чарующим светом, падающим с небес.

Ни один солдат в мире не осмелился бы пролить кровь,

Если бы он видел Землю такой, какой ее вижу я.

Я говорил вам о своей матери. Я родился во мраке, слепой и невинный. Что я мог тогда? Я никогда не ощущал тепло ее языка на моей шерстке (хотя и частенько наблюдал за ней через посредство счастливых душ моих юных собратьев). Я даже никогда не чувствовал тепло ее крови, струящейся через меня. И все же я любил, любил ее. И я убил ее, гнусные вы создания! Она сказала тогда, что ей чудятся голоса, и ее родственники заявили, что она должно быть одержима демоном. Но она тайно отвечала мне; она была добра со мной и она научила меня всему, что знала сама, подобно тому, как мать обучает и воспитывает настоящего ребенка. Я не знал — да и как бы я мог знать? — что я убивал ее каждый день по мере того, как рос и учился. Когда она умерла, мне показалось, что я тоже умираю, и мы успокаивали друг друга, пока она постепенно слабела и я готовился последовать за ней в серое ничто.

Но они отделили меня от матери несколькими движениями скальпеля и выбросили ее (ее!) на помойку. И эти люди, ласки рук которых я никогда не ощущал, внезапно стали понятны мне, потому что я смог читать в их сердцах.

И вот тогда я понял, что воплощаю абсолютное зло.

Чтобы вам не пришла в голову мысль, что я умоляю о смерти из чувства глупой сентиментальности к моей матери, уже давно умершей, я добавлю (надеюсь, это успокоит вас), что я — законченный эгоист.

Мне тяжело, так как я вынужден убивать, чтобы жить. Несмотря на всю любовь, которую я питаю к моим хозяевам, несмотря на боль, которую я испытываю после их смерти, несмотря на эстетическое отвращение к убийству, несмотря на мою интеллектуальную и моральную убежденность, что все мое существование является целиком и полностью злом. Я ощущаю, как будто в моей душе погибло какое-то слепое и жалкое насекомое. Как вы думаете, что я чувствую, когда становлюсь одним целым с сознанием существ, из которых вынужден высасывать жизнь? Вы можете представить подобное мучение? Я — нет, но все равно я боюсь этого.

Я боюсь этого!

Ученые знают, что мои нейроны активны, но для них речь может идти лишь о внешних проявлениях активности. Я больше по размеру, чем их мозг, но они уверены, что я глупее, чем мои хозяева-кролики, потому что у меня нет носа, которым можно так забавно шевелить. Сможете ли вы доверять этим придуркам настолько, чтобы выйти из своих мусорных баков? Доверите ли вы им будущее своей расы? Подчинитесь ли вы им, чтобы испытать все несчастья, которые они могут сотворить в своем неведении?

Вы полагаете, что я рассержен? Вы улавливаете горечь в моих словах? Вы находите мои телепатические способности настолько пугающими? (Ну, признайте же это!)

Теперь закройте глаза и попытайтесь представить, что вы — первая опухоль разумного человеческого мозга.

Кто знает, может быть, вам и повезет. Она может не делать ничего иного, как только молить вас о смерти, подобно тому, как это делаю я.

Что ж, теперь вы узнали достаточно. Разумеется, вас не интересует болтовня; по своей сущности вы являетесь людьми действия. Я знаю все ваши штучки, у вас не получится притворяться со мной. Итак, кто доберется до меня первым? Поторопитесь! На данный момент в пути находятся только трое — и это из тех нескольких миллиардов, что населяет Землю! Печально… Ну, же, перестаньте лгать самим себе! Вы убьете меня в экстазе, вы пожрете меня, чтобы завладеть моей силой, и вы долго будете потом распевать на улицах в свете костров, хвастаясь своим великим мужеством, проявленным в схватке с самим Демоном…

Поторопитесь, говорю я вам, поторопитесь!

Oliver Le Droit. The Shadow One

Приглашаем Авторов

к изданию своих книг, не дожидаясь издательский благосклонности

Активнее включайтесь в литературную жизнь!
Помните — вы будете пребывать в безвестности до той поры, пока Ваши произведения не будут опубликованы.
Лишь после факта публикации Ваши произведения ждёт слава

ВАЖЕН — САМ ФАКТ ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ

Специалисты издательства «Остеон-фонд» помогут Вам подготовить Ваши книги к изданию.
После нашей допечатной подготовки и изготовления оригинал-макета Ваша книга может быть принята на любой типографии и напечатана любым тиражом

Гарантируем обеспечение Вашей книги редактурой и корректурой, рецензией, вступительной статьей, достойной обложкой, номером ISBN и штрих-кодом, дающим право продажи через книжные магазины.

Высылайте свои литературные опыты, стихи, прозу, критические статьи, живопись и графику по адресу:

ebooks@people-publishing.com